

ЖИЗНЬ

И

ОХОЖДЕНІЯ

ШЕТА СТЕШАНОВА СЪЕДА

СТОЛБИКОВА,

ПОМЪЩИКА ВЪ ТРЕХЪ НАМЪСТНИЧЕСТВАХЪ.

РУКОПИСЬ XVIII ВѢКА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИЗДАНИЕ

КОНТОРЫ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ ФИШЕРА.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи предста-
влено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземп-
ляровъ. С. Петербургъ, 20 Октября 1841 года.

Писавъ Ценсоръ П. Корсаковъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О ТОМЪ, КАКЪ СЛУЖИЛЪ Я У РАСЧЕТЛИВАГО ПОМѢЩИКА.

...«Да скажите, баринъ, куда васъ везти?»

Отъѣхавъ уже версть пять отъ деревни, началъ я понимать спрашивающаго меня извозчика. Какъ будто при пробужденіи, не помня, гдѣ я и что со мною дѣлается, я долженъ былъ спросить, что ему нужно отъ меня?

«Куда мнѣ васъ везти? Вотъ уже сколько, какъ мы выѣхали и я все спрашиваю васъ, а вы мнѣ ничего не говорите, только вздыхаете, плачете, да что-то себѣ рассказываете; инда меня страхъ бралъ. Сказано ѣхать, а куда, не знаю. Спрашивалъ, спрашивалъ, отвѣта нѣтъ; хотѣлъ назадъ везти.»

— Ни за что въ свѣтѣ не поѣду назадъ! — сказалъ я, испугавшись одной мысли видѣть г-жу Прямикову. Но куда ѣхать? Изъ всѣхъ близживущихъ, — знакомыхъ мнѣ помѣщиковъ, первый пришелъ мнѣ на мысль Звонкинъ. Онъ любилъ меня, часто звалъ къ себѣ; былъ веселаго, живаго характера, подъ-часъ шалунъ, затѣйникъ, однимъ словомъ, человѣкъ, который скоро разсѣетъ мои мрачныя мысли; жена его — женщина молодая, два года только какъ вышла за него изъ бѣдной фамиліи, любила мужа страстно и хотя видѣла его неосновательность и вѣтреность, но по слѣпой къ нему любви, еще извиняла его; поэтому я надѣялся, что они не откажутъ мнѣ въ пристанищѣ, и приказалъ ѣхать къ нимъ.

Звонкины встрѣтили меня точно съ усердіемъ. Они полагали, что по смерти Прямикова я, не поладивъ съ женою его, оставилъ мѣсто; но когда рассказалъ я о тиранствѣ съ Настенькою, то они одобрили мой поступокъ. Г-жа Звонкина плакала, слушая мой рассказъ, и мужъ ея призадумался. Потомъ сказалъ:

«Старикъ самъ испортилъ все дѣло. У меня не такъ. Мои будутъ ловкіе офиціанты и миленькія горничныя. Такъ ли, машеръ?» спросилъ онъ у жены, цѣлуя руку ея.

Она отворотилась, тяжело вздохнувъ.

Звонкинъ забавлялся моимъ положеніемъ, что у меня изъ подъ носу вырвали невѣсту, что я долженъ жестоко страдать, и все такое.

Я просилъ позволенія пожить у нихъ, пока прищу себѣ выгодное мѣсто, все-таки управляющаго въ имѣніи.

«На что же лучше? вскричалъ онъ: оставайся, мон-шеръ, у насъ. Съ недѣлю назадъ управляющій отошелъ отъ меня, и имѣніе въ безпорядкѣ. Вотъ тебѣ двѣ тысячи рублей жалованья, столъ и бесѣда всегда съ нами, ты меня будешь веселить. Экипажи, лошади и все въ твоемъ распоряженіи; управленіе безотчетное. Оставайся.»

— Помилуйте! сказалъ я, управлять полуторастами душами, безъ заведеній, и такое огромное жалованье? Это ни на что непохоже! —

«Вотъ видишь ли, мон-шеръ! Я рассчиталъ, что выгоднѣе дать тебѣ двѣ тысячи; ты ничего не украдешь и пріобрѣтенное доставишь мнѣ сполна; а другой, при умѣренномъ жалованьѣ, будетъ окрадывать меня безъ числа. Мой расчетъ математическій, слѣдовательно вѣренъ.»

— Хорошо. Я остаюсь у васъ, и моимъ управленіемъ будете довольны; но жалованья буду брать, сколько велигъ мнѣ совѣсть. —

«Не спорь же, мон-шеръ; иначе я назначу тебѣ три, четыре тысячи. Не упрямясь. А именинные подарки въ твои и наши дни—не въ счетъ, они особо.»

— Хорошо, хорошо—сказалъ я, и пошелъ въ контору приниматься за распоряженія.

Имѣніе нашелъ я въ ужаснѣйшемъ положеніи! Оно было въ залогъ въ банкѣ и за текущій годъ проценты не были уплачены. Кромѣ того, частныхъ долговъ было столько, что уже имѣніе не могло выплачивать. Хлѣбъ на корнѣ проданъ, на гумнѣ ни соломенки, въ анбарахъ ни зерна. Лѣсъ проданъ на срубъ погодно, а деньги всѣ взяты впередъ; заведеній никакихъ.

Вотъ въ какомъ имѣніи долженъ былъ я распоряжаться! Сколько нибудь исправить всѣ упущенія иначе невозможно было, какъ занять на первый случай хотя бы тысячу пять; но кредиту не было нигдѣ...

На другой день, утромъ, у Звонкина былъ кто-то пріѣзжій и вскорѣ приказано мнѣ заготовить заемный актъ на двѣ тысячи рублей у пріѣзжаго господина. Ну вотъ, подумалъ я, будетъ чѣмъ уцѣпиться на первый случай.

По отъѣздѣ гостя, я поспѣшилъ къ Звонкину съ объясненіемъ о затруднительномъ положеніи нашего хозяйства и готовился принять отъ него занятую имъ сумму, представляя всѣ выгоды, какія на нихъ можно сдѣлать. И чтоже? Онъ мнѣ съ своимъ обыкновеннымъ веселымъ духомъ отвѣчалъ: «И, мон-шеръ! хозяйство хозяйствомъ, пусть идетъ по твоему распоряженію. А я рассчиталъ, что въ это время очень выгодно передѣлать домъ. Уже и подрядчикъ готовъ, а вотъ и планъ. Видишь ли? Подъѣздъ и входъ будетъ совсѣмъ съ противной стороны, нежели теперь. Какъ удивится жена, когда привезу ее послѣ передѣлки дома, и она не найдетъ ни прежняго входа, ни спальни своей на прежнемъ мѣстѣ, и не будетъ знать, куда вести гостей! Это будетъ

умора! Вотъ этотъ бородачъ (указывая на вошедшаго подрядчика) сошелся со мною за три тысячи; часть матеріала его. Удивительно какъ сходно!»

— Но полезно ли? — спросилъ я.

«Какъ же? Во первыхъ, это удовольствіе, что жена, хозяйка, въ своемъ домѣ не будетъ знать куда итти и гдѣ что найти. Гости также будутъ въ недоумѣніи. При томъ же этотъ старинный вкусъ долой, и мой домъ не только облагородится внутри, но и наружность его будетъ отличная. Взгляни-ка на фасадъ. Хотя и прибавится топокъ, за то всѣ они изъ коридора. Черезъ это сохранится чистота въ комнатахъ.»

— Но нужно ли? — продолжалъ я спрашивать.

«Я рассчиталъ, что очень нужно, а притомъ такъ выгодно подряжено, что съ моей стороны глупо было бы упустить такой случай. Дѣло кончено. Вотъ тебѣ, Савельичъ, задаточныхъ, по условію, пять сотъ. Остальные по срокамъ будешь получать отъ управляющаго. Завтра выѣзжаю, послѣ завтра ломать.»

Чтобъ не упустить изъ рукъ остальныхъ денегъ, я началъ просить Звонкина, чтобы отдалъ мнѣ; какъ онъ, не выслушавъ меня, закричалъ: «Помилуй, съ чѣмъ же я останусь? Я жену увожу отсюда, чтобы передѣлка дома была для ней сюрпризъ; для этого нанялъ въ городѣ квартиру, которую также нужно немного приладить по моему. Вотъ и нужны на все деньги. Женѣ сказалъ я, что у меня важное дѣло въ городѣ, и потому, чтобъ она не скучала, нужно ее разсѣвать; и для этого нужны деньги. Такъ видишь ли, что остальныхъ у меня очень ненадолго станетъ. Пожалуста, чуть что соберешь здѣсь, высылай ко мнѣ скорѣе.»

— Помилуйте, изъ чего тутъ собирать? Подрядчику изъ чего платить? — говорилъ я съ неудовольствіемъ.

«Ну, мон-шеръ, не сердись же. Изворачивайся, какъ умѣешь, только не оставляй меня безъ денегъ, да и строеніе чтобы не стояло...» и побѣжалъ къ женѣ.

Домъ переломали, отдѣлывали, передѣлывали и наконецъ кончили. Съ большимъ трудомъ сдѣлавъ новые займы, уплатили подрядчику и накупили новой мебели. Привезли барыню... Подлинно что она была поражена нечаянностью! Но вмѣсто удивленія, какъ ожидалъ мужъ, она плакала при входѣ, плакала въ каждой комнатѣ, плакала, осматривая новую мебель и другія выписныя вещи...

«Гдѣ же прежнее все?» спрашивала она, утирая слезы.

— Видишь ли, ма-шеръ, я рассчиталъ, что все наше старое, если продавать изъ комнатъ, пойдетъ дешево, за безцѣнокъ; будутъ думать, что я продаю отъ нужды; а теперь, какъ оно лежитъ въ кладовыхъ, я возьму за него цѣну, какую хочу; оно лежитъ и стоитъ покойно, и будетъ какъ новое, а деньги за него выкупятъ это новенькое. Видишь ли какое все отличное? Мой расчетъ вѣренъ. —

«Скажи же мнѣ, мой другъ, по сущей истинѣ: что стоитъ вся передѣлка и мебелировка дома?» спрашивала сквозь слезы жена.

— А вотъ что: дерево... каменная работа, желѣзо... мебель... дай Богъ память!... такъ, всего до двухъ... или съ чѣмъ-то двѣ тысячи рублей — сказалъ онъ, и посмотрѣлъ на меня, чтобы я молчалъ и не открылъ бы, что все стоитъ въ четыре раза больше, нежели онъ насчиталъ. Избѣгая жениныхъ разспросовъ, онъ перемѣнилъ разговоръ; шутилъ надо мною, рассказывалъ анекдоты — и кое-какъ отдѣлался.

Надобно было праздновать новоселье и блеснуть убранствомъ дома: для этого созвали гостей кучу! И что стоило угощеніе ихъ! Въ деревню пріѣзжаютъ не на одинъ

день; усердные поѣтители живутъ со всѣмъ семействомъ недѣлю. Я измучился, отыскивая способы пріобрѣтать ему денегъ. И вотъ до чего онъ доходилъ:

Предложилъ сосѣдямъ, что онъ ѣдетъ на ярмарку и принимаетъ коммисіи отъ пріятелей. Ему сдѣлали порученія и дали деньги. Онъ за все взялся; покупалъ для нихъ нужное, а уплачивалъ только часть; остальные деньги уплатить бралъ на себя. Такъ разжившись на деньги, онъ и началъ для себя покупать, что зря и все только часть уплачивая. Привезли сосѣдскія покупки, привезли же и къ намъ почти всю ярмарку: экипажей, наборныхъ хомутовъ, столовыхъ сервизовъ, украшеній для стола, часовъ, бронзы и всякаго вздору, чего у насъ и безъ того много было.

«На что намъ это все?» спрашивала жена, уже не скрывая слезъ.

— Случилось чрезвычайно дешево все сторговать. Я рассчиталъ, что глупо было бы упустить такой случай; вещи же пригодятся въ домъ. —

Кромѣ этого рѣдкій день проходилъ, чтобы какой шарлатанъ не явился къ нему съ чѣмъ-нибудь, и онъ все покупалъ, всегда скрывая настоящую цѣну. Заплатить за подозрную трубочку, десятую уже у него, двадцать рублей, а скажетъ, заплатилъ два рубля; подумаешь, беретъ почти даромъ и всегда приговаривая, онъ рассчиталъ, что въ другое время такъ дешево не можно купить. И вотъ у насъ былъ цѣлый магазинъ разныхъ инструментовъ, моделей, машинъ, волшебныхъ фонарей, зонтиковъ, бюстовъ, куколокъ, тросточекъ и другихъ такъ же необходимыхъ вещей.

Отъ такихъ его «расчетовъ» я мучился. Только лишь сколочу въ кучку, всякими средствами и моимъ стараніемъ пріобрѣтенныхъ нѣсколько сотенъ рублей, и, придумывая, куда бы уплатить часть процентовъ, какъ у него явится «расчетъ»: перемѣнить сѣрыхъ лошадей

на воронихъ; рыть прудъ на сухомъ и бесполезномъ мѣстѣ; садить лѣсъ; завести во всемъ хозяйствѣ новыя земледѣльческія орудія — и чего-то онъ не рассчитывалъ! И вотъ ко мнѣ съ просьбою, съ требованіемъ, съ угрозами — и пошли скопленные мною деньги гулять по бѣлу свѣту. Кромѣ того, что, съ трудомъ занявъ деньги, издерживалъ ихъ на бесполезное, но тратилъ даже на нетерпимое въ супружествѣ и между благородными людьми дѣло!...

Иногда говаривалъ я ему: «Побойтесь Бога! Какъ вы издерживаете занятыя деньги? На что занимаете? Въ домѣ у васъ все есть. Поживите годъ, два скромненько, и вы увидите, что доходы ваши выплатятъ часть долгу, а тамъ, попривыкши къ бережливости, и со всѣми рассчитаетесь. Перестаньте разбойничать!»

— Какъ разбойничать! Что ты это, мон-шеръ, говоришь? — вскрикивалъ онъ.

«Правду, истинную правду, если вашъ промыселъ еще не хуже разбоя. Тамъ ножъ, пистолеть, ночь... и бѣдный, попавшійся въ руки злодѣю, охотно отдаетъ все, лишь бы спасти жизнь свою. Вы же, пользуясь въ обществѣ именитостью, наружнымъ блескомъ ослѣпляете легковѣрнаго, не могущаго допустить мысли, чтобы благородный человѣкъ говорилъ противъ совѣсти; лестью, низостью и всякою подлостью берете у него трудами приобрѣтенное, берете, обѣщая всею честностью своею взятое возвратить съ лихвою... но вы, какъ и тотъ душегубецъ, обобравъ слабаго и легковѣрнаго, спѣшите скрыться отъ него и равнодушно слушаете доходящія до васъ стоны его и проклятія, на васъ призываемыя за подлый и гнусный обманъ.»

Но мои увѣщанія, слышанныя мною отъ другихъ при подобныхъ случаяхъ, на него не дѣйствовали. Употребляя все на прихоти свои, онъ не оставлялъ мнѣ ничего на распоряженія и даже въ жалованье. Бѣдная жена

его, болѣе и болѣе видящая гибель, къ которой спѣшилъ онъ и влекъ ее за собою, ужасно страдала. Собирая всѣ бездѣлки, имѣ для нея покупаемыя, и отдѣляя ненужное изъ гардероба и уборовъ своихъ, уже не только не тѣшившихъ, но тяготившихъ ее, все это продавала и вырученныя деньги уплачивала кредиторамъ, болѣе нуждавшимся. Онъ узнавалъ это, пенялъ ей и тысячью клятвами увѣрялъ ее, что по сдѣланному имъ «расчету» онъ скоро успокоитъ займодавцевъ, уплативъ имъ всѣ долги.

Но «расчеты» Звонкина не помогли. Терпѣніе займодавцевъ истощилось, всѣ требованія вступили разомъ. За банковый долгъ имѣніе продали, излишнія деньги и всю движимость предоставили кредиторамъ и созвали ихъ... Тутъ надобно было видѣть дерзость и безстыдство мошенника!... Онъ же подшучивалъ надъ легковѣрыми и трунилъ надъ принимающими, вмѣсто денежнаго капитала, старый фаянсъ и другую рухлядь... Съ ропотомъ и укоризнами иные, а другіе со слезами на глазахъ и проклятьями въ душѣ, брали всякія бездѣлицы за исторгнутые у нихъ обманомъ капиталы.

При первомъ извѣстіи о потерѣ всего имѣнія, горькая г-жа Звонкина впала въ болѣзнь, и ее, безчувственную, вывезли изъ того дома, куда привела ее любовь, обѣщавшая сладостную во всемъ жизнь и потомъ такъ жестоко ее поразившая. До замужества она жила въ бѣдности; но, бывъ обучена всему необходимому, она была счастлива. Теперь, безъ пристанища и средствъ къ содержанію, рѣшилась пользоваться богатствомъ, пріобрѣтеннымъ въ бѣдности... она опредѣлилась въ домъ учить дѣтей... Звонкинъ, окончивъ такъ все, поѣхалъ въ Петербургъ, «расчитывая», что найдетъ выгодное мѣсто, поправить состояніе, возвратится и заживетъ лучше прежняго.

Одинъ я остался на развалинахъ имущества Звонкина! Сдавъ, по принадлежности, каждому свое до послѣдняго, я въ вознагражденіе за осьми мѣсячное управленіе имѣніемъ и за безпокойство при выгодныхъ расчетахъ Звонкина, получилъ на свою часть большаго размѣра гипсовую Венеру съ отбитымъ носомъ, и, предоставивъ пользоваться ею тому, кто пожелаетъ, выѣхалъ изъ раззореннаго имѣнія.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ТОМЪ, КАКЪ Я СЛУЖИЛЪ У ДРУГА ЛЮДЕЙ.

Слѣдуя безъ всякой цѣли изъ одного селенія къ другому, въ одномъ изъ нихъ я остановился ночевать и по обыкновенію, отъ нечего дѣлать, сталъ спрашивать хозяина о помѣщикѣ, и имѣетъ ли онъ управляющаго?

«Кажись, баринъ будетъ добрый, отвѣчалъ мнѣ крестьянинъ. Вотъ онъ у насъ, будетъ съ мѣсяць, какъ поселился. Знаешь, батюшка его померъ за моремъ, а онъ тамъ еще сколько прожилъ, да и пріѣхалъ къ намъ. Спасибо ему, никого не обидѣлъ еще и все хочетъ съ нами новые порядки устроить. Вотъ сколько уже, а никто изъ насъ на барщинѣ не былъ и полудня. Говоритъ, скоро дастъ новый толкъ. Можетъ за тѣмъ, что управляющаго еще не сыскалъ; а ужъ вызываетъ ихъ, вызываетъ; да все что-то нѣтъ никого.»

Прекрасно! подумалъ я: вотъ именно мѣсто по мнѣ. Я не любилъ тѣхъ хозяйствъ, гдѣ должно было слѣдовать существовавшему порядку и не дѣлать никакихъ переменъ, а тутъ своя воля. Помѣщикъ пишетъ и готовить новыя правила для управленія имѣніемъ и, можетъ быть, многое полезное заимствовано изъ иностраннаго. Предложу ему свои услуги, сообщу ему замѣчанія

Прямикова и кое-что изъ Пантелеевой опытности, чѣмъ я руководствовался при управленіи разнородными имѣніями — и все пойдетъ хорошо для крестьянъ, причемъ соблюду и мои выгоды.

Рѣшась на это, утромъ явился я къ помѣщику и предложилъ себя въ управляющіе его имѣніемъ.

«Все это хорошо и прекрасно, мой любезнѣйшій, сказалъ ласково помѣщикъ. Но вы полагаете, что имѣніе мое будетъ такъ же управляемо, какъ и у прочихъ глупцовъ, здѣшнихъ помѣщиковъ? Это варвавы, пстомки владычествовавшихъ нѣкогда здѣсь Татаръ. У нихъ крестьяне (и именованіе варварское) ничѣмъ не различаются отъ рабочаго скота; не имѣютъ понятія, что они человѣки, не знаютъ правъ своихъ и даже не получали никогда первѣйшаго образованія. Я ужаснулся, найдя и въ моемъ имѣніи людей въ такомъ же состояніи. И для того прежде нежели приступить къ управленію ими, надобно дать имъ «учрежденіе.» Оставивъ всѣ части безъ всякаго распоряженія, пусть идетъ-себѣ какъ хочетъ, я занимаюсь теперь сочиненіемъ «общаго учрежденія»; потомъ займусь, въ силу первой главы, мною уже оконченной, изложеніемъ объясненій, что есть человѣкъ, призваніе его, обязанности къ самому себѣ, къ семейству и вообще ко всему. Сдѣлавъ имъ о томъ понятіе, я приступлю убѣждать ихъ, что для соблюденія всеобщаго порядка начальство всѣхъ родовъ необходимо. Вотъ тутъ у меня, по изложеніи обязанностей къ начальству общаго благоустройства, въ подробности изъяснится обязанность крестьянъ, какъ здѣсь зовутъ этихъ несчастныхъ, къ помѣщику, управляющему и властямъ, отъ нихъ поставленнымъ. Понявъ все это, увидятъ они необходимость работать въ полѣ и вездѣ. А какъ исправлять эти работы, у меня есть преполезныя сочиненія иностранныхъ писателей, которыя, по окончаніи главнаго сочиненія, я примусь переводить. Потомъ вмѣстѣ займемся внушать

имъ, и какъ скоро они поймутъ все, тогда мы приступимъ съ ними къ существенной работѣ. Теперь же, мой любезнѣйшій, вы остаетесь у меня. Прошу васъ не почитать себя служащимъ мнѣ... Фи! служить подобному себѣ! Нѣтъ, мы товарищи, друзья, принявшіе на себя священную обязанность образовать и устроить благо собратій своихъ. Извольте занять домъ, назначенный для управляющаго. Въ экономическомъ правленіи извольте спросить общій штатъ должностнымъ лицамъ; въ немъ найдете оклады управляющаго. Обязанность же свою вы найдете въ «учрежденіи», которое скоро окончу, и тогда приметесь за дѣло вмѣстѣ со мною. До того же прошу васъ не вмѣшиваться ни во что. Пусть эти дѣти природы живутъ по законамъ ея; до времени мы будемъ присматриваться къ ихъ дѣйствіямъ и сужденіямъ, и конечно многое займемъ у нихъ для своего законоположенія.»

Прошу спрашивать порядка при такомъ умничаньи! Я не противорѣчилъ помѣщику ни въ чемъ, согласился на его предложенія и оставилъ его на свободѣ заниматься сочиненіемъ своего «учрежденія» для людей, немогущихъ понимать его.

Помѣщеніе для управляющаго нашелъ я отличнымъ. Нѣсколько комнатъ со всѣми удобствами и прислугою. Окладъ же по штату, составленному для всѣхъ должностныхъ лицъ, имѣющихъ войти въ сочиняемое имъ «учрежденіе», былъ еще утѣшительнѣе. Недолго думавши, я расположился въ новой своей должности, которая требовала, ничего не дѣлая, жить хорошо и пользоваться всѣми выгодами. Однако же, чтобы не быть празднымъ и, если можно, приносить пользу за страннопріимство, я рѣшился, какъ слѣдуетъ, исправлять должность управляющаго.

Имѣніе безъ надзора хозяйскаго было крѣпко опущено. Самъ баринъ лѣтъ десять прожилъ за границею; безъ него все управлялось кое-кѣмъ, и одна была

забота доставлять барину положенное число денег, на прочія же части никто не обращалъ вниманія; крестьяне были разбалованы, работы на барина шли по ихъ произволу, а отъ того и своеволие ихъ было въ высшей степени.

Не отвлекая помѣщика отъ важныхъ и человѣколюбивыхъ его занятій въ сочиненіи «учрежденія» и инструкцій должностнымъ лицамъ, я, безъ дальняго доклада, вопреки его намѣренію, принялъ все въ свои руки.

Вскорѣ одинъ изъ дѣтей природы, какъ называлъ помѣщикъ своихъ крестьянъ, дѣйствуя по законамъ ея, сдѣлалъ значительное воровство въ господскомъ лѣсу. Виновнаго слѣдовало наказать и въ пополненіе помѣщичьяго убытка сдѣлать взысканіе. По новости моего управленія я не рѣшился назначить самъ мѣру наказанія и взысканія, а доложилъ объ этомъ помѣщику.

«Фи, мой любезнѣйшій! возразилъ онъ мнѣ: чловѣкъ подобнаго себѣ станетъ наказывать? На что это похоже? И за что? Онъ имѣлъ нужду въ лѣсѣ и вырубилъ, сколько ему надобно, вотъ и вся его вина.»

— Но этотъ лѣсъ вашъ. —

«Я же кто? Сдѣлайте милость, приготовьтесь дѣйствовать по изготавляемому мною учрежденію и не зовите меня помѣщикомъ или господиномъ: тамъ я даю себѣ именованіе: «другъ людей», и хочу, чтобы отнынѣ меня почитали и именовали такимъ священнымъ именемъ. Я заслужу это названіе.»

— Но виновный, воспользовавшись сегодня вашею собственностью, завтра рѣшится сдѣлать воровство у другаго, кому это, по недостаточности его, будетъ чувствительнѣе, нежели вамъ.

«Оставьте, мой любезнѣйшій, эти варварскія выраженія! Свойственно ли чловѣку, этому изящному въ мірѣ созданію, воровство? Можно изъясниться приличнѣе,

не унижая достоинства человека. Вместо ужаснаго «воровство», у меня въ учрежденіи говорится: «взятіе чужаго». Это гораздо деликатнѣе и не поселяетъ никакихъ понятій, противныхъ нравственности. Оставьте учинившаго — не какъ вы называете «преступленіе», а какъ оно есть: «отступившаго отъ порядка» — оставьте безъ всякаго преслѣдованія; въ моемъ сочиненіи я не дошелъ еще до средствъ, чѣмъ обуздывать нарушителей порядка. Если же изслѣдовать тончайше натуру человека, то едва ли могутъ люди подвергаться этой слабости. Тутъ слѣдуетъ много вопросовъ, требующихъ изслѣдованія и разрѣшенія: что есть собственность, почему она неприкосновенна для другихъ, и проч. и проч. Хотя мнѣ этотъ случай — взятіе другимъ моего лѣса, придастъ много работы въ сочиненіи, но я его, разсмотрѣвъ тончайше, изложу во всей ясности.»

Ждать добра отъ заморской галиматьи! подумалъ я, пошедши отъ помѣщика, и, недолго думая, во ожиданіи новаго учрежденія, приказалъ виновнаго наказать и взыскать за украденный лѣсъ. Все это кончилось тихо и смирно, напугало другихъ своевольниковъ, и они присмирѣли; а помѣщикъ не зналъ ни вѣдалъ ничего; онъ занимался сочиненіемъ «учрежденія», благотѣльнаго для рода человѣческаго.

Такъ шли дѣла мѣсяцовъ пять, и не знаю, что бы постигло этихъ бѣдныхъ людей, если бы не я, или палка, мною въ рукахъ держимая для удержанія отъ безпорядковъ!

Наконецъ знаменитое сочиненіе кончено и назначенъ день, въ который должны старъ и малъ, мужчины и женщины явиться въ господскій дворъ для выслушанія «учрежденія». Все собралось съ восходомъ солнца, каждый спѣшилъ на барскій дворъ въ надеждѣ получить какую милость. Другаго ничего, по простотѣ своей, эти дѣти природы не могли предполагать. И вотъ

они ожидаютъ... а между тѣмъ «другъ людей», призвавшій ихъ, почиваетъ сладкимъ сномъ, и только лишь въ девять часовъ проснулся.

Дѣти природы усажены были чинно, и вотъ, съ нѣкоторою торжественностью вошелъ въ кругъ ихъ «другъ людей» и началъ чтеніе подробнымъ разсужденіемъ, въ какомъ невѣжествѣ они находились понынѣ; потомъ приступлено къ изъясненію, какую, собственно имъ, принесетъ пользу ихъ образованіе. Все это написано было слогомъ ученымъ, высокимъ, словами отборными, со многими ссылками на иноземныхъ сочинителей.

«Поняли ли вы все, друзья мои?» въ заключеніе спросилъ сочинитель.

— Какъ, батюшка, не понять! отвѣчали сидѣвшіе впереди. Господь одарилъ тебя гортанью, что и глухой услышитъ. —

Ободренный такимъ отзывомъ, «другъ людей» приступилъ къ чтенію обширной первой главы: «что есть человѣкъ?» Очень ясно доказано было, что человѣкъ не лошадь, не птица, не муха, а точно человѣкъ. Доказательства сильно были написаны.

«Согласны ли вы съ этимъ, друзья мои?» спросилъ «другъ людей».

— Воля твоя барская, батюшка! Какъ прикажешь, такъ и будетъ. Только намъ обѣдать пора—заговорила вся толпа.

«Погодите, и вы услышите изящнѣйшее», сказалъ баринъ, и началъ вторую главу: «чѣмъ человѣкъ нынѣшній непохожъ на человѣка, каковъ онъ долженъ быть...» но «другъ людей» не дочиталъ еще до половины, какъ изъ толпы начали нѣкоторые уходить... и потомъ, одинъ за другимъ удаляясь, оставили чтеца почти одного. Последніе уходили не просто, но кланяясь и говоря: «благодарствуйте, батюшка, за твою рацею! славно наслушались, а обѣдать все же нада. —

«Меня благодарили! восклицалъ «другъ людей», возвратясь въ домъ; я достигъ цѣли. Объявить, чтобы собрались на завтра слушать продолженіе.»

Назавтра собралась едва ли третья часть слушателей. Это не остановило сочинителя читать продолженіе, и въ заключеніе подтверждено имъ было, чтобы, выслушавъ все внимательно, пересказали съ точностью не-приходившимъ къ слушанію.

Такимъ образомъ чтеніе продолжалось ежедневно, хотя и при весьма ограниченномъ числѣ слушателей. «Другъ людей» былъ въ восторгѣ, рассуждая, что отъ пересказа слышаннаго тверже будетъ предметъ въ памяти ихъ.

Кое-какъ дочитано все учрежденіе, обязанности «друга ихъ», т. е. господина, управляющаго и прочихъ должностныхъ лицъ. Всего лучше они затвердили и передали другимъ, что «вины» нѣтъ никакой, а только «беспорядокъ». Въмѣсто заслуженныхъ доселѣ наказаній «за взятіе чужаго» и за всякое «отступленіе отъ порядка», сказано было, не иначе наказывать, какъ «убѣжденіемъ въ исправленіи». Дѣти природы, не понявъ сихъ словъ, захотѣли знать имъ изъясненіе на дѣлѣ. Для чего одинъ изъ любопытныхъ ночью зашелъ въ сосѣдскій дворъ, разбилъ замки у анбара и бралъ, что ему нравилось. Промышленника схватили и представили ко мнѣ съ поличнымъ; я немедленно доложилъ помѣщику, и отступившій отъ порядка введенъ къ нему.

«Ты ли это сдѣлалъ, мой любезный?» спросилъ баринъ мягкимъ голосомъ.

— Моя вина, кормилецъ! — отвѣчалъ онъ, и повалился къ ногамъ помѣщика.

«Что ты... что ты дѣлаешь? вскричалъ другъ людей, спѣша поднять его. Ты не долженъ забывать, что ты человѣкъ; а что есть человѣкъ? ты, конечно, забылъ?»

— Попуталь грѣхъ, кормилецъ! Изъ ума вонъ, не помню. —

И началось чтеніе о человѣкѣ. Потомъ другъ людей убѣждалъ нарушившаго порядокъ и взявшаго чужое. «Я удивляюсь тебѣ, какъ ты могъ рѣшиться на поступокъ, несвойственный человѣку! Фи! я краснѣю за тебя!.. Очень понимаю, какъ тяжело тебѣ чувствовать себя въ такомъ положеніи. Но иди, скорѣе возвратись въ себя и забудь о сдѣланномъ тобою, какъ и я отселѣ забываю. Оставьте его, г. управляющій, въ покоѣ.»

Съ большимъ удивленіемъ вышелъ отъ барина виновный, рассказалъ товарищамъ... и ночью нѣсколько человѣкъ «взяли чужое.» По силѣ нашего учрежденія, мы ихъ стыдили, напоминали имъ, что они человѣки, совѣтовали имъ войти въ себя... но эти «дѣти природы», слыша прежде, а теперь и на опытѣ видя, что ихъ не наказываютъ, «не смѣютъ-де называть ворами», пустились во всѣ безчинства...

Лишь только я извѣщалъ друга людей, что дѣти природы, слѣдуя законамъ ея, дерутся между собою жестоко, и опасно, чтобы не произошло убійство, тутъ онъ схватывалъ свое «учрежденіе», бѣжалъ къ нимъ, не читалъ, а кричалъ имъ статьи о обязанностяхъ человѣка къ человѣку; но его не слушали, кричали на него, прогоняли насъ, и мы, возвратясь, удивлялись, какъ они доселѣ не могли понять сочиненія, такъ краснорѣчиво написаннаго и притомъ украшеннаго выписками изъ иностранныхъ писателей съ вѣрнѣйшимъ указаніемъ томовъ и страницъ.

Буйству и безчинію новообразованныхъ дѣтей природы не было конца, и наконецъ своеволіе ихъ достигло до того, что уже невозможно было никому проѣхать чрезъ селеніе. Останавливали, грабили, а подь часъ и колотили. Мы же, исполняя постановленіе, изложенное въ нашемъ учрежденіи, не имѣя права наказывать

подобнаго себѣ человѣка, увѣщевали ихъ, стыдили, даже грозили, что оставимъ ихъ въ забвеніи, никогда не удостоимъ ихъ своего вниманія... и къ удивленію нашему ничто ихъ не удерживало отъ своевольтва и не возвращало къ порядку.

Въ одинъ день, когда буйные остановили проѣзжихъ и забирали у нихъ имущество, я и другъ людей, узнавъ о происходящемъ, не смотря на то, что были въ плафорахъ, побѣжали на мѣсто дѣйствія, стыдили забирающихъ чужое, неся съ собою, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, «учрежденіе» въ сафьянномъ переплетѣ. Пріискавъ удобное мѣсто, помѣщикъ расположился читать приличную статью.... какъ вдругъ набѣжалъ нижній земскій судъ съ понятыми. Мигомъ перехватили замѣченныхъ въ буйствѣ и отправились въ экономическую контору, гдѣ и открыли присутствіе.

Исправникъ объявилъ, что къ его свѣдѣнію дошли всѣ здѣшнія безчинства и онъ поспѣшилъ разслѣдовать на мѣстѣ о причинѣ безпорядковъ. Началось слѣдствіе. Отъ разспросовъ одного, другаго дѣло, какъ говорится, по ниточкѣ дошло до клубочка. Открыто, что всему злу виною «учрежденіе», которое «другъ людей» не сочинилъ, а выписалъ откуда-то и перевелъ съ иностраннаго. Для дальнѣйшихъ объясненій друга людей препроводили къ губернатору, а за меня, какъ сотоварища его въ нововведеніи, принялись-было плотно; но, спасибо, крестьяне показаніями своими поддерживали меня. Они единогласно объявили, что пока баринъ еще не написалъ своей книги, такъ все шло хорошо, потому что онъ ни во что не вмѣшивался, а управлялъ всѣмъ Петръ-де-Степановичъ и «былъ грозенъ, а отъ того и былъ порядокъ. Вѣстимо, какъ нашему брату безъ грозы пробыть? Какъ же баринъ дописался до того, что насъ сталъ взывать друзьями, и что онъ и мы все едино, такъ наши и зазнались. А кабы воля упра-

вляющему, такъ онъ до такой вины насъ не довелъ бы. Всякой бы побоялся его палки, а на ласковыя слова, хоть они и господскія, и смотрѣть не хотѣли.»

И за тѣмъ меня спокойно отпустили.

ГЛАВА ТРЕТІЯ

О томъ, какъ я опредѣлился на должность къ помѣщику съ твердою волею.

Обрадовавшись тому, что избѣжалъ всякой отвѣтственности за введеніе между Русскихъ мужичковъ иностранныхъ учрежденій, я поспѣшилъ въ ближайшій городъ, гдѣ проживая, случайно познакомился съ помѣщикомъ Трифономъ Евдокимычемъ Фигуркинымъ. Узнавъ о занятіяхъ моихъ и что я безъ мѣста, предложилъ мнѣ быть у него управляющимъ. «Хотя я самъ за всѣмъ смотрю, говорилъ онъ, и у меня все въ наилучшемъ порядкѣ, но имѣю въ головѣ кое-какіе прожектишки, хочется ихъ состряпать, такъ въ то время нужно, чтобъ управленіе не ослабѣвало. У тебя же, какъ я вижу, дьявольскія способности; такъ ты мнѣ и управляй и по прожектамъ моимъ исполняй, только чуръ ни въ чемъ не противорѣчить и слѣпо исполнять, что я назначу. Договоримся въ содержаніи тебѣ, хорошо; а всего лучше, живи безъ уговора. Бери все своею рукою, я даю тебѣ право больше моего; распоряжай всѣмъ, мною, семействомъ... Да вотъ какъ: ничего не дашь намъ, я не пикну; только исполняй мою волю. Терпѣть не могу противорѣчій.»

Знавши по опыту, что нѣтъ выгоды служить безъ условій, я назначилъ себѣ жалованье и, вспомнивъ, что говорили про него, будто онъ въ зависимости жены, я требовалъ, что если неугоденъ буду его супругѣ, такъ онъ обязанъ будетъ доставить меня, куда я назначу.

«Что ты это говоришь? сказалъ онъ, захохотавши; моей женѣ? Да ни она и никто въ свѣтѣ не смѣетъ мнѣ противорѣчить. Ужъ нашелъ, чтобы эта мокрая курица осмѣлилась противъ меня слово сказать. Съ первыхъ дней супружества я такъ ее поставилъ. Признаюсь, мнѣ иногда и совѣстно противъ нея; самъ вижу, что нѣсколько жестокъ, но что же дѣлать! не могу перемѣнить характера своего, не терплю противорѣчій, хоть ты что! Воля моя законъ для всѣхъ въ домѣ; рече, и быша. Иногда, братъ, случается, что иду криво, но ужъ иду не сворачивая, потому что такъ того хочу.»

Обрадовавшись, что нашелъ характеръ, подобный моему, и самый необходимый въ жизни, безъ чего вѣчно по чужой дудкѣ будешь плясать, я согласился служить у него; но пока написали условія, много было хлопотъ. Въ иномъ предметѣ онъ, уже сдѣлавши положеніе, вдругъ находилъ, что много, и убавлялъ, или мало, то самъ, безъ моего требованія, прибавлялъ. Слышавши отъ него, что онъ не любитъ противорѣчій, я во многомъ противъ желанія моего соглашался.

Я обрадовался этому мѣсту тѣмъ болѣе, что имѣніе Фигуркина было въ томъ же намѣстничествѣ, гдѣ находилась другая моя деревня, и въ случаѣ благополучнаго для меня окончанія процесса (о которомъ я впрочемъ ни откуда не имѣлъ никакихъ свѣдѣній) я, безъ дальнихъ безпокойствъ, вступлю во владѣніе моей собственностью.

Мы съ Фигуркинымъ поѣхали и послѣ двухдневнаго пути, въ продолженіе коего у насъ шло все согласно, потому что онъ во всю дорогу спалъ, прибыли благополучно въ деревню.

Подъѣзжая уже къ дому, Фигуркинъ говорилъ: «Чай во всемъ дворѣ всѣ ни живы, ни мертвы. Ъдетъ-дискать холя, везетъ гребень. Не могу, братъ, слова

сказать безъ взысканій ; ужъ такая натура. Готовъ ласково отозваться, такъ натура меня ставитъ на свое.»

Мы взѣхали на господскій дворъ, и хотя люди видѣли, что баринъ пріѣхалъ, но продолжали заниматься своимъ дѣломъ. Вошедши въ переднюю, лакеи равнодушно принимали наши плащи, и я замѣтилъ, что одинъ, снимая съ барина плащъ, понюхалъ прежде табаку. Не видѣлъ тебя баринъ! подумалъ я.

«Гдѣ барыня?» спросилъ Фигуркинъ грозно.

— У себя въ комнатѣ — отвѣчалъ равнодушно слуга, и спокойно сѣлъ за свою работу.

«Вотъ теперь, братъ, увидишь трогательную сцену... Вѣдь цѣлую недѣлю, моя душенька, не видала меня. Тото обрадуется!» Такъ говорилъ Трифонъ Евдокимовичъ, идучи впередъ и ведя меня за собою.

Подошедши къ однимъ дверямъ и нашедши ихъ запертыми снутри, Фигуркинъ постучался скромно... и раздался лай, вой, визгъ, пискъ маленькихъ собаченокъ, а изъ-за этого содома едва можно было слышать голосъ, спрашивающій: «Кто тамъ?»

— Я, душенька, возвратился — отвѣчалъ со всею скромностью Трифонъ Евдокимовичъ.

«Что вы надѣлали? говорилъ тотъ же голосъ за дверью; не предупредили прежде и перепугали моихъ собачекъ. Погодите тамъ, не шумите больше, не мѣшайте имъ кушать.»

Трогательная сцена свиданія! подумалъ я, и душа моя смутилась.

Трифонъ Евдокимовичъ ходилъ около дверей на цыпочкахъ, и чуть я сдѣлаю малѣйшее движеніе, такъ онъ и дѣлалъ мнѣ знаки, чтобы я не шевелился и не нарушалъ бы покоя кушающихъ собачекъ жены его.

Не ближе какъ чрезъ полчаса вышла къ намъ г-жа Фигуркина, а за нею съ визгомъ и лаемъ десятка два маленькихъ собаченокъ. Трифонъ Евдокимовичъ,

какъ супругъ, бросился чрезъ нихъ къ женѣ, но она, протянувъ руки впередъ, вскричала: «Что вы дѣлаете? Куда лѣзете? Передуйте собачекъ!»

Оторопѣвшій мужъ остановился, умѣрилъ свой восторгъ и сказалъ съ робостью: — Я хотѣлъ только повидаться съ вами... я бы осторожно... —

«Погодите, пока онѣ васъ узнаютъ и успокоятся», сказала нѣжная жена возвратившемуся изъ поѣздки мужу, и начала ласкать своихъ фиделекъ, бонбоновъ, амурчиковъ, мосекъ и всѣхъ прочихъ.

«Отъ чего вы это не пріѣхали третьяго дня, какъ я, рассчитавши всѣ ваши занятія, назначила?» Такъ спрашивала г-жа Фигуркина мужа, котораго, обласкавъ прежде игравшихъ около нея собачекъ, допустила наконецъ прикоснуться къ щечкѣ и расцѣловать ручку ея.

— Да я... таво... — едва могъ проговорить мужъ, тираннически обращающійся съ женою.

«Таво... таво...» кривила жена его; «ужъ вѣрно затѣяли какія нибудь новыя шалости? Не даромъ жили такъ долго въ городѣ.»

— Ахъ, душенька! Да какъ бы я посмѣлъ? Вотъ же чужой человѣкъ живой вамъ свидѣтель, что я... —

«А кто же это?» спросила, такъ называемая за тихость свою, мокрая курица у мужа, окинувъ меня почти презрительнымъ взглядомъ.

— Да вотъ, душенька, пришла мнѣ мыслишка, чтобы и у насъ, какъ у людей, былъ бы управитель. А какъ встрѣтился человѣкъ и сталъ просить о мѣстѣ, то я и сказалъ ему: Пожалуй - дискать, поѣдемъ: не у меня, у другаго найдешь мѣсто. —

«И вамъ ли туда же за добрыми людьми? Съ чего вы вздумали имѣть наемнаго управителя? Чѣмъ же вы будете заниматься? Намъ его не нужно.»

— И точно! къ чему онъ намъ? воскликнулъ не-любитель противорѣчій. Имѣніе едва содержитъ насъ;

а какъ я повѣрю другому, такъ оно безъ моего глаза и половины не дастъ. —

Тутъ я, стоявшій доселѣ безъ всякаго дѣйствія, окруженный собаченками г-жи Фигуркиной, обнюхивавшими и прыгавшими около меня, пораженный встрѣчею нѣжныхъ супруговъ и изумленный твердою волею Трифона Евдокимовича, грозы въ домѣ и семействѣ, слыша такіе его обо мнѣ отзывы, вскрикнулъ: «Помилуйте, Трифонъ Евдокимовичъ! Не сами ли вы убѣдительно просили меня опредѣлиться къ вамъ?»

— Такъ чтожъ, батенька, что просилъ! а вотъ теперь не прошу, раздумалъ. —

«А уговоръ нашъ?» сказалъ я.

— Да, да. О! уговоръ надо исполнить. Это мое правило. —

«И уговоры и всѣ ваши затѣи вздоръ, возразила барыня; развѣ нельзя уничтожить?»

— Какъ нельзя? сказалъ человѣкъ съ твердою волею. Все равно что плюнуть. Тфу! —

«Отправьте же меня до мѣста, гдѣ взяли!» сказалъ я съ огорченіемъ и, взявъ на руки одну изъ болонокъ, хромавшую на переднюю лапку, отошелъ съ нею къ окошку.

— Какъ не отправить? соглашался со мной Фигуркинъ. Само собою разумѣется; я взялъ, и долженъ доставить. Иду приказать... —

«Помилуйте! вмѣшалась еще жена; въ рабочую пору?...»

— Избави Господи! перервалъ мужъ. И въ такую даль отправлять людей? Ни за что, ни за миллионъ. Сказалъ, и быть тому такъ. Жалуйтесь, сударь, на меня. — Сказалъ, и пошелъ по дому распоряжать и приказывать.

Увидѣвъ себя въ такомъ стѣсненномъ положеніи, я, стоя у окна и занимаясь своимъ, совершенно терялся

и не зналъ, что придумать съ собою. Г-жа Фигуркина, еще не успокоившаяся отъ разговора съ мужемъ, протянулась на диванѣ. Вошла дочь ея, взрослая барышня, перешепталась съ матерью, кажется, обо мнѣ, и потомъ начали пересмѣивать Трифона Евдокимовича, который, осматривая въ домѣ всѣ части и находя непорядки, кричалъ, грозилъ, но лишь слышалъ отъ кого возраженіе, тотчасъ соглашался и умолкалъ до новаго кризиса.

Вдругъ собаченка, бывшая у меня на рукахъ, взвизгнула ужасно!.. Мать и дочь, внѣ себя отъ ужаса, кинулись опрометью ко мнѣ, крича: «Ахъ, Земиръ!.. Ахъ, бѣдный Земиръ!.. Что съ тобою, Земиръ?.. Вы его задушили... Онъ и такъ больной... калека!..»

— Не безпокойтесь, сударыни! сказалъ я имъ со всею вѣжливостью. Вашъ Земиръ теперь будетъ совершенно здоровъ. У него была заноза, я осмотрѣлъ и вынулъ. Смотрите, какъ онъ побѣжить и хромать не будетъ — и съ этимъ словомъ спустилъ болонку съ рукъ... Она точно побѣжала свободно... а обѣ любительницы его (какъ иначе назвать?) внѣ себя, уже отъ радости, побѣжали за нимъ, схватили его, начали цѣловать попеременно, обращались ко мнѣ, благодарили, готовы были обнять!.. Мать спрашивала, какъ это я отгадалъ болѣзнь собачки и рѣшился на операцію?

Я объяснилъ ей, что служа у одного помѣщика (это у г. Богатона), у котораго была отличная псарня, подъ управленіемъ Поляка, лечившаго всѣ собачьи болѣзни, я перенялъ отъ него многое...

«Какъ? такъ вы и отъ всѣхъ болѣзней можете лечить моихъ милыхъ собаченокъ?» спрашивала съ восторгомъ г-жа Фигуркина; а дочь ея почти прыгала около меня отъ радости...

Какъ тутъ вошелъ Трифонъ Евдокимовичъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Ну, батенька! Я и о тебѣ похло-

поталъ; нашелъ попутчика, который отвезетъ тебя безо всего...»

— Помилуйте, что вы это все дѣлаете? прикрикнула на него жена. Договоривши человѣка, завезши его такъ далеко, и вдругъ безъ всякой причины отсылать. Это неблагородно. —

«И очень, очень неблагородно! заговорилъ уже мужъ. Я всегда противъ этого. Мое правило — держать слово, хотя бы въ изъѣанъ себѣ.»

— Такъ сдайте же ему контору вашу, пока до обѣда, и устройте г. управляющаго повыгоднѣе. —

«Такъ и пойдѣмъ же, батенька!» сказалъ торжествующій Трифонъ Евдокимовичъ, что переспорилъ жену и поставилъ на своемъ.

«Видишь ли, каковъ я? продолжалъ онъ мнѣ говорить, идучи дорогою. Терпѣть не могу противорѣчій! И доволенъ своимъ характеромъ. Правда, и спорить тяжело, но ужъ не смотрю ни на что, поставлю на своемъ. Ужъ меня жена и всѣ знаютъ; вопреки никто ни полслова. Ты замѣтилъ, что моя Афимья Ивановна сначала-было на тебя и сякъ и такъ, но лишь услышала моихъ два, три слова, такъ и пасъ! О, она меня знаетъ! Смекай и ты, батенька! Берегись спорить со мною; что скажу, исполнять сразу. Терпѣть не могу противорѣчій... Счастливъ, что одаренъ твердой волею!..»

Съ такими пустыми разсказами пришли мы въ контору, гдѣ Фигуркинъ хлопотливо требовалъ списковъ, описей, книгъ; но какъ этого никогда въ экономіи не было, то конторщикъ и не могъ ничего представить. «Точно, батенька! сказалъ мнѣ всегда и во всемъ правый Фигуркинъ; у меня память чертовская. Я все наперечотъ знаю, и отъ меня ниточка не скрыта; такъ къ чему же эти списки и описи? Ужъ я вижу, что тебѣ далеко до меня; тебѣ бы все на бумагу, да въ

списокъ. Пожалуй, составляй, какъ душѣ угодно, когда не надѣешься на память.»

Я вступилъ въ управленіе. Какъ ни безпокойно мнѣ было заводить все вновь и устроивать экономическій порядокъ, но я охотно приступалъ, видѣвши ясно, что Фигуркинъ не тѣхъ свойствъ человѣкъ, чтобы сталъ мнѣ мѣшать въ чемъ. Я не буду ему противорѣчить, а стану дѣлать свое. Благодаренъ Земиру, что онъ занозилъ себѣ лапку. Чрезъ это я имѣю мѣсто съ хорошимъ окладомъ и полновластный распорядитель во всемъ.

Только лишь я придумалъ, съ чего начать составлять всѣ хозяйственныя свѣдѣнія, какъ прибѣжала служанка съ требованіемъ, чтобы я, какъ можно скорѣе, шелъ къ барынѣ.

«Ужъ вѣрно какая нибудь собаченка заболѣла!» сказалъ я самъ себѣ; но разсудивши, что только угожденіемъ барынѣ могу я держаться на мѣстѣ, отложивъ нужныя дѣла, поспѣшилъ къ ней.

И какъ я отгадалъ! Г-жѣ Фигуркиной необходимо было знать, чтобы сохранить здоровье своихъ милыхъ собаченокъ, чѣмъ ихъ кормить, въ которую пору имъ кушать, чѣмъ занимать ихъ послѣ, и проч. и проч., обо всемъ хотѣла знать обстоятельно.

Чтобы сдѣлать себя необходимымъ для г-жи Фигуркиной, я началъ представлять настоящаго медика: со всею важностью поролъ дичь; назначалъ каждому роду собачекъ особую пищу, время, когда кормить ихъ, чѣмъ занимать послѣ и вообще какъ содержать ихъ и какъ обращаться съ ними (барыня и дочь спѣшили все записывать). Причемъ обнадежилъ, что если только она позволитъ мнѣ, я, въ свободное время, буду приходить и лично обозрѣвать какъ содержаніе, такъ и обращеніе съ собачками. NB. Я уже присмотрѣлся къ людямъ.

Г-жа Фигуркина была тронута до слезъ моею услужливостью и вниманіемъ къ ея милымъ собаченкамъ. Въ

отборныхъ выраженіяхъ благодарила меня за нѣжность къ этимъ невиннымъ твореніямъ и сказала: «право, я каждый день увѣряюсь, что въ нихъ больше ума, нежели у... инаго человѣка.» Убѣдительно просила меня, оставляя все, все, имѣть больше всего попеченія о собачкахъ ея. «Я ими только и живу. А хозяйство что? Хоть хлопочи около него, хоть безъ вниманія оставь, оно все дастъ доходъ. Больше или меньше, все равно.»

Чтобы имѣть когонибудь, кто бы видѣлъ и оцѣнилъ мои улучшенія по хозяйству, я принялся-было рассказывать г-жѣ Фигуркиной, въ какомъ безпорядкѣ я нашелъ все хозяйство; но она не дала мнѣ и договорить. «Сдѣлайте милость, сказала она; дѣлайте все, какъ знаете, а его не слушайте. Онъ не смыслить ничего. Вы уже вѣрно его поняли. Объ одномъ прошу васъ: хотя ему и за пятьдесятъ лѣтъ, но не перестаетъ шалить къ стыду своему и къ моему огорченію. Пожалуста, не пускайте его къ пряхамъ: онъ любитъ тамъ распоряжаться. Я не могу быть вездѣ съ нимъ; вы тоже, хотя и будете стыдить и удерживать его, но онъ васъ не послушаетъ. Сдѣлайте милость, если что замѣтите за нимъ... знаете... такое, тотчасъ шепните мнѣ; я буду ему мыть голову и васъ не выдамъ никогда. Авось либо какънибудь уйдемъ его и ускромимъ.»

И я обѣщаль дѣлать все по волѣ и порученію ея. Мнѣ открывалось обширное поле, устроить хозяйство совершенно по моей методѣ. Но невозможно было ничего завести. У крестьянъ, отъ худаго за ними присмотра, вовсе не было хлѣба: они уже надѣялись, что помѣщикъ ихъ прокормитъ. Поля были далеко, и цѣлый день проходилъ на сборъ избалованныхъ работниковъ и на отведеніе ихъ въ поле. У нѣкоторыхъ крестьянъ не было лошадей. Я не придумываль, чѣмъ пособить горю, чтобы снабдить нужнымъ крестьянъ, избѣгая лишнихъ и тягостныхъ издержекъ. Открылся въ

этомъ Трифону Евдокимовичу, зазвавъ его, вмѣсто придельной, куда онъ въ одно утро поспѣшалъ, къ себѣ въ контору.

«Эхъ, вы горе-управляющіе! сказалъ онъ равнодушно. И на это у васъ нѣтъ догадки и смѣтливости. А я вотъ тебѣ и придумаю. У меня, батенька, на все прожектишки есть. Осматривайся-ка, да примемся ихъ исполнять. Только чуръ не противорѣчить! Исполнять и — баста!» И онъ пошелъ домой изобрѣтать «проектъ» къ улучшенію состоянія крестьянъ.

Возвратясь отъ г-жи Фигуркиной, гдѣ я долженъ былъ осмотрѣть ея собачью семью, только лишь приступилъ къ одному нужному распоряженію, какъ бѣгутъ за мною, чтобы явился къ барину.

«Ну, что? началъ онъ съ веселымъ лицомъ говорить мнѣ. У крестьянъ хлѣба нѣтъ, помрутъ съ голоду? Эхъ, вы распорядители, и этого придумать не могли? ха, ха, ха, ха! Отъ чего же у меня тотчасъ прожектъ и готовъ, да на всѣ, батенька, твои пункты. У крестьянъ хлѣба нѣтъ, чѣмъ помочь? Послушай: объ маслянной я, батенька, въ ротъ хлѣба не беру. Какъ подадутъ мнѣ мису-другую блиновъ, облитыхъ, знаешь, масломъ и сметаною, и какъ я это все очищу, такъ вотъ тебѣ право слово, не только хлѣба, обѣдать не хочу. Прикажи-ка имъ, батенька, чтобы у каждаго хозяина каждый день были блины, да побольше масла въ нихъ, питательнѣе будетъ. Такъ назови ты меня прямо дуракомъ, если кто изъ нихъ и вздумаетъ о хлѣбѣ.»

— Но... подумайте... — началъ было говорить я.

«Не противорѣчить!.. вскрикнулъ онъ отрывисто, и тутъ же продолжалъ: «А когда выѣзжаетъ мужикъ въ поле на работу, такъ, конечно, ему недосугъ ожидать, пока баба напечетъ блиновъ; въ такомъ случаѣ приказать имъ брать съ собою по куску копченой колбасы или сыру пармезану. Я замѣтилъ, что это очень питаетъ

и бѣдному мужичку, для котораго хлѣбъ такъ нуженъ, эта провизія замѣнитъ большую часть его.»

— Да помилуйте... — опять хотѣлъ-было я возразить.

«Вѣчныя противорѣчія! кричалъ онъ. Сказано вамъ однажды навсегда: не возражать, а исполнять, что приказываю. Другой прожектъ: вы говорите, что за отдаленностью полей много проходитъ времени въ ходьбѣ туда крестьянина. Пусть ѣздятъ въ поле.»

— Не у всякаго мужичка есть лошадь... —

«Все придумано, батенька! Вѣдь какъ мое кровное, такъ противъ воли благія мысли въ голову идутъ. Чтобы мужикъ не изнурялся далекою ходьбою, я придумалъ ему ѣздить. Но вы говорите, что мало лошадей. Согласенъ. Но вотъ средство помочь и этой бѣдѣ: пусть бросятъ свои глупыя телѣги, въ которыхъ одинъ только ѣдетъ; а пусть обратятся къ дрожкамъ. Въ дрожкахъ одна лошадь можетъ везти четырехъ человѣкъ. Видите ли? Вамъ это и на мысль не приходило, потому что мужички не ваши; пусть-дискать трудятся, лишь бы больше выработывали. А я ночь и день все придумываю къ облегченію и къ выгодамъ ихъ».

Съ такимъ-то распорядителемъ мнѣ должно было имѣть дѣло; но я, узнавши его коротко, вовсе не исполнялъ его требованій, потому что онъ, придумавъ «прожектъ», на другой день опровергалъ его.

Въ одно утро пришелъ онъ ко мнѣ въ контору въ самомъ веселомъ расположеніи, и тутъ же началъ говорить: «Вотъ, батенька, я еще къ тебѣ съ прожектомъ. Исполни и его, такъ скажешь спасибо и намъ доходъ усилишь. Изволишь видѣть, у насъ всѣ крестьяне на барщинѣ. Положимъ, хлѣбъ родилъ, да некуда продать, такъ и пользы нѣтъ, не-гдѣ денегъ взять; не родилъ, продать нечего, опять денегъ нѣтъ. Такъ вотъ моя мыслишка: посадить всѣхъ на оброкъ, а кромѣ того землю

имъ же нанимать и брать хлѣбомъ. Плохъ урожай, на хлѣбъ цѣна, больше его взыскивать. При урожаѣ они за хлѣбъ должны взнести деньги. Такъ вотъ мы всегда съ деньгами и съ хлѣбомъ. И этому быть такъ! вскричалъ онъ съ жаромъ: я не терплю противорѣчій. Съ завтрашняго дня всѣхъ на оброкъ. Пиши списки.»

Вечеромъ, когда я осматривалъ собачій пенсіонъ въ присутствіи г-жи Фигуркиной и между прочимъ зашелъ у насъ разговоръ о непостоянствѣ Трифона Евдокимовича и о неосновательности его мнѣній, какъ вошелъ и онъ. Первый разговоръ его о хозяйствѣ: какъ онъ все отлично устроилъ и сколько со временемъ имѣніе дастъ дохода. Для умноженія его я началъ предлагать посадить крестьянъ на оброкъ на томъ положеніи, какъ онъ приказалъ утромъ.

«Тогда не будетъ ни хлѣба, ни денегъ, и крестьяне обѣднѣютъ», сказала г-жа Фигуркина, зная, съ какимъ намѣреніемъ я началъ говорить.

— Совершенно нищіе будутъ! вскричалъ Трифонъ Евдокимовичъ. Кому такая чудная мысль пришла? —

«Мнѣ, сударь!» сказалъ я, и началъ доказывать пользу моего прожекта его же словами.

— Да... справедливо... сказалъ онъ, какъ будто обдумавъ предлагаемое мною. Тогда будемъ и съ деньгами и съ хлѣбомъ. Спасибо. Прожектець чудесный! Приступай къ исполненію. —

«И раззори имѣніе», возразила жена.

— Мало, раззорить; въ ничто обратить, душенька! Вижу ясно. — Такъ уже началъ мыслить нашъ хозяинъ.

«А мнѣ кажется, удвоить вашъ доходъ», сказалъ я.

— Что ты говоришь, батенька? отвѣчалъ онъ, будто расчитавъ. Какъ ты это считаешь? удвоить; право слово, удесатерить. Исполниай только скорѣе. —

«Я не допущу до раззоренія имѣнія. Я несогласна», сказала жена, посматривая на меня и едва удерживаясь отъ смѣха.

— И какъ возможно согласиться? вскричалъ онъ торжественно. Вотъ то-то, господа прожектёры! Выдумаете, произведете, все перепортите, да и былъ таковъ! А я хлопочи, поправляй испорченное. Сказано, несогласенъ, и не приму противорѣчій. Исполняй мою твердую волю. —

«По крайней мѣрѣ допустите для пробы, сказалъ я. Пробою не испортимъ, а быть можетъ попадемъ на полезное.»

— На полезное? опять затолковалъ онъ; скажи лучше, на преполезное. Видимое умноженіе дохода. Не спорь, не противорѣчь, съ завтрашняго дня исполняй по моему. —

Жена его расхохоталась и принялась доказывать ему, что онъ самый пустѣйшій распорядитель въ хозяйствѣ, не смыслить ничего и не имѣть не только твердой, но и никакой воли.

«Конечно, если слышишь во всемъ противорѣчія, такъ поневолѣ все надоѣстъ и бросишь», сказалъ онъ съ неудовольствіемъ — и ушелъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

въ которой описывается, отъ чего потерялъ я выгодное мѣсто.

И въ семейныхъ дѣлахъ Трифонъ Евдокимовичъ былъ такъ же твердъ и рѣшителенъ.

Одинъ помѣщикъ искалъ жениться на дочери Фигуркиныхъ. Въ бытность Трифона Евдокимовича въ городѣ, помѣщикъ открылся отцу; тотъ со всею готовностью

далъ согласіе и увѣрилъ, что онъ и жена его за счастье сочтутъ имѣть его въ семействѣ своемъ.

Между тѣмъ сестра г-жи Фигуркиной пріискала племянницѣ жениха изъ военныхъ, богаче помѣщика, и рекомендовала уже Фигуркиной. Вліяніемъ своимъ на нее и какъ крестная мать дѣвушки, которую располагала послѣ себя унаслѣдить, она вынудила у г-жи Фигуркиной согласіе предпочесть ею рекомендуемаго жениха.

Трифонъ Евдокимовичъ, чтобы скорѣе устроить счастье дочери, предлагаетъ адресовавшемуся къ нему жениху, взявъ отъ него письмо, ѣхать къ г-жѣ Фигуркиной, отъ которой, какъ онъ увѣрялъ, тотъ же часъ получить согласіе и благословеніе. Г-жа Фигуркина, ожидая жениха, рекомендуемаго сестрою, помѣщику подъ разными предлогами почти отказала.

Выслушавъ отъ помѣщика упреки за пустое обольщеніе, Трифонъ Евдокимовичъ вспылилъ! Накричавши съ три короба, что онъ не терпитъ противорѣчій, твердо своею волею поставить на своемъ, что это произошло отъ недоразумѣнія, что хотя жена и вымаливаетъ у него согласіе дать слово военному, но онъ этого слышать не хочетъ, — однимъ словомъ, склоняетъ помѣщика ѣхать съ собою для рѣшительнаго окончанія.

Г-жа Фигуркина, изумленная пріѣздомъ помѣщика съ повтореніемъ предложенія, раздосадованная мужемъ, не выдержала и уже безъ околичностей сказала помѣщику, чтобы онъ не беспокоилъ ихъ болѣе и тотчасъ удался бы.

Помѣщикъ ссылался на честное слово, данное Трифономъ Евдокимовичемъ, и на обѣщаніе кончить все по желанію.

Тутъ выступилъ на сцену отецъ съ своею твердою волею и сказалъ: «Да. Я далъ слово и не нарушу его, ни по булату.»

— Но я мать! возразила жена: я, можетъ быть, не менѣе имѣю права заботиться о счастіи дочери. —

«Какъ же, душенька! обращаясь къ женѣ, сказалъ онъ съ нѣжностью. Вашего чрева болѣзнь, вы и распоряжайте ею. Вамъ все предоставляю и прошу мнѣ не противорѣчить.»

Женихъ началъ разсуждать, что дочь ихъ никогда не видала военнаго, предлагаемаго тетушкою, и легко станется, что онъ не понравится ей; какъ напротивъ онъ неоднократно замѣтилъ расположеніе къ себѣ невѣсты.

«Да какъ и не быть въ ней расположенія къ тебѣ? подхватилъ отецъ: ты по всему молодецъ, а того-то мы не видали. Ну, какъ онъ и уродъ, и калека, и нехорошъ?»

— Можно ли, чтобы сестра моя избрала для племянницы человека недостойнаго ея? — говорила мать.

«И къ тому же такой племянницы, резонировалъ отецъ, которую она безъ памяти любитъ. И вѣрно выбрала изъ молодцовъ молодца.»

— Но въ супружествѣ не наружность составляетъ счастіе, а согласіе душъ... — сказалъ помѣщикъ.

«И душъ, и сердце, и чувствъ, перехватилъ отецъ, и однимъ словомъ, всего. Вѣдь говорится же: не по хорошу милъ, а по милу хорошъ.»

— Слѣдовательно вы согласны на мое счастье? — спросилъ помѣщикъ отца.

«Съ первыхъ словъ я согласился и далъ въ томъ...» сказалъ-было рѣшительный отецъ; но его перервала жена замѣчаніемъ, что когда обѣщанія исполнить не можно, то и его слово неважно.

«Что значитъ слово? философствовалъ отецъ. Сказалъ, да и перемѣнилъ, когда обстоятельства того требуютъ.»

— По крайней мѣрѣ, просилъ помѣщикъ, обѣщайте мнѣ не рѣшать судьбы дочери вашей безъ ея согласія. —

«Въ этомъ не одно, а десять честнѣйшихъ словъ даемъ вамъ, что если дочь наша скажетъ, что идетъ за васъ скорѣе, нежели за другаго, такъ завтра, а хотите, и сегодня свадьба. Я твердъ въ словѣ.»

Г-жа Фигуркина, желая прекратить всякія исканія помѣщика, сказала рѣшительно: «Болѣе говорить нечего. Дочери мы не отдадимъ за васъ.» И, откланявшись, ушла къ себѣ.

— Сдѣлайте милость, не взыщите, говорилъ отецъ, провожая помѣщика. Я радъ бы всею душою, такъ видите, что съ нею ничего сдѣлать нельзя, хоть споръ, хоть бранися. Но я уломаю ее. Вы замѣтили? Она уже поддается. —

Когда онъ проводилъ жениха и воротился къ женѣ, то она упрекала его, что онъ, вмѣсто того, чтобы поддерживать ее, все опровергалъ слова ея и защищалъ его. Тутъ онъ съ самодовольнымъ видомъ говорилъ: «Ахъ, душенька! Развѣ вы не изволили слышать, какъ я горой стоялъ за васъ и рѣзалъ ему правду-матку. Ему не любо стало, и онъ съ неудовольствіемъ на меня вышелъ; но я на это не смотрю. Я на правду чортъ! До ножа готовъ, а отъ своего мнѣнія не отступлю.»

Уважая представленія сестры, г-жа Фигуркина дала рѣшительное слово жениху, рекомендованному ею. Начались приготовленія къ свадьбѣ, и для покупокъ приданаго Фигуркины переѣхали въ городъ, куда взяли и меня.

Не смотря на прожитые пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, Трифонъ Евдокимовичъ въ деревнѣ пошаливалъ порядочно. Иное жена его узнавала отъ приставленныхъ для того людей, а иное и я подмѣчалъ, и, желая удержать за собою ея покровительство, доносилъ ей, и дома

часто были сцены горячія. Мужъ съ твердою волею, нетерпящій противорѣчій, былъ уличаемъ въ неприличномъ времяпровожденіи, стыдимъ и доводимъ до того, что обѣщевалъ исправиться отнынѣ навсегда; но это было сегодня, а на завтра опять онъ впадалъ въ бѣду. Переѣхавъ въ городъ, г-жа Фигуркина находилась въ большомъ опасеніи на счетъ вѣтренности мужа, почему и просила меня, вездѣ, куда онъ только поѣдетъ, преслѣдовать его, подмѣчать за нимъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ объявлять ей секретно. Какъ же страсти въ насъ не старѣются, то Трифонъ Евдокимовичъ часто подпадалъ подъ мое замѣчаніе, и жена часто по одному подозрѣнію мыла ему голову порядочно. Дома у насъ всегда было шумно.

Въ одно утро вхожу я къ Трифону Евдокимовичу и застаю его разодѣтымъ, разфранченнымъ болѣе обыкновеннаго и стоящимъ передъ большимъ зеркаломъ. Слуга держалъ предъ нимъ нѣсколько бутылочекъ; онъ бралъ склянки поодиначкѣ, прыскалъ на себя духами, мазался ими и наконецъ приказалъ слугѣ прыскать на себя кругомъ, самъ же только поворачивался и, любуясь собою въ зеркалѣ, охорашивался.

«Что за хлопоты, Трифонъ Евдокимовичъ? спросилъ я его, посмотрѣвши на всѣ его занятія. Къ чему такое франтовство? Куда или къ кому вы такъ разфрантились? Ужъ конечно любовное свиданіе?»

— Ты почти угадалъ, батенька! отвѣчалъ онъ, украшая себя булавочками, цѣпочками, перстеньками и проч. Вотъ прочти-ка, что пишутъ ко мнѣ; такъ какъ просто явиться? » И, вынувъ изъ кармана записочку, облитую духами, подалъ мнѣ.

Записочка писана женскою рукою, и я съ трудомъ прочелъ ее, но понялъ, что его «просятъ навѣстить по старой дружбѣ, скрывъ это и отъ домашнихъ.»

«Записка бы и ничего, сказалъ Трифонъ Евдокимовичъ; но отъ кого? Ахъ!.. У насъ были съ нею амурныя куры; прямѣе, мы любились какъ голубки, но насъ не соединили, и вотъ двадцать лѣтъ прошло, а мы и не видались. Теперь она овдовѣла, и, кажись, что-то замышляетъ. Это ея племянникъ, что сватался на дочери и которому жена отказала. Подъ предлогомъ уговаривать меня въ пользу племянника, она приглашаетъ меня на секретное свиданіе. Поѣдемъ со мною, ты увидишь чудо-красавицу. Ты тамъ посидишь пока, а жена, зная, что ты со мною, не станетъ подозрѣвать. Ну, гдѣ эти пятьдесятъ шесть лѣтъ, разсуждалъ онъ, выфантивая передъ зеркаломъ, о которыхъ она мнѣ безпрестанно твердитъ? Какая ловкость, живость, цвѣтъ лица, игра въ глазахъ!.. Карету! приказывалъ онъ слугѣ. Да надушить и въ ней побольше. Запречь и подать поскорѣе, пока барыня не проснулась. Ахъ, какъ бы мнѣ не жена! продолжалъ говорить опять мнѣ, или по крайней мѣрѣ не докучливый нравъ ея, не безпрестанныя требованія: «не смотри на хорошенькихъ, не выѣзжай одинъ»... Ахъ, если бы мнѣ свободы!.. А тутъ еще и дочь!.. Кто ее знаетъ, когда она успѣла вырости?... И угораздило же ее стать невѣстою!.. По неволѣ остепенишься. Ну, какъ съ такою ловкостью, съ такою живостью казаться старикомъ?» И пустился по комнатѣ франтить, шаркать...

Какъ вдругъ раздался за нами голосъ жены его, давно смотрѣвшей на занятія муженька: — Стыдитесь, сударь, Трифонъ Евдокимовичъ! Что это вы дѣлаете съ собою? Къ чему разфрантились какъ восемнадцатилѣтній мальчикъ? Къ чему раздушились какъ записная модница? Къ чему эти шарканья? Вспомните, что вамъ уже пятьдесятъ шесть лѣтъ! Смѣхъ людямъ!»

Нельзя описать положенія, въ которое пришелъ горемычный селадонъ! Досада, гнѣвъ, стыдъ, изумле-

ніе, робость, все въ немъ явилось вдругъ. Дрожащимъ голосомъ началъ онъ говорить въ свое оправданіе: — Да я... душенька... это такъ. Поживши долго въ деревнѣ, испытаю себя, не отсталъ ли отъ свѣтскихъ приличій... —

«Въ ваши лѣта такія приличія вовсе неприличны. Вамъ нужны скромное одѣяніе, постепенная поступь, скромность въ самомъ взглядѣ. А раздушились къ чему?»

— Ёду, душенька, къ начальнымъ людямъ въ городъ; такъ знаете, приличнѣе бы представиться... —

«Когда вы образумитесь?» продолжала упрекать огорченная жена, и наконецъ зарѣзала до конца: «При вашей старости такой нарядъ, эти приемы смѣшны! Идутъ ли всѣ эти булабочки, цѣпочки къ вашимъ морщинамъ, къ вашей сѣдинѣ, которой вы уже никакъ не скроете...»

— Прощайте, душенька; мнѣ время ѣхать, вскричалъ разогорченный Франтъ, и, схвативъ шляпу, побѣжалъ изъ комнаты, крича мнѣ: поѣдемъ, батенька; скорѣе, скорѣе. —

Безъ всякаго размышленія и намѣренія, положивъ дорогую для Фигуркина записку на окно, я, схвативъ шляпу, хотѣлъ бѣжать къ каретѣ, какъ г-жа Фигуркина удержала меня и спрашивала, куда мы ѣдемъ?

Хоть сей часъ умереть, я вовсе не думалъ скрывать отъ нея о новой шалости муженька ея и конечно бы все до чиста рассказалъ ей послѣ событія; но самъ не знаю отъ чего — конечно чортъ дернулъ меня скрыть пока настоящее дѣло — я сказалъ, что ѣдемъ кое за какими покупками, и поспѣшилъ къ нетерпѣливо ожидающему меня Фигуркину.

Во всю дорогу онъ упрекалъ жену за ея неразумность и говорилъ такое, чего, конечно, въ глаза и въ половину не осмѣлился бы сказать, хотя крѣпко досадно

было ему напоминаніе о морщинахъ, сѣдинѣ и вѣрномъ счетѣ лѣтъ.

Надобно было видѣть, какъ прежде любившіеся теперь сошлись. Именно, до того при первомъ взглядѣ другъ на друга были поражены, что, поднявъ руки, стояли нѣсколько времени безгласны!.. Наконецъ prorвались восклицанья:

«Ахъ, матушка, Федосья Петровна, какъ вы перемѣнились!»

— Ахъ, батюшка, Трифонъ Евдокимовичъ, какъ ты устарѣлъ! —

«Вы ли это?»

— Ты ли, полно? я не узнаю тебя. —

«Куда все это дѣвалось?»

— Какъ ты растолстѣлъ! И плѣшивъ сталъ! —

Послѣ такихъ нѣжныхъ изъясненій, необходимыхъ между видѣвшими за двадцать лѣтъ прежде другъ въ другъ неизъяснимую красоту, начались разспросы о здоровьѣ, проживаньѣ и о прочемъ. Она спросила обо мнѣ.

«Это, матушка, свой, домашній человѣкъ, отвѣчалъ онъ. При немъ мы можемъ все и обо всемъ говорить.»

Хозяйка просила меня садиться. Я сѣлъ въ уголъ и, увидѣвъ Петербургскій Календарь, занялся чтеніемъ, все прислушиваясь къ разговору ихъ, который они, усѣвшись у окна, продолжали въ полголоса. Я имѣлъ намѣреніе весь ихъ разговоръ отъ слова до слова передать, кому слѣдовало; посмотрите же, что тутъ вышло!

Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ о семъ, о томъ, Федосья Петровна приступила къ интересующему ее предмету. «Скажи, пожалуйста; почему вы не отдаете дочери за моего племянника? Вы ее губите!»

— Губимъ, матушка, губимъ! Живую въ гробъ кладемъ! —

«И ты согласенъ на это?»

— Кто, я? Ни за какія блага въ свѣтѣ! —

«Какъ же? Свадьба уже назначена, и ты писалъ пригласительныя письма къ роднымъ.»

— Э-эхъ, матушка, Оедосья Петровна! Я лавирую. Вамъ извѣстенъ мой твердый характеръ; я никакъ не допущу сдѣлать что либо противъ воли моей. А при томъ я и по себѣ знаю, примолвилъ онъ, вздохнувъ и наклоня разговоръ къ предмету, его интересующему; знаю, какъ тяжело разлучать два любящіяся сердца!.. —

Тутъ Оедосья Петровна вздохнула, взглянула на него нѣжно, и задумалась; а онъ съ возрастающимъ жаромъ продолжалъ:

«Ужъ какъ я страдалъ, когда васъ отдали за мужъ! Этакой сильной и пламенной любви я и въ книгахъ не начитывалъ. Куда имъ! то все любвишки, а тутъ была «любовь». Живо помню, какъ вашъ взоръ пронзилъ мое сердце, какъ я не смѣлъ глядѣть на васъ, какъ тоскую въ разлукѣ съ вами! Зайду, бывало, въ лѣсъ, гляжу на вашъ домъ и читаю вслухъ пѣсенникъ. Каждую пѣсенку, выражающую чувства мои, оболью горькими слезами. Помните ли, какъ вы о Святой пріѣхали къ намъ и батенька велѣли мнѣ поиграть на гусляхъ, и я заигралъ, припѣвая: «Полюбя тебя, смущаюсь», и глядѣлъ на васъ страстно. Каждое нѣжное словцо въ пѣсенкѣ раздирало мою душу и слезы чуть-чуть не брызнуть! Вы тогда не поняли меня, но также глядѣли страстно; да ужъ подъ конецъ, когда я что есть мочи вскрикнулъ: «Неисцѣлима страсть моя, тобой на вѣкъ несчастенъ я!» и дернулъ по всѣмъ струнамъ, вы догадались и покраснѣли. Въ замѣнъ того, когда мы были у васъ, вы играли на клавикордахъ и нѣжно запѣли, якобы мнѣ въ отвѣтъ: «Знать судьба того желаетъ, чтобъ ты мой, я твоя была». Тутъ ужъ я осмѣлился и, подошедши къ фортепіано, чуть-чуть проговорилъ вамъ: «о

небо!» а вы и покраснѣли... Вотъ я сталъ смѣлѣе и при первомъ случаѣ въ минуэтѣ пожалъ вамъ ручку; а вы, когда на томъ же балѣ плясали со мною русскую, такъ вотъ этакъ плечикомъ дѣлали мнѣ грасы, а въ концѣ и руку еще пожали... Все, все помню, какъ потомъ написалъ я къ вамъ амурное на розовой бумажкѣ письмецо и въ саду бросилъ его къ ногамъ вашимъ... а вы потомъ кинули въ меня папильоткой, гдѣ написано было одно, но милое, дражайшее слово: «твоя!» А какъ одинъ разъ вы уѣзжали изъ клуба и уже сѣли въ карету, а я — пока ваша толстая тетушка садилась въ нее — забѣжалъ къ окошку кареты и страстнымъ голосомъ началъ упрашивать: «пожалуйте мнѣ вашу ручку!.. осчастливьте меня... удостойте несчастнаго!..»

И пятидесятилѣтняя Федосья Петровна, пришедшая отъ живописнаго разсказа въ забытѣе, до того воображеніемъ перенеслась въ минувшее, что, принявъ все за самое дѣйствіе, жеманно протянула къ нему свою ручку, а сѣдую головку свою приклонила къ плечу счастливаго обожателя, который напомниманіе принялъ за самое дѣйствіе, бросился на колѣна и впился въ изсохшую теперь, а прежде бѣлую и полную, ручку...

Въ это мгновеніе дверь отворится... входитъ г-жа Фигуркина, видитъ мужа у ногъ другой... «Что я вижу?» вскричала она ужаснымъ голосомъ, и тутъ же распаленная гнѣвомъ, съ протянутыми впередъ руками, быстро начала приступать къ восторженнымъ до сего, а въ этотъ мигъ совершенно окаменѣвшимъ любовникамъ.

«А тебѣ, голубушка, какъ не стыдно!..» такъ начала г-жа Фигуркина, и продолжала съ страшнымъ изверженіемъ грозныхъ словъ... Но и соперница не была лишена дара слова: загремѣлъ громъ, заблестала молнія, заревѣла буря! Я не знаю, чему уподобить схватку этихъ двухъ женщинъ. Чего онѣ тутъ не насажали!

Обиженная нападала, подозрѣваемая защищалась, но обѣ дѣйствовали съ такою силою, шумомъ, трескомъ укоровъ, потокомъ упрековъ, что если не небу, то потолку жарко было.

Горемычный Трифонъ Евдокимовичъ бросался между ними и, какъ нетерпящій никакихъ противорѣчій, до поту лица метался во всѣ стороны: соглашался съ женою, защищалъ любезную, оправдывалъ себя — и каждою фразою противорѣчилъ себѣ и опровергалъ имъ же сказанное; но и тѣмъ не успѣвалъ укротить разсвирѣпѣвшихъ... Шумъ, крикъ, споръ, визгъ, все это смѣшалось и до того оглушало меня, что я, предоставя окончаніе всего случаю, ушелъ на квартиру.

Очень нескоро возвратились съ мѣста сраженія супруги, и конечно не примирившіеся, потому что пріѣхали въ разныхъ экипажахъ. Жена пустила мужа ѣхать впереди, а сама слѣдовала за нимъ, наблюдая, чтобы не скрылся отъ ея глазъ и не произвелъ бы подобной сцены. Страсти не старѣются.

Прошло нѣсколько времени, и меня позвали къ Фигуркинымъ. Барыня съ ожесточеніемъ напала на меня. Упрекала, будто и записку отъ соперницы къ мужу доставилъ я (записку эту она, по уходѣ моемъ, нашла на окнѣ, прочла и пустилась отыскивать невѣрнаго); что я съ намѣреніемъ не открылъ ей, куда мы ѣдемъ, и много приписывала мнѣ вовсе несвойственнаго.

Безсовѣстный Трифонъ Евдокимовичъ, не любя противорѣчій, соглашался съ нею и винилъ меня. Предоставляя времени оправдаться, я молчалъ, какъ вдругъ услышалъ отъ г-жи Фигуркиной, чтобы я оставилъ мѣсто и убирался, куда хочу.

«Самъ посуди, подхватилъ мужъ съ твердою волею, какъ намъ тебя держать? Съ такими наклонностями и съ такими хитростями, ты еще и не то затѣешь. Убирайся, убирайся сего же дня.»

— Но, сударыня... какъ же останутся ваши миленькія собачки? — спросилъ я, совершенно теряясь отъ такой неожиданности и желая чѣмъ нибудь разжалобить ее.

«Буду съумѣть присмотрѣть за ними и безъ васъ, а вы убирайтесь. Примите, батюшка, отъ него отчеты, какъ должно, и посчитайте во всемъ.»

— О! ничего не подарю. Не безпокойтесь, душенька! — отвѣчалъ ей Трифонъ Евдокимовичъ; а идучи со мною въ мой флигель для пріема отъ меня отчетовъ, говорилъ: — Вотъ какой характеръ у нея! никакихъ возраженій не принимаетъ и теряетъ такого человѣка, какъ ты! Ужъ я ли не спорилъ съ нею? Да молчи, я поставлю на своемъ; мнѣ уже наскучили эти противорѣчія. Теперь ты хоть и уѣдешь, но живи поближе: я потребую, чтобы она призвала сама тебя. Я бы и сегодня тебя не отпустилъ, но эта исторія... —

— Помирились ли вы съ своею супругою? — спрашивалъ я.

«Когда же мы ссорились? Она спросила, какъ было дѣло, и я объяснилъ. Двадцать лѣтъ живемъ, и не было нималѣйшей размолвки. Она знаетъ, что я не терплю противорѣчій и въ глаза смотритъ мнѣ, чтобъ угодить. Вотъ съ Федосьею Петровою начала-было жарче, да съ перваго слова я остановилъ все.»

Наконецъ Трифонъ Евдокимовичъ, какъ нелюбящій противорѣчій и имѣющій твердую волю, рассчитался со мною, т. е. принялъ отъ меня то, что я захотѣлъ отдать ему — а между нами говоря, довольно осталось и для меня — выдалъ мнѣ аттестатъ и отпустилъ, все обнадеживая, что онъ «на правду чортъ», оправдаетъ меня однимъ словомъ, и лишь объявить свою твердую волю возвратить меня, то жена и согласится.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О ТОМЪ, КАКЪ СЛУЖИЛЪ Я У ЗНАТНАГО
БАРИНА.

Проживая въ городѣ, узналъ я, что одинъ помѣщикъ ищетъ управляющаго и предлагаетъ выгодныя условія. Я поѣхалъ къ нему въ деревню.

Остановясь въ конторѣ, я прямо хотѣлъ итти къ нему, но мнѣ сказали, что это невозможно; по заведенному порядку конторщикъ доложить дежурному лакею, лакей передать дежурному офиціанту, офиціантъ дворецкому, дворецкій особо учрежденному докладчику, а тотъ уже докладываетъ генералу. Отвѣтъ переходитъ такимъ же порядкомъ къ конторщику и тогда исполняется.

Пошелъ докладъ о желаніи моемъ представиться; часа черезъ три пришелъ отвѣтъ, что генералъ изволить допустить меня, но не прежде какъ въ первый докладной день. Это происходило въ субботу, а докладной день былъ во вторникъ. Нечего дѣлать. Разсмотрѣвъ по конторѣ теченіе экономическихъ дѣлъ и, главнѣе всего, оклады, я не хотѣлъ упустить выгоднаго и покойнаго мѣста, и рѣшился ожидать докладнаго дня. Помѣщикъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и мнѣ совѣтовали въ разговорѣ съ нимъ не упускать должнаго величанья.

Насталъ вторникъ, и къ девяти часамъ—время, когда начинаются доклады—я пошелъ «въ палаты»; такъ называли господскій домъ, деревянный, одноэтажный, не много обширнѣе дому обыкновеннаго помѣщика.

Дежурный лакей, выслушавъ желаніе мое, пошелъ передавать его по порядку. Болѣе часа ожидалъ я, какъ возвратившійся офиціантъ сказалъ лакею: «допустить къ самому генералу.» Лакей тутъ же сдалъ меня ему, и мы

пошли въ другую комнату. Оттуда съ дворецкимъ къ докладчику. Тотъ, осмотрѣвъ меня съ головы до ногъ, съ презрительнымъ видомъ спросилъ: «А куда мостится?»

Отъ негодованія за такой отзывъ я молчалъ, а дворецкій отвѣчалъ: «никакъ въ управляющіе.»

— Вотъ что! — пропѣлъ докладчикъ, понюхалъ табаку и, щелкая пальцами, продолжалъ осматривать меня съ тѣмъ же неуваженіемъ, и наконецъ пошелъ къ «генералу.»

Прошло добрыхъ полчаса, какъ вотъ дверь растворилась, и я введенъ къ господину.

Его превосходительство Лукьянъ Петровичъ Пѣтуховъ, въ зеленомъ штофномъ тулупѣ, подбитомъ горностаевымъ мѣхомъ, въ шитыхъ золотомъ туфляхъ, въ шелковомъ колпакѣ, изволилъ прохаживаться по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Я счелъ его нездоровымъ, видя, что онъ въ жаркое время въ тулупѣ и, какъ казалось, тяготился имъ; но вышло все противное.

На мой вѣжливый поклонъ онъ даже не кивнулъ мнѣ головою и, посмотрѣвъ на меня, спросилъ: «Что, голубчикъ! желаешь быть въ моихъ владѣніяхъ управляющимъ?»

Онъ называетъ «владѣнія», подумалъ я, когда всего на все въ семи деревняхъ 312 душъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство — отвѣчалъ я почтительно.

«Имѣешь ли аттестаты и отъ кого именно? Ваша братья, голяки, таскаются изъ имѣньишка въ другое, набиваютъ себѣ карманы, наберутъ отъ дураковъ похвальныхъ аттестатовъ, да и суются къ намъ, барямъ, управлять нашими вотчинами. Покажи-ка, что у тебя тамъ за аттестатишки? Чай отъ самой мелкотравчатой братіи?»

Такой отзывъ былъ для меня крайне обиденъ, и я едва не ушелъ отъ него безъ всякаго объясненія; но мнѣ хотѣлось разувѣрить его, что я не изъ такихъ, какъ онъ думаетъ, и потому подалъ ему свои аттестаты вмѣстѣ съ указомъ объ отставкѣ и съ огорченіемъ сказалъ: — Мои аттестаты не кое-какіе и все отъ людей именитыхъ. » —

«Именитыхъ! сказалъ онъ съ презрительною улыбкою. Кто здѣсь именитый? И, пересматривая одни подписи на аттестатахъ, на каждомъ приговаривалъ: «дуракъ... дрянъ... ничтожный. Потомъ вдругъ остановился на моемъ указѣ объ отставкѣ и, перемѣнивъ тонъ, началъ говорить: «А! это что то печатное... да и подписи чиновныхъ людей...»

— Это мой указъ объ отставкѣ, ваше превосходительство—сказалъ я.

«Неужели ты считаешь меня неграмотнымъ? прикрикнулъ онъ съ негодованіемъ. Или уже собираешься меня водить за носъ?... Я самъ все узнаю.» И началъ съ трудомъ разбирать слова въ указѣ. «Стол... Стол... Кто же это Столиковъ?» спросилъ онъ наконецъ.

— Не Столиковъ, а Столбиковъ; это самъ я, ваше превосходительство. —

«Вотъ что! Такъ ты... вы и дворянинъ, и помѣщикъ, и прапорщикъ? Это хорошо. Сохранится приличіе комнѣ и къ моимъ владѣніямъ. Мои владѣнія, голубчикъ, занимаютъ пять уѣздовъ.»

То есть, въ каждомъ уѣздѣ и въ разныхъ деревняхъ душъ по пятидесяти. Понимаю тебя. Такъ подумалъ я; а онъ продолжалъ:

«Меня тяготитъ имѣть всякій разъ дѣло прямо съ старостами изъ моихъ вотчинъ. Какъ мнѣ, въ моемъ чинѣ, моего роду, говорить прямо съ мужикомъ? Очень радъ, что буду передавать приказанія черезъ благород-

наго, и еще офицера. На какихъ условіяхъ желаешь служить мнѣ?»

Я потребовалъ больше, нежели сколько было отъ него назначено въ конторѣ.

«Вотъ и видно не простую, а благородную кровь, отвѣчалъ онъ съ одобреніемъ. Ты, голубчикъ, не хочешь равняться съ черною, требуешь приличнаго роду и званію своему. Это мнѣ нравится. На первый случай изъявляю тебѣ мое удовольствіе. Вотъ же и мои условія... Но прежде, дай сниму тулупъ.» И тутъ же приказалъ подать себѣ легкій плафоръ.

Желая сблизаться съ нимъ и быть короче въ обращеніи, я во время переодѣванья его объявилъ свое замѣчаніе, что нынче жарко и быть въ тулупѣ очень невыгодно.

«Что же прикажешь дѣлать, голубчикъ! — сказалъ онъ, щелкнувъ языкомъ. Своего не должно терять. Изволишь видѣть, нашъ родъ пошелъ прямо отъ самаго Гедимины; тамъ, въ послѣдствіи, началъ раздѣляться, дробиться до безконечности, и до того дошло, что дураки, мои предки, потеряли княжество. Всѣ вотъ теперешніе вельможи, братъ Вася, братъ Алексаша, братъ Егорюшка, братъ Алѣша, всѣ сохранили или княжество или графство; только я одинъ, по милости своихъ глупыхъ предковъ, съ шишомъ, въ числѣ простыхъ вельможъ. Помня же свой родъ, я сохранилъ въ гербѣ своемъ княжескую корону и порфиру. Да и не ношу другаго мѣха, кромѣ горностаеваго, какъ по роду мнѣ принадлежащаго. Это та же наша порфира. Какъ же сегодня у меня пріемное утро, такъ я и долженъ былъ принимать всѣхъ прилично моему происхожденію; но, признаться, духота меня одолѣла, и какъ уже ты почти служащій при мнѣ, такъ я съ тобою буду безъ чиновъ. Выслушай же и мои условія. Не писать и не называть, подобно мелко-травчатымъ помѣщикамъ: «имѣніе», а всегда съ подроб-

ностью : «владѣнія его превосходительства, г. дѣйстви-
тельнаго статскаго совѣтника и кавалера Лукьяна Петро-
вича Пѣтухова, деревни такой-то губерніи, такого-то
уѣзда», и проч. Вѣдь я, голубчикъ, владѣю въ пяти
уѣздахъ. Предокъ мой, Гедиминъ, владѣлъ всею
западною Россіею. Это по размноженію рода нашего
мнѣ меньше досталось. Но все же не надобно забывать
своего. Такъ, голубчикъ, и въ запискахъ веди : доходъ
изъ владѣній такого-то уѣзда, доходъ изъ другаго. Са-
мое главное, доходовъ собирать побольше. У меня одинъ
сынъ; хочу, чтобъ онъ поддержалъ честь моего дома.
Если уже потеряно наше природное княжество, такъ
пусть онъ пріобрѣтетъ сіятельный титулъ чрезъ женить-
бу на какойнибудь послѣдней въ родѣ княгинѣ или по
крайней мѣрѣ графинѣ. Братъ графъ Алексаша будетъ
мнѣ въ этомъ содѣйствовать. На этотъ конецъ сынъ мой
вояжируетъ въ иностранныхъ государствахъ. Теперь онъ
съ полкомъ своимъ въ Польшѣ, въ Литвѣ. Нужно высы-
лать ему денегъ побольше. Главное все сказано; по это-
му поступай, милостью моею оставленъ не будешь. До-
кладъ кончился, иди къ своему дѣлу. Помни же, не
смотря ни на какую надобность, ни на какое важное
дѣло, не смѣй меня беспокоить, и не иначе приходишь
ко мнѣ, и то чрезъ установленныя инстанціи, какъ во
вторникъ и пятницу. Иди, трудись, въ пятницу явись
ко мнѣ.»

Какая нужда до твоихъ странностей, думалъ я, идя
въ контору; лишь бы доходы были хороши и я былъ бы
обеспеченъ въ жалованьѣ за труды.

Дѣйствительно, имѣніе... виновать, владѣнія его
превосходительства и проч. и проч., хотя и въ лоскут-
кахъ, разсѣяны были на не близкое одно отъ другаго раз-
стояніе, но доставляли значительный доходъ. По опыт-
ности моей, а болѣе по запискамъ, имѣвшимся у меня,
я сдѣлалъ расположеніе и надѣялся еще увеличить дохо-

ды, если генералъ утвердитъ мой проэктъ. Составивши его со всею отчетностью, я принялся дѣйствовать въ первый докладной день. Отъ дворецкаго вступило ко мнѣ донесеніе о неисправностяхъ одного изъ офиціантовъ; а я долженъ былъ представить объ этомъ генералу. Пошелъ я докладываться по порядку, и наконецъ допущенъ къ его превосходительству.

Отдавъ отчетъ о принятомъ мною, я просилъ разсмотрѣнія моего проэкта...

«Что ты, голубчикъ? вскричалъ онъ съ неудовольствіемъ, раскидывая полы своей «порфиры» отъ большаго жару. Ты этакъ меня замучишь. За чѣмъ же ты у меня на службѣ и жалованье получаешь? Твое дѣло извлекать доходы, какъ знаешь. Докладывай о другомъ.»

Вотъ все, чего я и желалъ! подумалъ я, и доложилъ объ офиціантѣ.

«Разжаловать его въ лакеи, сказалъ его превосходительство самымъ спокойнымъ духомъ; а изъ нихъ способнѣйшаго, снесясь съ дворецкимъ, представить въ офиціанты. Объ этой выключкѣ надобно отмѣтить въ спискахъ. Спроси-ка, голубчикъ, офиціантской списокъ; онъ хранится въ библіотекѣ.»

Я обрадовался, узнавъ, что у моего вельможи есть библіотека. Грѣшное дѣло! люблю почитать книжечекъ, и если трафится хорошенькая, то и перечитать нѣсколь-ко разъ. А потому хотѣлъ самъ видѣть библіотеку и, выбравъ, что по вкусу, испросить позволеніе воспользо-ваться. Я приказалъ вести себя въ библіотеку.

Изъ столовой мнѣ отворили дверь... Комната безъ шкафовъ, безъ полокъ... пустая. «Что это?» — Библіотека его превосходительства. — «Гдѣ же книги?» — Вотъ они всѣ. — И дворецкій указалъ на стоящій въ углу столъ; на немъ три книжечки въ оберткѣ. Полюбопытствовалъ, заглянулъ въ нихъ... Санктпетербургскій Календарь,

Придворный Календарь и Адресъ Календарь... одинъ № Московскихъ Вѣдомостей, и все это гораздо прежнихъ годовъ. Въ Придворномъ Календарѣ заложено было тамъ, гдѣ стояли владимірскіе кавалеры, а въ Адресъ-Календарѣ замѣченъ тотъ листокъ, на которомъ его превосходительство состоялъ предсѣдателемъ верхняго земскаго суда. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ между выѣхавшими изъ Москвы стояло имя его превосходительства, и противъ него на полѣ отмѣчено большимъ чернильнымъ пятномъ.

Библіотека достойная его Превосходительства, потомка Гедимины и владѣтеля въ пяти уѣздахъ! подумалъ я, и, взявъ тутъ же лежащую тетрадку, въ коей было записано обо всемъ, понесъ представить «генералу».

Его превосходительство между разными записками отыскалъ списокъ офиціантовъ, и имя Васьки Трифопова безжалостно зачеркнулъ, примолвивъ: «Такъ ему, мошеннику, и надо.»

Послѣ такого жестокаго его дѣйствія я хотѣлъ-было «откланяться его превосходительству» (такъ приказано было изъясняться), какъ онъ изволилъ остановить меня, сказавъ: «Послушай, голубчикъ; не мѣшало бы тебѣ озаботиться пересмотрѣть всѣ мои дорожные экипажи и исправить ихъ, чтобъ не было остановки.»

— Конечно изволите располагать выѣхать куда? — спросилъ я.

«Зовутъ, братецъ, на службу. Не знаю, отдѣлываться ли, или соглашаться. Два мѣста на выборъ: оберъ-камергеръ или генераль-губернаторъ надъ пятью губерніями; не знаю, на что рѣшиться.»

— Помилуй, мой миленькій, тутъ нечего и думать — сказала вошедшая барыня, разубранная, разукрашенная: платье не платье, на головѣ наколка не наколка, пальцы всѣ закованы въ перстни съ блестящими, разноцвѣтными

каменьями; шея увѣшана жемчугами, цѣпями; въ ушахъ преогромныя серьги; походка важная... но фигура изгадила все. Она была невысокаго роста и какъ-то «огурчиковата». Признавъ въ ней супругу его превосходительства, я сдѣлалъ ей поклонъ по всѣмъ правиламъ, мусье Ригодономъ преподаннымъ, но безъ подскоковъ впередъ, боясь конфузїи, какъ отъ полковника при опредѣленїи моемъ въ военную службу.

Увидѣвъ меня, она прищурила и безъ того маленькіе свои глаза и спросила пискливымъ голосомъ: «Кого ты это, мой миленькій, допустилъ къ себѣ?»

Его превосходительство принялъ на себя трудъ представить меня супругѣ своей и отрекомендовалъ какъ удостоеннаго управлять его владѣніями. «А г. прапорщикъ Столбиковъ, примолвилъ онъ съ самодовольною улыбочкою, умножить наши доходы и облегчить тѣмъ способы къ жизни при новой моей должности.»

— На которую ты, мой миленькій, все еще не рѣшаешься. Можно ли сравнивать должность при дворѣ и генераль-губернатора. Въ первой ты будешь равенъ съ другими, а въ области ты одинъ надъ всѣми. Все тебѣ поклоняется, а ты никому. При дворѣ же ты будешь зависимъ. —

«Это ничего, мой другъ! За то на глазахъ, въ памяти всѣхъ. И чуть торжество, такъ и ожидай: Александровская сперва, а тамъ и Андреевская. А въ провинціи какъ ни служи, когда-то вспомнятъ. И на брата, графа Алексашу, нечего надѣяться; все больше о себѣ будетъ заботиться. При дворѣ же я свое всегда возьму.»

— Воля твоя, мой миленькій, я несогласна, чтобы ты служилъ при дворѣ. Лучше иди въ генераль-губернаторы. —

И поднялся у нихъ горячій споръ, даже доходило до грубостей. Наконецъ его превосходительство, крѣпко осерчавъ, вскричалъ: «Вотъ таково-то взять жену

изъ неравнаго состоянія! Я, по высокой породѣ моей, все думаю и забочусь о возвышеніи, а она, какъ привыкла у батюшки за домомъ смотрѣть и мелочами заниматься, такъ все высокое и въ голову нейдетъ. Но я рѣшился. И вотъ на зло тебѣ, душа моя, генераль-губернаторства не приму; хоть бы съ чиномъ тайнаго совѣтника, откажусь. А за оберъ-камергерство курьеру, который привезетъ извѣстіе, подарю золотую табакерку съ эмалью.»

— Какъ же вамъ, мой миленькій, не совѣстно. Вы эту табакерку назначили нашему Доримедонту. —

«Онъ, душа моя, женится на послѣдней въ родѣ княгинѣ или графинѣ, слѣдовательно богатой. У него такихъ вещей много будетъ. А подарить курьера должно отлично за такую вѣсть. Весь дворъ будетъ интересоваться, чѣмъ-дискать подарилъ новый оберъ-камергеръ.»

— Если бы за генераль-губернаторство, такъ иное дѣло. —

«Не приму, сударыня! сказалъ, и не приму», уже кричалъ его превосходительство; а жена откликалась отъ него и доказывала, что желаніе его глупо...

Пошла перебранка... въ-силу ускромилась.

Будущій оберъ-камергеръ, больше кричавшій на супругу свою, скорѣе усмирился. Послѣ продолжительнаго молчанія, въ продолженіе котораго сидѣли надувшись, генераль сказалъ, конечно желая подольститься къ женѣ: «Вотъ и вамъ нужно прибавить издержекъ для ученія нашей Оленьки.»

— Вотъ ты-то, мой миленькій, низко рассуждаешь, а не я, сказала генеральша. Можно ли, чтобы я дочь мою дозволила обучать здѣшнимъ учителямъ? Ни за что въ мірѣ. Ъду въ Германію, Италію, въ Англію, вездѣ, гдѣ можно найти все лучшее. —

«Чтобъ не упустить времени, судилъ генераль. Ей уже шестнадцать лѣтъ, невѣста.»

— Не ужели вы, мой миленькій, думаете, что я готовлю ее для Русскихъ? Фи! Я не дала ей еще никакого понятія о мужчинахъ; года чрезъ два, за границею, между людьми, я приступлю къ тому. Я внушу ей, что она не должна ни на кого обращать вниманія и презирать всѣхъ, кто не въ совершенствѣ красавецъ, не чрезвычайно богатъ и не отлично знатенъ. Она будетъ у меня за графомъ, можетъ быть герцогомъ, а почему бы и не за принцемъ крови, хотя бы и въ побочной линіи. —

«Хорошо бы это, мой другъ! Тутъ дочь герцогиня, а тутъ сынъ—князь Пѣтуховъ-Понятовскій. У Польскаго короля вѣрно есть племянница...»

И пошли мои мечтатели строить воздушные замки! И все бы хорошо, согласно, но лишь вспаль разговоръ на выборъ должности «генералу», опять они заспорили и до того повздорили, что генеральша наконецъ ушла.

«Вотъ этакъ-то судятъ мелкіе дворяне!» говорилъ его превосходительство, освобождаясь отъ своей «порфиры», которой въ присутствіи жены не могъ снять и потѣлъ до изнеможенія. «Пожалуй же, любезный управляющій, прибавилъ онъ: чуть прискачетъ курьеръ, прикажи ввести его къ себѣ и повыспроси, съ чѣмъ пріѣхалъ; когда съ генераль-губернаторствомъ, куда бы то ни было, то отправь его, какъ съумѣешь... или нѣтъ принять, думаю, назначеніе, чтобы не огорчить жены, да тутъ же къ брату Алексашѣ напишу, чтобы похлопоталъ о переводѣ въ Москву главнокомандующимъ.»

— Братецъ вашъ въ такой силѣ, что можетъ это сдѣлать? — спросилъ я, вѣря отъ чистаго сердца всему, что онъ ни говорилъ мнѣ.

«Вота! Графъ Безбородко? Онъ все можетъ сдѣлать.»

— Такъ графъ братъ вамъ? Я и не зналъ этого —

«Алексаша? Братъ. Видишь ли: братъ князь Яша былъ женатъ на дочери дяди Василя, а Василя дяди племянникъ, мой братъ графъ Гриша, женатъ на

Машинькѣ, двоюродной сестрѣ князя Васи, а братъ князь Вася брату графу Алексахѣ внучатный свать. Такъ вотъ по этому родству онъ мнѣ ни въ чемъ не отказываетъ. Съ часу на часъ жду курьера. Пятый день какъ было торжество, пора быть. Прикажи себѣ тотчасъ доложить. »

Съ тѣмъ онъ меня отпустилъ, и я «откланялся» его превосходительству.

Въ такомъ тонѣ и порядкѣ все шло у насъ хорошо и покойно. Я, управляющій, какъ дворянинъ и офицеръ, имѣлъ право непосредственно говорить съ ихъ превосходительствами; изъ прислуги же никто не удостоивался этой чести и даже самъ дворецкій не иначе долженъ былъ объясняться, какъ чрезъ докладчика, изъ обыкновенныхъ слугъ возведеннаго въ эту степень, чтобы такому вельможѣ не прямо говорить съ дворецкимъ.

Въ сосѣдствѣ живущіе помѣщики никто не хотѣлъ знать моихъ Пѣтуховыхъ за ихъ надменность, обѣщанія покровительства чрезъ брата графа Васю, Алексаху и другихъ. Ихъ же превосходительства заключали, что къ нимъ не ѣздить затѣмъ, что боятся беспокоить сближеніемъ, и потому равнодушно смотрѣли на свое одиночество, имѣя для себя пріятнѣйшее занятіе въ ожиданіи извѣстія: отъ двора — о назначеніи въ почетную должность, а отъ сына, о совершившемся бракосочетаніи его съ племянницею Польскаго короля Понятовскаго, къ чему, какъ писалъ сынъ, почти все уже устроено и онъ на дняхъ получаетъ за женою графскій титулъ... лишь нужны для этого деньги... И родители, отказывая себѣ во многомъ, все отсылали къ нему.

О службѣ своей онъ не любилъ мнѣ рассказывать; конечно не-чѣмъ было хвалиться, а только говорилъ, что по заключеніи мира съ Турками, былъ назначенъ «мирнымъ вѣстникомъ» въ одинъ провинціальный городокъ, довольно незначительный. Тогда во всѣ города

назначены были мирные вѣстники; въ значительные посылались чиновники поважнѣе, а въ другіе пониже. Не знаю, какъ потомъ онъ попалъ въ камеръ-юнкеры... «Но мнѣ не понравилась тогда служба при дворѣ, прибавлялъ онъ; и я скоро вышелъ въ отставку, схвативъ «Енеральскій чинъ». Все мнѣ это доставилъ братъ графъ Вася; онъ былъ тогда въ силѣ. Да онъ же, когда я женился, выхлопоталъ мнѣ и ленту.»

Я имѣлъ слабость вѣрить всѣмъ его розсказнямъ и не одну ночь прободрствовалъ въ ожиданіи курьера съ милостью отъ двора. Наконецъ когда торжества одно за другимъ проходили для насъ спокойно, курьеры не прѣзжали, отъ сіятельныхъ братцовъ не было получаемо нисколько цыдулочки, тутъ пересталъ я ему довѣрять во многомъ. И вотъ еще что я видѣлъ.

Кромѣ докладныхъ дней, я долженъ былъ въ праздники и въ именины, его и жены, приходить съ поздравленіемъ. Его превосходительство при мнѣ изволилъ чesаться, пудриться и потомъ, вздѣвши пышный кафтанъ съ блестящими пуговицами, очень важно приказывалъ: «подай ленту». Но вмѣсто ленты, камердинеръ на большомъ серебряномъ подносѣ выносилъ Владимірскій крестикъ, которой генералъ со всею важностью вдѣвалъ въ петлицу. «Гдѣ же лента? гдѣ звѣзда къ лентѣ? думалъ я. Какъ бы въ такой день такому вельможѣ не украсить себя всѣми орденами?» Но скоро сомнѣніе мое разсѣялось.

Въ одинъ изъ докладныхъ дней что-то понадобилось ему, и онъ сказалъ мнѣ: «Я это вчера оставилъ тамъ; сходи, голубчикъ, въ мою орденскую комнату и возьми забытое мною.»

Библіотеку уже я видѣлъ, любопытно заглянуть въ орденскую. Тамъ-то его ленты и звѣзды; тамъ вѣрно есть и иностранные. Столько именитыхъ братцовъ, хоть по лентѣ выпросить, такъ можно по всей комнатѣ развѣшать. Съ такими мыслями я вступилъ въ отворенную мнѣ «орденскую»; поглядѣвъ во всѣ стороны, я не

видѣлъ никакого ордена болѣе, какъ на бархатной алой подушкѣ лежащій крестъ св. Владиміра 4-й степени...

«Гдѣ генеральскіе ордена?» спросилъ я у камерди-
нера.

— Да какіе жъ ордена? отвѣчалъ онъ. Вотъ одинъ крестъ, который у него есть; больше ему не жаловали никогда. —

Такъ это та лента, которую онъ такъ важно приказываетъ подносить себѣ и такъ торжественно вздѣваетъ, не далѣе, какъ въ петлицу кафтана? Такъ это-то орденская, гдѣ хранятся его ордена, заключающіеся въ одномъ крестикѣ? Все отвѣчаетъ его знатности! — подумалъ я, и взявъ, что мнѣ нужно было, пошелъ къ его превосходительству.

Я началъ замѣчать за нимъ болѣе и болѣе, и очарованіе мое исчезало. Каждый вельможа, удаляющійся отъ двора, исключался изъ родства у его превосходительства, а восходящій причитался въ ближайшіе родные по внучатной племянницѣ крестной матери, сосѣдки Агафьи, или тому подобное. Каждый вельможа былъ родственникъ его превосходительству и не иначе величался, какъ Петруша, Гриша, Платоша... Далѣе и далѣе я пересталъ ему вѣрить во всемъ и всѣ его самохвальства пропускалъ мимо ушей. Сынъ его, будущій графъ Доримедонтъ, вояжирующій въ иностранныхъ государствахъ, былъ не что болѣе, какъ поручикъ, и при полку, а не съ полкомъ, квартировалъ въ Литвѣ. По всему видно было, что былъ дѣтина себѣ на умѣ, все требовалъ денегъ для возвеличенія рода своего.

Безъ большихъ усилій я могъ удовлетворять желанія родителей, и какъ доходы съ имѣнія были хороши, въ распоряженіяхъ мнѣ никто не мѣшалъ, то я безпре-
станно вносилъ имъ деньги. Все шло къ сыну, пока устроится счастье его, а потомъ предполагали доходы копить и на нихъ ея превосходительству везти старшую

дочь за границу, гдѣ и начать поселять въ ней правила объ обращеніи въ свѣтъ и избраніи себѣ мужа, но только не иначе, какъ изъ титулованныхъ, знатныхъ и богатыхъ. «Устроивъ старшую дочь, говорила ея превосходительство, обращу все вниманіе на меньшую. Зачѣмъ у ней отнимать счастье? Выдамъ ее также за иностраннаго вельможу. Не унижу рода своего выдачею дочерей моихъ за Русскихъ.»

Но... по нѣкоторымъ замѣчаніямъ мнѣ казалось, что старшая дочь нерасположена была ожидать отъ матери наставленій по этой части. Вниманіе ея было уже, по видимому, обращено на избранный предметъ. Меньшая же то и дѣло твердила, что ей уже четырнадцать лѣтъ, и хотя она еще не знаетъ любви, какъ сестра, но ее научить натура и—бѣсенокъ!—подсмѣивалась надъ матерью, обѣщающею и ей пріискать въ мужа Нѣмецкаго принца, и твердила: «пока она соберется, я сама пріищу по своему вкусу скорѣе.»

Непріятно было для меня одно только, что, кромѣ хозяйственныхъ распорядковъ, въ коихъ я былъ повелѣнъ, обо всемъ, относящемся къ должностнымъ людямъ, о перемѣнѣ кого или удаленіи вовсе, я долженъ былъ докладывать самому его превосходительству и не иначе, какъ въ докладные дни и чрезъ установленныя инстанціи; и потомъ все оканчивалось снисходительнымъ: «извольте». Чрезъ такую медленность въ рѣшеніи часто выходила разстройка.

Башмачникъ, работающій на дочерей ихъ превосходительствъ что-то нашалилъ. О перемѣнѣ его другимъ я доложилъ его превосходительству. Онъ изволилъ положить руку мнѣ на плечо и со всею ласкою сказалъ: «Любезный управляющій! Въ дѣла семейства моего вы не должны вмѣшиваться; а если бы нашли необходимымъ довести что до свѣдѣнія ея превосходительства, супруги моей, то можете сказать о томъ первой

ея горничной. Самимъ же никогда ни въ чемъ не дѣйствовать.»

— Слушаю съ — сказалъ я, и откланялся его превосходительству.

Въ одно утро очень рано я увидѣлъ такое происшествіе, которое совершенно разстроивало все благосостояніе дома ихъ превосходительствъ и уничтожало всѣ планы ихъ. Я могъ бы не допустить до бѣды, но получилъ приказаніе самому ни въ чемъ не дѣйствовать, а въ случаѣ надобности доложить черезъ первую горничную; почему и не предпринялъ ничего, а поспѣшилъ разбудить докладчицу и объяснить непріятное событіе. Горничная ни за что въ свѣтѣ не рѣшилась тревожить спящихъ господъ и такъ сильно огорчить ихъ ужасною вѣстію. Въ крайности я рѣшился пойти противъ всякаго порядка и, не передавая никому никакихъ докладовъ, пошелъ прямо въ спальню къ удивленію всей прислуги.

Важность происшествія истребила во мнѣ жалость нарушить безмятежный сонъ еще счастливыхъ родителей, и я поспѣшилъ окликать cadaго изъ нихъ. Его превосходительство первый проснулся и съ гнѣвомъ началъ упрекать меня за нарушеніе порядка... потомъ примолвилъ торопливо: «Развѣ не курьеръ ли отъ двора?»

Изъ этихъ словъ я заключилъ, что сонъ его прошелъ и онъ уже въ своемъ умѣ. Я сказалъ прямо: «Извольте вставать скорѣе, несчастье случилось.»

— Какое? — спросилъ онъ зѣвая.

«Дочь ваша, Ульяна Лукьяновна, сей часъ бѣжала съ прапорщикомъ Кошкинымъ...»

— Ахъ... охъ... ахъ... охъ...! — слышны стали восклицанія ея превосходительства, и къ ней на помощь бросились горничныя, а его превосходительство вскочилъ съ постели, бросился изъ спальни, «таща меня съ собою и крича: «Какъ это можно?... Какъ онъ осмѣлился?... Схватить его и представить ко мнѣ... Я его!...»

— Невозможно! отвѣчалъ я: бѣглецы уже далеко. Обѣзжая сегодня рано по хозяйству, я встрѣтилъ телѣгу тройкою, скачущею по дорогѣ во весь духъ. Офицеръ, сидѣвшій на телѣгѣ какъ ни закрывался, но я узналъ въ немъ прапорщика Кошкина, а въ товарищѣ его тотчасъ узналъ Ульяну Лукьяновну, дочь вашего превосходительства.»

На мои рассказы вошла и генеральша въ ужасномъ огорченіи.

Вельможи мои вздумали съ больной головы своротить на здоровую. Всю вину начали приписывать мнѣ. По ихъ имѣнію, я долженъ былъ все видѣть, предвидѣть, все знать, своевременно донести...

«Помилуйте, ваше превосходительство! говорилъ я генералу, не смѣя, по данному мнѣ наставленію, относиться къ супругѣ его. Не одинъ разъ подмѣчалъ я по ночамъ подъѣзжавшаго прапорщика и гулявшаго потомъ съ барышнею въ саду. Я препоручилъ горничной доложить объ этомъ ея превосходительству, и даже доставлялъ нѣсколько схваченныхъ записочекъ; но ея превосходительство изволили разгнѣваться и горничную на недѣлю ссылали въ прачешную...»

— Помилуйте, мой миленькій! говорила плачучи генеральша мужу; можно ли предполагать въ ребенкѣ понятіе... Нѣтъ! кричала она, обращаясь ко мнѣ: это ты, ты долженъ былъ... —

«Однако же вспомните, ваше превосходительство, сказалъ генералъ, удерживая жену, что вамъ неприлично говорить прямо съ управляющимъ. Позвольте мнѣ объяснить ему. Ты, голубчикъ, долженъ былъ...»

Экипажъ подъѣхалъ къ крыльцу, и на звонъ колокольчика всѣ бросились къ окну.

Генералъ не вышелъ изъ себя, онъ тотчасъ смѣкнулъ: «Не курьеръ ли отъ двора?» вскричалъ онъ.

— Жидовская бричка — сказалъ я.

«Доринька!... Доринька!...» вскричала генеральша, узнавъ въ вылезавшемъ изъ брички сына своего, Доримедонта Лукьяновича...

— Онъ съ женщиною! воскликнулъ отецъ. Конечно женился? —

Родители забыли горе, въ восторгѣ кричали оба: «Графиня!.. Княжна!.. какъ кстати. Она замѣнитъ намъ виновную дочь... украсить домъ нашъ!.. Какъ онъ спѣшилъ обрадовать насъ: оставя экипажи, прискакалъ въ бричку!..»

Среди такой радости вошелъ молодой человѣкъ, одѣтый слишкомъ по дорожному, и съ нимъ молодая женщина, весьма, весьма скудно пріодѣтая, но съ видомъ покойнымъ и самоуверенностью.

Сынъ представилъ ее, едва успѣвъ сказать: «Это жена моя.» Восторженные родители бросились обнимать ее, ласкали, цѣловали и потомъ уже принялись за разпросы: «Графиня?.. Княжна?.. Какъ близко родня королю?..»

— Нѣтъ, отвѣчалъ свободно сынъ; она просто шляхтянка, бывшая у нашей полковницы компаньонкою, панна Мышинская... —

Не берусь описывать положенія родителей! Одно къ другому. Какъ ни глупы были ихъ мечты, но безъ жалости нельзя было глядѣть на нихъ, потерявшихъ все, на что надѣялись. Я же подумывалъ: вотъ радость родителямъ! Да и собрался цѣлый звѣринецъ: Кошкинъ и Мышинская пристали къ Пѣтуховымъ...

«Какъ ты могъ жениться на такой?..» первый вскричалъ отецъ.

— Что же дѣлать, батюшка! говорилъ сынъ съ спокойнымъ духомъ. Обстоятельства того требовали... полковникъ настоялъ... —

«Щожъ робиць, кеды мы кохались?» съ дерзостью вступила въ рѣчь неvěстка ихъ превосходительство... И поднялась буря, посыпались упреки, выговоры, укориз-

ны... Сынъ не трусилъ, не поддавался; а урожденная панна Мышинская перекрикивала и свекра и свекровь, и поле битвы почти удерживала за собою.

Наконецъ всѣмъ этимъ чрезвычайнымъ происшествіямъ въ знаменитомъ семействѣ Пѣтуховыхъ найденъ былъ виновный, — одинъ я. Зачѣмъ я не наблюдалъ за подѣзжающими ночью и еще тайно къ «палатамъ» ихъ, давалъ поводъ сближаться простому офицеришку, незнатнаго рода, съ особами, составляющими семейство такого важнаго вельможи; не понялъ желанія ея превосходительства, которая располагала не прежде, какъ чрезъ два года объяснить дочери правила обращенія съ мужчинами, а я своимъ недосмотромъ допустилъ офицеру употребить время въ свою пользу. Съ другой стороны я же былъ виноватъ, что всегда по требованію ихъ доставлялъ деньги, а они, имѣя свои планы, высылали сыну. «Доримедонтъ, говорили они, конечно, какъ молодой человѣкъ—а кто въ молодости не шалилъ?—сыпалъ деньги съ намѣреніемъ склонить къ себѣ какую либо знатную наслѣдницу, но по неопытности влюбился въ панну Мышинскую и тѣмъ лишилъ насъ утѣшенія видѣть сына нашего графомъ, княземъ, можетъ еще — примолвилъ его превосходительство, щелкнувъ языкомъ— и племянникомъ Польскаго короля, а теперь все это потеряно и навсегда. Такъ вотъ видишь, голубчикъ, продолжалъ онъ; ты виною упадка знатности моего дома и потому лишаешься чести служить при мнѣ. Объявляю тебѣ чистую отставку. Я располагалъ иначе устроить тебя. Принявъ генераль-губернаторство, я чрезъ брата Алексашу вывелъ бы тебя въ совѣтники намѣстническаго правленія, на первый случай. А вступи я въ оберъ-камергеры, ты у меня въ тотъ же день камеръ-юнкеръ, а можетъ и камергеръ; это чрезъ брата Платошу мнѣ не стоило бы ничего. Теперь жалѣй на себя и на свою оплошность. Сегодня прошу сдать должность.»

Конечно, мнѣ жаль было лишиться такого мѣста. Я былъ полновластенъ во всемъ, умножилъ доходы помѣщика и — между нами говоря — не забывалъ себя. Въ этомъ мѣстѣ я охотно прослужилъ бы до поправленія моихъ обстоятельствъ; но, признаться сказать, глупое чванство моего вельможи часто выводило меня изъ терпѣнія, и потому, рассчитавъ пользы и непріятности, не упрашивалъ объ отмѣненіи приговора и не оправдывался во взводимыхъ на меня винахъ, а только просилъ себѣ аттестата.

«Вотъ то, вы вольнодумцы! сказалъ мнѣ генералъ, грозя пальцемъ. Служите безпечно, нерадиво; а до чего дойдетъ, такъ первое слово о наградѣ. Хорошо уже, быть такъ. Прикажи, чтобы въ моей канцеляріи (экономическую контору онъ не иначе называлъ, какъ своею канцеляріею) написали тебѣ аттестатъ съ прописаніемъ всѣхъ заслугъ твоихъ... Ну, ужъ пожалуй... вѣдь когда я начну дѣлать добро, такъ именно безъ расчёту!.. вели себѣ написать, голубчикъ, что ты къ повышенію слѣдующимъ чиномъ найденъ мною достойнымъ... Ну, ужъ дѣлать добро, такъ дѣлать! Вели написать, чтобы ты былъ опредѣленъ къ лучшей должности на первую ваканцію... Только послушай, уговоръ паче всего: служи, какъ хочешь, въ какой бы то ни было должности и въ любомъ намѣстничествѣ; но лишь услышишь, что я назначенъ буду туда генералъ-губернаторомъ, или, какъ сенаторъ, поѣду ревизовать намѣстничества, такъ за добра ума выходи въ отставку. Я на правду чортъ. Я не потерплю на службѣ нерадиваго и невнимательнаго чиновника, который позволяетъ такіе браки, какъ вотъ случились у меня... Я не потерплю!..»

И его превосходительство, вспомявъ всѣ свои обиды, началъ приходить въ лютый гнѣвъ, сыпалъ укорительными словами на меня и потомъ опять обратился

къ дѣтямъ съ упреками... Тутъ я поспѣшилъ уйти отъ него, написалъ себѣ аттестатъ, какой мнѣ вздумалось, разумѣется, не говоря о повышеніи чиномъ и о назначеніи къ должности, но включивъ, что я сдалъ все въ самой полной аккуратности, и проч., и проч., и понесъ представить къ подписанію его превосходительства.

Снисходительно принявъ отъ меня бумагу, онъ сѣлъ къ столу и началъ ее перечитывать... Вдругъ вскричалъ: «Это что?.. Вотъ хорошо, что я во всю мою службу не позволялъ секретарямъ водить меня за носъ, — не прочитавъ бумаги, не подписывалъ; а что это здѣсь надѣлали?»

Я смѣшался, полагая, что онъ недоволенъ приписанными мнѣ похвалами или пропускомъ о мѣстѣ и чинѣ, но все не то. Онъ продолжалъ кричать: «Гдѣ же мой титулъ? Какъ можно это пропустить? Сходи, голубчикъ, въ моей орденской лежитъ на бюро полный списокъ моего титула. Надобно объяснить чинъ, въ какомъ намѣстничествѣ и въ какихъ уѣздахъ я помѣщикъ, какого ордена и какой степени кавалеръ; все, все въ подробности должно объяснить. Заслуженнаго никто не смѣетъ у меня отнимать.»

Точно, въ орденской нашелъ я исправно переписанный полный титулъ его превосходительства, вписалъ его въ аттестатъ и снова представилъ.

Перечитавъ все и не сдѣлавъ больше никакихъ замѣчаній, спросилъ: «Все ли тутъ сказано о тебѣ, какъ я назначаю?»

— Какъ изволили читать... — сказалъ я лукаво.

«Да, я все прочелъ», и, взявъ перо, долго слагалъ свое имя и наконецъ подписалъ. Отдавая мнѣ аттестатъ, сказалъ:

«Вотъ тебѣ мои милости выше заслугъ твоихъ. Уѣзжай сегодня, я не могу равнодушно тебя видѣть. Ты разстроилъ всѣ мои планы...»

И я поспѣшилъ откланяться его превосходительству, и разстался съ нимъ навсегда.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О ТОМЪ, КАКЪ Я СЛУЖИЛЪ У ДѢЛОВАГО ЧЕЛОВѢКА.

Во время моего управленія имѣніемъ Пѣтухова довольно часто имѣлъ со мною сношенія по разнымъ экономическимъ частямъ помѣщикъ Михайло Ѳедоровичъ Петигорошкинъ, человекъ курьозный; но какъ мнѣ бывала въ немъ надобность, то я былъ съ нимъ хорошъ.

Бывъ знатокъ, какъ онъ говорилъ, въ хозяйственныхъ распорядкахъ и въ бумажномъ дѣлѣ, онъ со вниманіемъ разсматривалъ весь порядокъ, существовавшій у меня, и превозносилъ мои знанія. Теперь, не имѣя мѣста, я рѣшился ѣхать къ нему и найти у него какое нибудь занятіе.

Правда, имѣніе, послѣ управляемыхъ мною, было незначительное; но какъ оно находилось въ томъ уѣздѣ, гдѣ была одна изъ деревень моихъ, то я рѣшился заняться и у Петигорошкина съ тою цѣлью, что, по полученіи извѣстія о рѣшеніи дѣла въ мою пользу, немедленно вступлю во владѣніе своимъ имѣніемъ и изъ наемщика, скитальца самъ сдѣлаюсь баринѣмъ, самъ буду имѣть наемныхъ управителей и заживу славно.

Желаемаго мною Петигорошкина я нашелъ проездомъ въ уѣздномъ городѣ. Объяснивъ мое положеніе, я просилъ у него совѣта, чѣмъ заняться? Зная мои способности и дѣятельность, Михайло Ѳедоровичъ самъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе принять у него должность, и хотя за управленіе имѣніемъ предлагалъ мнѣ довольно умеренное жалованье, но если возьму на себя обязанность

ходить по его дѣламъ въ присутственныхъ мѣстахъ, тогда назначалъ жалованье довольно порядочное.

Захотѣвъ испытать способности свои по судопроизводству, я рѣшился на всѣ его предложенія. Условіе было написано по формѣ, и я, не входя въ дальнѣйшій разборъ употребленныхъ выраженій, подписалъ все.

Петигорошкинъ водилъ меня ко всѣмъ присутствующимъ, секретарямъ, повытчикамъ и, рекомендуя меня какъ своего повѣреннаго, просилъ любить и жаловать меня, совѣтами не оставлять, а гдѣ нужно, руку помощи подавать и «вездѣ, гдѣ слѣдуетъ, принимать его и отъ него (примолвилъ онъ съ улыбкою), какъ отъ самаго меня.»

Окончивъ свои дѣла въ городѣ, новый мой помѣщикъ, Петигорошкинъ, выѣхалъ въ деревню, взявъ и меня съ собою. Въ продолжительной дорогѣ, говоря о семъ, о томъ, вотъ что онъ разсказалъ о себѣ:

«Отецъ мой былъ приказная строка. Грамотень и писака. Указы вертѣлъ на всѣ руки. Законъ у него всегда шелъ на двѣ стороны: прочтетъ законъ, ты правъ; тотъ же законъ прочтетъ, только по своему, и ты кругомъ виноватъ. Въ силу такового достоинства онъ бралъ съ праваго и съ виноватаго. Большой былъ взяточникъ, покойникъ, не тѣмъ будь помянутъ! Однако же спасибо ему: служилъ впрочемъ честно и безпорочно, то есть, не попадалъ никогда подъ судъ, а только былъ неоднократно отрѣшаемъ, но въ другихъ мѣстахъ находилъ должности, и почти всегда прибыльнѣе отнятой. А ужъ сердечушкѣ плохо прихаживало иногда! Изобличать на мѣстѣ преступленія и во взяткѣ и въ подчисточкѣ, президентъ мѣста кричить: «подъ судъ мошенника!» Но покойникъ умѣлъ выворачиваться, онъ былъ тонкій политикъ: какъ видить, что нѣтъ оправданія и дѣло чисто, такъ чибурахъ въ ноги, да и голосить: «Помилуй, отецъ родной! Не срами бѣдной головы! Не предавай суду; вотъ палка, побей, сколько душѣ угодно!» И начнетъ руки

и ноги цѣловать. И то правда, на все пойдешь, чтобъ избавиться отъ безчестья. Вотъ, батенька, президентъ-то его и отдуетъ изъ своихъ рукъ: «Не плутуй, мошенникъ, сякой-такой!» и бросить. Пошелъ какъ встрепанный, а честь все-таки при немъ осталась. Такимъ-то побытомъ, какъ я тебѣ, батенька, рассказываю, покойничекъ мой прослужа, да и на покой. За долговременную и безпорочную службу награжденъ при отставкѣ чиномъ, да еще какимъ? Штабскимъ! Коллежскій Ассесоръ! Получа шляхетство, имѣлъ право и на недвижимость; на собранный капиталецъ онъ и купилъ деревнюшку и двѣсти душонокъ, и сталъ помѣщикъ. Его сверстники и товарищи, еще во время оно, прозвали «Пяти-грошинъ», отъ нѣкоей исторіи, бывшей съ нимъ по случаю пяти грошей. Вотъ онъ и шелъ Пятигрошинъ, да Пятигрошинъ; и по формуляру такъ значило. По выходѣ же въ дворяне, эта фамилія уже не шла; надобно было ее облагородить; вотъ онъ и изобрѣлъ: «Петигорошкинъ.» Вѣдь умудрило же его! Тутъ все соединено: и коренное слышится, на Французское смахиваетъ и лакомствомъ отзывается. Вотъ по немъ и я Петигорошкинъ, единственный сынъ почтенныхъ моихъ родителей и законный наслѣдникъ всего движимаго и недвижимаго благопріобрѣтеннаго имущества ихъ. При старикѣ я служилъ-таки и добился до коллежскаго регистратора; а повалился онъ, я за управленіе имѣніемъ. На что чины, коли ужъ я дворянинъ? Тутъ же отъ покойника досталась мнѣ тяжба. Я велъ ее и искусненько присоединилъ къ этому искъ за безчестье. Какъ дѣло кончилось и я сбрилъ съ соперника посильно-мѣсто, меня это и втравило. Вотъ я и почалъ со встрѣчнымъ - поперечнымъ тягаться! Гдѣ проиграю, приплачусь; а гдѣ выиграю, тамъ здираю кожу, а чрезъ то пріобрѣтаю имѣнья близлежащія. Охъ, Господи, прости меня грѣшнаго! Нельзя просто изворотиться; семьяшка то присыпала. Три дочери, а ужъ отъ этихъ черепахъ не жди добра. Къ

меньшой нанята мамзель съ иностраннымъ языкомъ, да такая фильтикутетная! всѣмъ ее удоволье. А старшія двѣ на возрастѣ; такъ вотъ какъ мухи молодежь-то и льнетъ. Хоть и не красивы, но ловки, бестіи! Хоть какого остряка загоняютъ; да и рядиться охочи; только поставляй миткали, да ситцы, да демикотонны; спать не ляжетъ, коли не Ивановская простыня, устѣ не оботретъ, коли не камчатная салфетка! Въ такую роскошь вдались, что, право слово, изъ дому бѣжалъ бы! А тутъ два сынишка; кажись въ гражданской служить; тамъ ли не доходъ? Такъ нѣтъ: дай да подай денегъ! И посылаешь, а все мало. Глядишь — намотали въ трактирахъ, задолжали въ галантерейныя лавки за пряники, такъ что бѣда! Право, ей Богу, доходу съ имѣнія недостаетъ. Кабы еще не надежда выиграть заведенныя мною тяжбы, бѣжать бы пришлось. Ужъ сдѣлай милость, батенька, усугуби свое стараніе, доставляй побольше доходцу-то, и по дѣламъ хлопочи.»

«Ты говоришь — неопытенъ-де, не знаешь, какъ взяться. Только приступи, самъ не отстанешь. Тьфу ты пропасть, какъ это весело, когда занимаешься какою тяжбою! Примешься писать явочное прошеніе, исковую, апелляціонную просьбы — откуда слова берутся? Матерія такъ и льется, какъ французская въ чашку чаю. Указы всѣ въ головѣ, одинъ другаго опережаетъ вырваться на бумагу. Вступило на тебя возраженіе — новое удовольствіе писать опроверженіе; да ужъ тутъ-то въ тонкость разбираешь противничье всякое слово, букву, запятую; и радъ, радъ, когда за что можно уцѣпиться! Отъ бездѣлицы вчинаешь новое дѣло. А и малиной не корми, какъ что найдешь въ укоризну себѣ: тутъ и пошелъ писать! Тутъ и обида тяжкая, тутъ-де и обезчещенъ и почти изувѣченъ; требую удовлетворенія по законамъ да и только.»

«Вотъ такъ-то одинъ процессъ у меня съ мужичкомъ, казеннымъ крестьяниномъ. Наши поля вмѣстѣ.

У него рожь, у меня пшеница. Онъ началъ прежде жать и поставилъ тридцать копень. Я снялъ пшеницу и поставилъ пятьдесятъ копень. Какимъ это образомъ случилось, я право не знаю, съ его поля пропала копна; онъ меня любовно и пригласи на мѣсто. Осмотрѣли, пересчитали: у него 29 копень, у меня 51, и лишняя-то явилась ржаная. «Твое, возьми», говорю я. Хорошо-дискать, возьму. Да и взялъ вмѣсто своей мою, пшеничную; а я и настроилъ. Я на него исковую, прошу слѣдствія — не выѣзжаютъ и не выѣзжаютъ. Вотъ пять лѣтъ копны мои стоятъ въ полѣ, жду, чтобъ освидѣтельствовали и нашли, что у меня въ полѣ стоитъ 49 копень пшеничныхъ и одна ржаная. Откуда она и гдѣ моя пятидесятая копна? Я просьбы подаю, а соперникъ возраженія; да вотъ пять лѣтъ тянемся, и конца не видно. У него повѣренный — у! бестія! Двѣсти рублей давалъ, чтобъ отсталъ отъ моего соперника. Онъ деньги взялъ и не отсталъ. А побойчѣе еще и меня на бумагѣ. Конечно, деньги не пропадутъ я все къ иску приписалъ; да обидно, что мужику предъ дворяниномъ преферансъ даютъ.»

«Другой процессъ: знаешь, подъ веселый часъ, въ благородной компаніи, съ однимъ сосѣдомъ мы повздорили и подрались. Пошла тяжба; я въ бумагѣ и пропишись, и назови его: «губернскій секретаришка». Онъ на меня криминалъ. Да или не остерегся онъ, или не зналъ переменны моей фамиліи, назвалъ меня въ дѣловой бумагѣ «Пятигрошинымъ.» Тутъ я на него о безчестьѣ. Дѣло третій годъ идетъ по апелляціямъ.»

«Третіе дѣло съ сосѣдомъ, о семи десятинахъ пахатной земли, якобы привлаженной мною. Тутъ я не истецъ, а только отвѣтчикъ; знай отписываюсь и прошу утвердиться на межевыхъ знакахъ, коихъ онъ съ свѣчой не найдетъ, такъ ловко слажено. Даже въ ямахъ примѣтъ нѣтъ, все повынута подъ темный вечеръ. Двѣнадцать лѣтъ переходитъ дѣло снизу вверхъ, сверху внизъ; такъ

сную своими отвѣтами и оправданіями, а между тѣмъ земелькой владѣю.»

«Четвертое дѣло, батенька... и это моя мастерская штука. Людишекъ-то у меня противъ земли не такъ-то много; да и кому не хочется имѣть ихъ больше? Вотъ я, сожалься о тѣхъ помѣщикахъ, у коихъ земли мало противъ числа крестьянъ, послалъ своихъ парнишекъ поразсказать въ другихъ имѣніяхъ, что я приглашаю къ себѣ охотниковъ *пожить* у меня, и за то обѣщаю имъ большія выгоды. Скоро явилось ко мнѣ, сколько нужно было. Не изъ тщеславія говорю, а пришлось къ слову: я ихъ устроилъ во всемъ, и мужички зажили. Только изъ предосторожности Иванъ Сидоровъ сталъ у меня Агафономъ Петровымъ, Карпъ Бобылевъ Вавилою Скурятинымъ, и всѣхъ такъ переименовалъ. Начали помѣщики отыскивать, указывать на меня; я отписываться и, что должно, дѣлалъ, чѣмъ и утушилъ кажись всѣ нападки. Вдругъ перемѣнили капитанъ-исправника. И онъ, батенька, не познакомясь со мною и не поведя дѣла должнымъ порядкомъ, нахваталъ понятыхъ, въѣхалъ, не оповѣстивъ меня, съ другаго конца въ мою деревнюшку; началъ, по указанію безпокойныхъ помѣщиковъ, хватать якобы ихъ крестьянъ. Прибѣжали ко мнѣ мои сотскіе и разсказали о напасти. Всѣ-дискать схвачены, связаны и препровождаются въ судъ. Спасибо моей головушкѣ, тотчасъ придумалъ пособить горю. Съ спокойнымъ и веселымъ духомъ выхожу къ нимъ, смѣюсь, что перехитрили меня, что теперь за пожилое буду оплачиваться, и все такое имъ балагурю, да будто къ рѣчи, присталъ къ нимъ съ униженною просьбою: «Пускай-молъ дѣло идетъ дѣломъ и я отвѣчать долженъ, а между тѣмъ не откажитесь отъ хлѣба-соли. До города далеко, перепутья не будетъ. Однимъ словомъ, умаслилъ ихъ; они всѣ ко мнѣ гурьбою, да и арестованныхъ-то съ провожатыми и понятыми, всѣхъ ко мнѣ во дворъ. Пошла жерѣха! Я угощаю

членовъ, а на дворѣ подносятъ караульнымъ да понятымъ, и до того ихъ заняли, что они и не примѣтили, какъ арестованныхъ, чужихъ крестьянъ, мои люди подмѣнили истыми моими коренными мужичками. Уладивъ все, я и отпустилъ весь поѣздъ съ миромъ, да тутъ же окольною дорогою да въ городъ, да въ земскій судъ брякъ объявленьице, что «сего теченія наѣхавъ капитанъ-исправникъ съ какими-то людьми, схватилъ у меня крестьянъ, написанныхъ за мною по ревизіи, такого, такого и такого, неподсудимыхъ и неизобличенныхъ ни въ чемъ. За насиліе прошу надъ нимъ суда, а въ убыткахъ — да ужъ и насчиталъ тутъ на него! — прошу удовлетворенія.» Исправникъ съ торжествомъ входитъ въ судъ и хочетъ приступить къ разспросамъ схваченныхъ мужиковъ, а тутъ ему мое объявленіе. Ввели арестованныхъ, спросили, справились, увѣрились, что вовсе не тѣ, коихъ помѣщики отыскивали, а собственные мои. Вотъ тутъ я и пошелъ писать! Пошли жалобы; кромѣ той, что на исправника, вздулъ и на помѣщиковъ, ищу за обезчещеніе меня, за убытки, за все, за все. И сумма-то выходитъ порядочная. А я, владея чужими мужичками, смѣюсь надъ врагами моими, да усиливаю прошенія.»

Подобныхъ дѣлъ находилось у него болѣе двадцати, и онъ всѣ въ подробности рассказывалъ мнѣ, прибавивъ: «Вотъ по этимъ-то дѣламъ, батенька, вы должны имѣть хожденіе, а управленіе имѣньишкомъ пусть будетъ на досугѣ.»

Узнавъ теперь короче, съ какимъ человѣкомъ имѣю дѣло, я крайне недоволенъ былъ своимъ положеніемъ; а обдумавъ обстоятельно, когда мы уже приближались къ его деревнѣ, я сказалъ, что еще не рѣшился оставаться у него, а прежде долженъ побывать въ городѣ...

«Какъ, батенька? прервалъ онъ меня: вздумай-ка отказываться, такъ неустоечку заплатишь мнѣ по условію. Такъ гласитъ бумага, тобою подписанная.»

Я испугался еще болѣе и расположился, повинуюсь обстоятельствамъ, плясать по его дудкѣ до поры до времени. Тутъ-то я увидѣлъ свою оплошность, что, не вникнувъ въ точный смыслъ бумаги, подписалъ ее и тѣмъ попался въ бѣду.

По пріѣздѣ въ домъ, Петигорошкинъ поспѣшилъ представить меня — во всѣхъ отношеніяхъ и кругомъ — «почтенной» супругѣ своей, Агафѣ Кузьминишнѣ, подъ именоваіемъ повѣреннаго, что мнѣ очень не понравилось.

«Вы, батька мой, изъ какихъ?» спросила меня почтенная барыня, протягивая къ лобызанію свою смуглую, жирную и немытую руку.

— Изъ дворянъ, прапорщикъ Столбиковъ — отвѣчалъ я:

«Ах-ти! да не изъ родни ли мнѣ? спросила она, сплеснувъ руками. Я и сама урожденная Столбикова. Лаврентій Степановичъ какъ вамъ?»

— Дядюшка. —

«Ну такъ и есть. И мнѣ дядя и заочный воспріемникъ всѣхъ моихъ дѣтей. Дай же Богъ тебѣ, голубчикъ, счастье во всемъ. Я, грѣшная, не потаю, счастлива безъ мѣры во всемъ, какъ и вся знаменитая роденька. Счастлива, окаянная, не по грѣхамъ моимъ! Мужа имѣю хоть бы и не мнѣ, умнаго, дѣловаго, бумажнаго. Онъ, батюшка, у меня не лѣвою рукою сморкается. Никто его не тронь. Дѣточками богата: Парфѣнка и Матюша вышли уже въ люди; жалованье берутъ, и хоть еще не офицеры, а поравнялись съ людьми: Парфѣнка былъ подъ судомъ вмѣстѣ съ секретаремъ. Малашка, Парашка, Дуняшка — дѣвки ходъ куда. Малашка на клавикурахъ пилюкаетъ и уже на варіаціи подымается; а на моды, на уборы — ее подавай! Анадись казначейшу перещеголяла. Парашка, та поглупѣе; вравомъ вся въ меня. Ей ничто какъ хозяйство. Отъ стряпухи не отходитъ;

то того полижетъ, другаго отвѣдаетъ, глядишь, и къ столу нечего подать. Дуняшка, Богъ съ ней, капризенька. Мы ее мостимъ на французскую грамоту и учительку пріискали, такъ въ голову не вобью и я. Поди же, какъ слугъ и служанокъ примется ругать, такъ и я за ней не слажу, и коли надобно кого пощунять, такъ я ее на подмогу. Справится, не бось! Красотой-то имъ не вывезло, да ничего! Припасай, батюшка, побольше денегъ, а сказано: «всякая сквернавка найдетъ себѣ мерзавца.» И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Вотъ съ такими-то людьми стѣсненные обстоятельства мои принудили меня жить и почти зависѣть отъ нихъ!

Михайло Ѳедоровичъ, не давъ мнѣ заняться осмотрѣніемъ хозяйства, тотчасъ снарядилъ меня опять въ городъ, подавать по разнымъ судамъ кипы отзывовъ, показаній и возраженій.

И пошелъ я по судамъ. Всѣ судящіе до послѣдняго писца приняли меня, одного безъ покровителя, очень неблагосклонно. Довольно было сказать: «повѣренный Петигорошкина», то всѣ отъ меня отворачивались и не хотѣли говорить «съ ябедникомъ, служащимъ у ябедника». Такъ меня разумѣли по зависимости отъ Петигорошкина!

Даже сторожа по судамъ, когда я приходилъ въ канцелярскія, косились на меня, не давали мнѣ на чемъ сѣсть и даже не подавали мнѣ шинели. Не только секретари, но послѣдній копѣистишка, когда я упрашивалъ его списать какую копію, и тотъ всегда отсылалъ меня къ чорту. У нѣкоторыхъ изъ нихъ я спрашивалъ, почему насъ не уважаютъ, когда мы исправно каждому платимъ? «Надоѣли-де вы и присутствующимъ и намъ частою подачею бумагъ, обширно писанныхъ. Много съ ними заботъ и времени требуется, а другія дѣла между тѣмъ лежатъ къ ущербу нашему.» Члены судовъ ни-

когда не звали меня въ присутствіе и явно уходили отъ меня.

Здѣсь-то я дозналъ, что ябедниковъ ненавидятъ и сами приказные!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О ТОМЪ, КАКЪ Я УЗНАЛЪ О РѢШЕНІИ ДѢЛА
МОЕГО.

Въ одинъ день, и именно девятаго-надесять Маія, мнѣ надобно было явиться въ судъ для бытія при допросѣ одного изъ свидѣтелей, спрашиваемаго по одному изъ двадцати двухъ дѣлъ вѣрителя моего. Я пришелъ въ нижній земскій судъ еще прежде членовъ. Обратясь къ позычнику, расхаживающему по канцелярской очень важно въ китайчатомъ бланжеваго цвѣта халатѣ и для маскированія нижнихъ одѣяній, немогущихъ явиться людямъ, подпоясанному синимъ бумажнымъ платкомъ, просилъ его показать мнѣ бумаги, нужныя къ дѣлу. Онъ отправилъ меня къ чорту съ порядочнымъ плевкомъ. Отошедъ отъ него, я сѣлъ на скамейку. Вскорѣ пришелъ исправникъ съ засѣдателями. Всѣ отворотились отъ меня, а исправникъ сказалъ вслухъ: «Этотъ несносный крючокъ уже здѣсь.» И прошелъ скоро въ присутствіе, куда скоро позвалъ и халатника моего.

Когда прошелъ исправникъ, я снова сѣлъ на ту же скамейку; какъ тутъ подошелъ ко мнѣ сторожъ и довольно неучтиво свелъ меня съ мѣста, говоря: «куда ты забрался? Здѣсь не мѣсто такимъ; тутъ нада положить плащъ капитанъ-справничій.»

Я покорился судьбѣ и ходилъ по канцелярской между народомъ, какъ въ пустынь. Очень нескоро

вышелъ изъ присутствія мой повытчикъ въ халатъ съ кучею бумагъ. Я просилъ его снова показать нужныя мнѣ бумаги.

«Да отвяжитесь вы отъ меня съ своимъ Петигорошкинымъ или съ Пяти-грошевымъ! закричалъ онъ на меня Тутъ экая пропа́сная почта, а они съ своимъ дѣломъ.» Я молча остановился подлѣ него

Разбирая бумаги, онъ дѣлалъ на нихъ свои помѣтки и, отдавая бумагу на столъ, приговаривалъ: «Возьми этого мошенника!» или: «на эту бестію!» Наконецъ надъ одною бумагою разсыпался въ ругательствахъ.

«Вотъ опять объ этомъ мерзавцѣ, Столбиковѣ, новое понужденіе! Чтобъ его, то и то! Переговоривши все бранное, онъ прибавилъ: Гдѣ его взять, когда чортъ унесъ въ тартарары! Такъ вотъ еще предписываютъ, чтобъ публиковать. На что его? Къ имѣнію найдутся наследники.»

У меня при слушаніи этого какъ будто мурашки поползли за спиною, и я торопливо спросилъ: «Какого вамъ Столбикова надобно и для чего?»

— Да вотъ больше полугода велѣно сдать ему имѣніе, да еще и пропастное, въ разныхъ намѣстничествахъ; а его нигдѣ не отыщутъ; какъ въ воду, проклятый, упалъ. —

«Какой это Столбиковъ? спросилъ я; какъ его имя? я многихъ знаю...» А самъ едва держался на ногахъ отъ необыкновеннаго чувства.

— Пойдите... говорилъ повытчикъ, разбирая бумагу: прапорщикъ...

«Не Петръ ли Степановъ?» спросилъ я задыхаясь.

— Такъ и есть. Вы его знаете? —

«Знаю... Это я самъ.»

— Шутите? —

«Совсѣмъ нѣтъ. Вотъ мой указъ объ отставкѣ; тутъ всѣ имѣнія мои описаны. Прочтите и сличите, такъ ли?»

Повытчикъ бѣгло прочелъ указъ мой, и посвиставъ — фи фи! такъ и есть, сказалъ: поздравляю! вы теперь знатный помѣщикъ. —

Я просилъ его показать мнѣ указъ о рѣшеніи дѣла моего, и онъ опрометью побѣжалъ и, скоро принеся мнѣ указъ, самъ скрылся.

О правосудіе! въ читаемомъ мною указѣ повелѣвалось немедленно отдать мнѣ все имѣніе, какое только было при кончинѣ матери моей, и если что изъ онаго кому продано, отобрать и отдать мнѣ, а купившему отыскивать своего на моемъ опекунѣ, Макарѣ Жиломотовѣ, и членахъ опеки, за противозаконную продажу. Какъ же повѣренный мой представилъ опись движимымъ вещамъ, оставшимся послѣ матери моей, съ показаніемъ, кому что изъ вещей тѣмъ опекуномъ продано и подарено, то все то, отобравъ до послѣдняго, отдать мнѣ. Членовъ опеки, дѣйствовавшихъ противозаконно, отъ должностей отрѣшить и ни къ какимъ дѣламъ впредь не опредѣлять. Дѣйствія же опекуна какъ лично противъ меня, такъ и къ похищенію имѣнія моего, подробно тутъ же изложенныя, объявить предъ всѣмъ дворянствомъ во время выборовъ, изъ собранія его удалить и потомъ предать суду.

Я еще не кончилъ чтенія и не отеръ слезъ благодарности, лившихся у меня изобильно отъ чувствъ къ справедливымъ судьямъ, разсматривавшимъ мое дѣло и рѣшившимъ его, безъ всякаго моего или чьего-либо ходатайства, какъ изъ присутствія выбѣжалъ ко мнѣ исправникъ съ усерднѣйшимъ поздравленіемъ о благополучномъ окончаніи моего дѣла; обнималъ меня, цѣловалъ, увѣрялъ, что онъ, не зная еще меня, восхищенъ былъ такимъ рѣшеніемъ; а смотря на меня во время хожденія

моего по дѣламъ, чувствовалъ непроизвольное какое-то ко мнѣ уваженіе, почтеніе... и проч. и проч. Одинъ изъ засѣдателей, вышедшихъ также ко мнѣ, усердно ему вторилъ, а другой отпустилъ мнѣ лаконическое привѣтствіе: «Поздравляю. Достойному достойное!»

«Что же вы тутъ сидите? сказалъ исправникъ. Пожалуйста, пожалуйста!» и меня съ маленькимъ тріумфомъ ввели въ присутственную камеру и усадили. Тѣ же люди, да не тѣ стали!

«Что вамъ нужно у насъ?» спрашивалъ торопливо исправникъ, и тутъ же приказывалъ своимъ писцамъ: «Подайте скорѣе, что изволилъ спрашивать Степа... Пове... извините: въ торопяхъ не скажу скоро.»

Тутъ халатникъ мой принесъ къ подпису моему какую-то бумагу.

«Что это такое?» спросилъ исправникъ.

— Прошеніе о вводѣ ихъ во владѣніе — отвѣчалъ повытчикъ.

«Смотри, хорошо ли написано, вѣрно ли переписано? Подпишите, пожалуйста, чтобы намъ скорѣе имѣть удовольствіе возвратить принадлежащее вамъ. Пожалуйста, сядьте на мое мѣсто; тутъ вамъ покойнѣе будетъ.»

Я усѣлся. Одинъ засѣдатель починилъ перо, другой подвинулъ чернильницу, и я подписалъ прошеніе; какъ тутъ же повытчикъ подложилъ мнѣ бумажку для подписи, сказавъ: «А это...» и поклонился низко.

А это отъ меня былъ приказъ въ деревню мою, здѣшняго уѣзда, объ отпускѣ повытчику Пьянорожину изъ экономіи моей пяти четвертей хлѣба «за всегдашніе его мнѣ услуги, усердіе и почтеніе»; а для малолѣтныхъ дѣтей его отпустить ему дойную лучшую корову. Въ радости душевной, не разбирая вдаль, я подписалъ и это. Повытчикъ, принимая бумагу, поцѣловалъ мнѣ руку.

Исправникъ, принявъ отъ меня прошеніе, строжайше приказалъ, чтобы бумаги и подводы были черезъ

часъ готовы. «Мы всѣ поѣдемъ и поздравимъ новаго хозяина на мѣстѣ. Тыфу ты пропасть! тутъ же примолвилъ онъ: что за славная у васъ въ деревнѣ пара гнѣдыхъ! Давайте мѣняться. Ничего не пожалѣю. Ну, за глаза!»

Понимая, къ чему дѣло клонится, я предложилъ ему взять лошадей безо всего, и онъ отъ радости обнялъ меня, но тутъ же потребовалъ записки въ экономію, которую я и далъ.

Я еще писалъ, какъ вошелъ уѣздный судья и, будто ничего не зная, вскрикнулъ: «Какъ же кстати! я ищу встрѣчнаго кума, а вотъ Петръ Степановичъ и здѣсь. Какъ хотите, а отказывать не должно.»

— Извините меня — сказалъ я судѣ, который до того обращался со мною самымъ грубымъ образомъ, не принималъ меня никогда въ домѣ и въ судѣ, не хотѣлъ на меня смотрѣть — извините, мнѣ и недосугъ, да со мною нѣтъ ни креста, ни другихъ принадлежностей къ крестинамъ. Мы же сейчасъ ѣдемъ. —

«А куда Богъ несетъ?» спросилъ онъ равнодушно.

— А вотъ вводить ихъ во владѣніе, отвѣчалъ за меня исправникъ. Это имъ принадлежитъ Столбиковское имѣніе. —

«Ахъ, какъ же кстати, мой всегда любезнѣйшій! Какъ кстати, когда у меня случились крестины! Мой сынъ, а вашъ крестникъ, долженъ во всю свою жизнь помнить этотъ случай. Ожидаю васъ.»

Рѣшительно онъ не принималъ никакихъ отговорокъ. «А что креста нѣтъ, это ничего. Киньте ему на зубокъ рыжаго жеребца, что тамъ есть, съ кобылами для завода. А чтобы кому было смотрѣть и служить вашему крестнику, прибавьте семью людей. Право такъ! Вѣдь вамъ все также за-даромъ пришлось. Пойдемъ; пока изготовятъ объ этомъ бумаги, мы окрестимъ дитя и пообѣдаемъ, что Богъ послалъ.»

Отговорки были не у мѣста, и я волею и неволею долженъ былъ итти на крестины. Члены суда знали приличіе и ушли впередъ, оставивъ меня въ канцелярской. Всѣ писцы бросились поздравлять меня, напоминали о своемъ усердіи и просили о неоставленіи. Даже сторожъ, и тотъ, каналья, просилъ подарка за то, что онъ всегда затворялъ за мною двери и всегда служилъ мнѣ. О люди, люди! И ниже четырнадцатаго класса люди все тѣ же люди! Я ихъ всѣхъ приглашалъ къ себѣ въ имѣніе и общался благодарить.

Въ домѣ судьи меня встрѣтили съ помпою. Поставили мнѣ кумою вѣчно улыбающуюся казначейшу и вынесли новорожденного, какъ называли; но, право, если не болѣе, ему было уже полгода и — прости Богъ мое прегрѣшеніе! — едва ли его не въ другой разъ крестили для чести имѣть такого кума, какъ я.

Приказъ въ имѣніе объ отпускѣ г. судьи такого-то жеребца съ пятью кобылами и купчая на шестидушную семью людей — лучшую, какъ я послѣ узналъ — въ одинъ часъ совершенная, положена была мною крестнику на зубокъ. Кумѣ же, вмѣсто червонца, положенъ былъ подъ подушку приказъ въ экономію объ отпускѣ всего, что написалъ тамъ самъ судья. Не забыта была и кума, казначейша, вѣчно улыбающаяся. Вотъ какъ я началъ управленіе имѣніемъ.

Послѣ легкой пирушки, къ которой, кажется, все и не готовились, пожелавъ родильницѣ, которая лежала въ постелѣ и ужасно страдала отъ такого принужденія и духоты, совершеннаго здоровья, мы отправились вмѣстѣ съ уѣзднымъ судьею, поѣхавшимъ для компаніи, въ мое имѣніе. Нашъ обозъ состоялъ изъ двѣнадцати повозокъ, въ каждую запряжено по три обывательскія лошади. Кромѣ членовъ суда, сѣвшихъ на повозкахъ попарно, и меня съ судьею, то все были приказные, необходимые для письма при вводѣ во владѣніе. По че-

тыре и по пяти человекъ сидѣло ихъ на повозкѣ. Кромѣ того человекъ шесть верховыхъ для посылокъ.

Зачѣмъ страдали обыватели, поставивъ столько лошадей, когда я получалъ имѣніе?

ГЛАВА ОСЬМАЯ

О ТОМЪ, КАКЪ Я ПРИНЯЛЪ ВСЕ ВООБЩЕ
ИМѢНІЕ СВОЕ.

Пріѣздъ такого кортежа съ шумомъ, съ требованіями, напомнилъ мнѣ пріѣздъ въ мое же имѣніе также членовъ нижняго земскаго суда для отдачи имѣнія опекуну, во время дѣтства моего. И теперь, какъ и тогда, набѣжали члены и блюстители тишины и порядка въ уѣздѣ, въ такихъ же красныхъ мундирахъ и съ тѣми же намѣреніями: отдать и взять. И теперь, какъ и тогда, пріѣхавши, начали располагаться какъ у себя дома, требовать всего, что кому на мысль приходило... Ну, Богъ съ ними! Теперь мнѣ веселѣе было смотрѣть на ихъ дѣйствія. Я принималъ имѣніе и надѣялся, что мнѣ еще много останется.

Имѣніе было отличное. Крестьянъ болѣе пятисотъ при всѣхъ выгодахъ и удобствахъ. Скотной и лошадиный заводы, огромные и лучшихъ породъ, были въ отличномъ порядкѣ. Эту деревню мой благодѣтельный опекунъ располагалъ удерживать за собою, и потому-то устроивалъ ее со всею заботливостію, перевелъ и свезъ сюда все лучшее, крестьянамъ давалъ большія льготы, чрезъ что они разжились и разбогатѣли. Самъ же занялъ деньги у жены своей, якобы для моего имѣнія, и, не выплачивая долговъ, устроилъ такъ, чтобы это имѣніе продать, а купить самому же или женѣ.

Приступили ко вводу. Мы пировали, приказные, что хотѣли, то и писали, а члены, не читавъ, подписывали. Невольно вспомнилъ я себя въ рукахъ Пантелея! И гдѣ и у кого нѣтъ Пантелеевъ? Созвали мужиковъ, объявили имъ помѣщика и сдали мнѣ все по вѣдомостямъ, составленнымъ Макаромъ Тимоѣевичемъ, незабвеннымъ моимъ опекуномъ.

Сдача, или лучше сказать, пированіе продолжалось три дня, потому что одинъ городской промышленникъ подвезъ съѣстнаго и питейнаго вдоволь; за все то я долженъ былъ уплатить. Кромѣ имѣнія найденна еще значительная сумма денегъ, которую Макаръ Тимоѣевичъ почиталъ за выгодное хранить здѣсь, подалѣе отъ опеки, завѣдывающей дѣлами имѣнія.

Удовлетворивъ всѣхъ трудившихся, какъ слѣдовало, мы разстались добрыми пріятелями: судъ поѣхалъ къ мѣсту ожидать подобной оказіи, а я, выбравъ лучшую коляску и шесть сѣрыхъ лошадей, устроивъ по управленію — что мнѣ, благодаря чернымъ годамъ моимъ, очень знакомо было — отправился покойно въ главное имѣніе мое.

«Тѣфу ты пропасть! думалъ я себѣ, развѣлясь въ коляскѣ; какъ нашъ Столбиковъ зафрантилъ!.. Тотъ ли это, который изъ куска хлѣба рѣшался заниматься всѣми низостями у Столбиковскаго, прислуживалъ мамзели въ Москвѣ, былъ повѣреннымъ у безчестнаго ябедника, который... да мало-ли чего перетерпѣлось!.. Теперь я полный баринъ-себѣ. Знай нашихъ Столбиковыхъ!»

Вводъ въ главное имѣніе послѣдовалъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ первое, хотя это было и въ другомъ намѣстничествѣ. Видно порядокъ вездѣ одинъ. Крестьяне мои все дознавались, вѣрно ли это? Не будетъ ли имъ опять такой бѣды отъ опекуна, какую потерпѣли они за послушаніе ко мнѣ при первомъ вступленіи

моемъ во владѣніе. Когда же рассказали имъ дѣло и обнадежили, что это законъ такъ рѣшилъ, то они очень обрадовались и изъявляли свое усердіе.

Прочія деревни я также самъ ѣздилъ принимать. Въ одной изъ нихъ засталъ управляющимъ зятя Макара Тимоѣевича — и съ кѣмъ же? Съ Малашей — красотою, первой пронзившей сердце мое! И она имѣла уже троихъ дѣтей... Приказавъ рассчитать и удовлетворить въ слѣдующемъ, я велѣлъ дать имъ экипажъ выѣхать скорѣе, куда хотятъ; и это я сдѣлалъ не изъ опасенія быть съ нею, право нѣтъ. Она уже подурнѣла и постарѣла, а такъ, чтобы имъ покойнѣе было.

Въ деревнѣ, значительной по числу крестьянъ и расположенной на границѣ намѣстничества, мы наѣхали самаго Макара Тимоѣевича. Увидѣвъ меня, онъ крѣпко смутился и — Іуда, рабъ и льстецъ! — приведя свою фizioномію въ порядокъ, бросился-было ко мнѣ съ объятіями, но я не допустилъ его къ себѣ и началъ благодарить его за все то, что онъ надѣлалъ мнѣ. Онъ пустился въ изъясненія и увѣрялъ меня, что это онъ все дѣлалъ для моей же пользы, что послѣдствія показали бы всю его честность, и что онъ, по возрастѣ моему, располагалъ сдать имѣніе гораздо въ умноженномъ видѣ и улучшенное новыми деревнями, кои бы купилъ за проданныя мои. Предлагалъ мнѣ помириться, прекратить все дѣло, дабы избавить меня отъ хлопотъ; брался хозяйничать надъ всѣмъ имѣніемъ и доставлять мнѣ чистый доходъ.

Между тѣмъ коляска его, уложенная, выѣзжала со двора. Исправникъ, бывшій со мною, что-то началъ подозрѣвать его, приказалъ остановить коляску и собрать міръ съ тѣмъ, чтобы узнать, нѣтъ ли на него жалобы. Крестьяне были оброчные; они объявили, что опекунъ, наѣхавъ къ нимъ нагло, читалъ какую-то «бумагу», чтобы за три года впередъ внесли оброкъ.

Съ нуждою пополамъ они внесли, и уже онъ хотѣлъ уѣзжать, какъ судъ съ ихнимъ бариномъ нагрянулъ.

Исправникъ началъ требовать денегъ для возврата крестьянамъ, какъ неправильный поборъ; Макаръ Тимоѣевичъ, запираясь, не соглашался ни на что. Исправникъ приступилъ къ обыску и отыскалъ не только собранныя съ крестьянъ деньги, но и еще весьма значительную сумму и притомъ множество драгоценныхъ вещей матери моей, означенныхъ въ описи, и которыя опекунъ прежде утаивалъ, а теперь схимзилъ совсѣмъ и хотѣлъ улепетнуть.

Исправникъ арестовалъ его и препроводилъ въ тотъ уѣздъ, гдѣ было главное имѣніе мое, куда и я, возвративъ крестьянамъ деньги, вскорѣ прибылъ. Тамъ я нашелъ, что всѣ вещи мои, розданныя прежде опекуномъ, были отобраны отъ всѣхъ и свезены ко мнѣ въ домъ. Къ большому утѣшенію моему, возвращено было и матушкино бюро съ музыкою и другія разныя вещи, знакомыя мнѣ по дѣтству, и которыя, благодаря предусмотрительности повѣреннаго, бывшаго тогда правою рукою у Макара Тимоѣевича, всѣ были записаны и отмѣчены, кому что отдано. Ничто не было забыто, даже скамейка, по которой лазилъ на навьюченный всякимъ добромъ возъ, тогда смѣшной для меня человѣкъ, и которую онъ тогда же взялъ. Чего же не можно было натурою возвратить, на прим. лошади, скотъ и проч., за то взысканы были деньги, не смотря, что чиновникъ, «принявшій ихъ на поддержаніе» — какъ они тогда отписывались — перешелъ служить въ другое намѣстничество. Помнить бы имъ надобно было, что отнятое у сироты рано ли поздно ли, взыщется съ лихвою, въ безчестіе имъ.

Собравъ все и приведя домъ въ тотъ порядокъ, какъ, по воспоминаніямъ, былъ онъ при матушкѣ моей, устроивъ хозяйство и получая съ него значительные дсходы, я за-

жилъ бариномъ... Но видѣлъ кругомъ себя пустоту и скучалъ вездѣ. Пошатавшись по свѣту, я былъ уже опытенъ и тотчасъ понялъ, что эта скука отъ того, что я не женатъ. Я желалъ поспѣшить исправить этотъ недостатокъ въ домѣ, какъ вдругъ неожиданно новые хлопоты!

Петигорошкинъ не оставилъ меня въ покоѣ. Подалъ на меня просьбу, что я, обязавшись ходить по его дѣламъ, скрылся съ документами, и просилъ, гдѣ отыщутъ меня, взявъ, представить къ нему для окончанія условій. Исправникъ — мало ли получилъ отъ меня! — сообщилъ сюда, чтобы меня, въ силу такого прошенія, въ пересылку препроводили въ то намѣстничество, какъ нарушителя договора и обязаннаго заплатить неустойку.

Въ прежнее время Столбикова, неимущаго, повели бы къ Петигорошкину какъ дважды два; но теперь все явилось къ защитѣ моей. Предлагали мнѣ завести процессъ и искать съ Петигорошкина безчестья; но я, убоившись всякихъ съ нимъ дѣлъ, разсудилъ отвязаться отъ него и послалъ ему деньги, сколько онъ насчитывалъ на меня.

Это одно дѣло изъ двадцати, полагаю, выиграно имъ такъ легко! Вскорѣ я имѣлъ утѣшеніе читать о признаніи его «ябедникомъ» и запрещеніе всчинать ему дѣла.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О томъ, какую велъ я покойную и пріятную жизнь.

Окончивъ всѣ свои хлопоты, я зажилъ совершенно припѣваючи. Чего у меня не было? И всего было много, и все отличное, большею частью выписное. Столъ роскошный, сытный; вина превосходныя; лошади, экипажи... И сколько же отыскалось тогда родныхъ, сколько близкихъ пріятелей матушкѣ моей!.. По словамъ ихъ

они видѣли, какія бѣды дѣлалъ мнѣ опекунъ, какъ раззорялъ меня, какъ губилъ меня; все это видѣли, жалѣли, вслухъ кричали на несправедливость, но вліяніе Макара Тимоѣевича на уѣздное начальство такъ было велико, что они ничего не могли сдѣлать.

Добрые эти родные и пріятели такъ много меня любили, что довольно часто наѣзжали ко мнѣ и гостили недѣлями. Холостые и бездѣтные завозили меня играть въ карты, мѣняться на лошадей, на вещи; но я ни къ чему не приставаѣлъ. Я, между нами будь сказано, велъ себя осторожно, и, осмотрѣвшись въ свѣтѣ, берегся, чтобы не влаться въ мотовство. Жилъ хорошо, но не проматывался ни на что. И люди съ такими затѣями скоро отстали отъ меня.

Имѣющіе же дочерей, сестеръ, племянницъ и другихъ родственницъ, тѣ обращались со мной иначе. На рукахъ меня носили, въ глаза мнѣ смотрѣли, чтобы предупредить мои желанія; и это не только тогда, когда я пріѣзжалъ къ нимъ, но когда они были у меня. Кажется, я также одѣвался, какъ и всѣ, хотя, правда, на мнѣ все было выписное изъ намѣстническаго города и тамъ сшитое; но всѣ заглядывались на меня, и хвалили вкусъ мой въ убранствѣ. Предъ нѣкоторыми я признавался, что моя наружность, моя талія не красили меня; но они меня увѣряли, что напротивъ все очень идетъ ко мнѣ и даже украшаетъ меня. А попадись къ нимъ въ домъ, такъ матушки закармливаютъ блинами, пирожками, ватрушками... прелесть! Батюшки рассказываютъ подробно о состояніи имѣнія и выгодахъ его; что, отдѣливъ дочери столько, все останется имъ съ старухою довольно. Дочерей сажали играть за клавикорды, а въ нѣкоторыхъ домахъ были уже и фортепіаны. Онѣ спрашивали, какія штучки мнѣ нравятся, и любимыя мои повторяли во всѣхъ домахъ. Пѣли для меня Русскія и Малороссій-

скія пѣсенки, и чуть лишь погода позволяла, приглашали въ садъ или рошу на прогулку.

Я, какъ ловкій и свѣтскій кавалеръ, тотчасъ предлагаю красивѣйшей руку въ кольцо, и идемъ. Избранная торжествуетъ, а прочія завидуютъ и оставляютъ насъ. А намъ то и на руку! Тутъ и пошло пожиманіе ручекъ, страстные взгляды, вздохи; прежде щека къ щекѣ, а потомъ и уста къ устамъ... впрочемъ все молча. Послѣ произшествія съ Бурбуркиною я со всѣхъ силъ крѣпился, не объяснялся ни передъ кѣмъ въ любви, чтобы не поймали на словѣ. Бывало иная такъ заговариваетъ и такъ заведетъ, что вотъ чуть-чуть не вскрикнешь: «обожаю», но какъ вспомнишь минувшую бѣду, такъ и назадъ наши.

Нагулявшись такимъ образомъ вдоволь, возвратимся домой; тотчасъ дочку повели на распросъ, а ты за шляпу, къ другой, чтобы вечеркомъ погулять...

Я говорю, это не житье было, а масленица! И совѣтую всѣмъ молодымъ людямъ съ значительнымъ состояніемъ отнюдь не жениться до нѣкоторыхъ лѣтъ, а наслаждаться правами своими. Увѣряю васъ, молодые люди съ состояніемъ, что всякая дѣвушка, при самыхъ строгихъ правилахъ, закокетничаетъ передъ вами; пожмите ей ручку, она не обидится, а будетъ отвѣчать вамъ, въ чаяніи... я говорю по опыту. Впрочемъ это было въ XVIII столѣтіи; будущій вѣкъ все это усовершенствуетъ.

Какъ ни завидна была моя участь, какъ ни восхитительно было мое положеніе, но натура все влекла меня къ женитьбѣ. Посреди всѣхъ удовольствій, я всегда разсматривалъ дѣвушекъ въ подробности, которая бы изъ нихъ была мнѣ приличною женою. Часто среди ласкъ, поцѣлуевъ, я говорилъ мысленно: «ты хороша, мила, поцѣлуй твои сладки, но я не женюсь на тебѣ.»

О достоинствахъ, нужныхъ для жены, я имѣлъ свои понятія.

Изъ всѣхъ какъ-то болѣе нравилась мнѣ Катенька, одна дочь вдовы богатой и которой имѣнія смѣжны были съ моими. Кажется, это обстоятельство заставило меня присматриваться на нее. Притомъ же она была не изъ бойкихъ, неговорлива, несмѣла; не дурна, а такъ—миленькая дѣвочка. Пожмешь, бывало, ей ручку, она и не понимаетъ; подсядешь къ ней поговорить, она и растерялась, смотреть во всѣ глаза и не знаетъ, что отвѣчать. «Такая жена мнѣ надобна!» сказалъ я себѣ рѣшительно, и началъ искать случая переговорить съ нею серьезно. Но какъ вездѣ другія меня отъ нее отвлекали, то я рѣшился ѣхать къ матери, у которой рѣдко бывалъ за тѣмъ, что она была за мужемъ за однимъ изъ товарищей моихъ по пенсіону мусье Филу. Она слышала отъ него о всѣхъ происшествіяхъ, бывшихъ тамъ, и лишь увидѣла меня, то и припомнила: и молочную физику, и мамзель Дороте, и причины, по коимъ меня взяли изъ пенсіона. Какъ же она, по простотѣ своей, рассказывала это всегда, какъ только видѣла меня, то я и не бывалъ у ней; но теперь, начавъ влюбляться въ дочку ея, я поѣхалъ къ ней, не свататься еще, а имѣть случай узнать ближе характеръ и умъ Катеньки.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О ТОМЪ, КАКЪ Я РѢШИТЕЛЬНО ПРИСТУПИЛЪ
КЪ ЖЕНИТЬБѢ.

Марѳу Макаровну засталъ я одну съ Катенькою, потому что не сказалъ никому, что ѣду къ ней; иначе многія бы поспѣшили навѣстить Катеньку, провѣдать Марѳу Макаровну, и жили бы, пока я тамъ гостилъ бы. Это я видѣлъ нѣсколько разъ. Совѣстно сказать, но не

долженъ въ описаніи моей жизни утаить, что тогда всѣ дѣвушки въ околоткѣ по мнѣ сходили съ ума.

Марѳа Макаровна обрадовалась пріѣзду моему, но не пропустила попенять «молочную физику», что забылъ ее. Катенька же хотя встрѣтила меня весело, но не замѣтно было большой радости и любезничанья около меня, какъ я привыкъ видѣть отъ другихъ. Она была натуральна — и это мнѣ нравилось. Увидимъ далѣе, подумалъ я.

У насъ, въ деревняхъ, нѣтъ обычая пріѣзжать на нѣсколько часовъ, а обыкновенно какъ пріѣдешь, то и живешь нѣсколько дней; слѣдовательно и я могъ гостить у Марѳы Макаровны, сколько хочу. Проведя день нескучно, Марѳа Макаровна легла вечеромъ пріуснуть до ужина. Это она всегда дѣлала и дома и гдѣ бы не была сама въ гостяхъ. Вотъ, какъ она улеглась, я Катеньку на испытаніе.

«Чѣмъ вы занимаетесь, кромѣ работъ?» началъ я, видя ее всегда вышивающую что-то въ пальцахъ тамбурною иглой.

— Гуляю, а иногда книжку читаю. —

«Какія книги вы больше любите читать?»

— У насъ одна книга, Маркиза Глаголь, вторая часть, да какая жалкая! —

«А первой вы не читали?»

— Нѣтъ, у насъ ее не было. Когда и первая такая жалкая, то хорошо что и не читала; я бы и надъ ней также плакала, какъ и надъ этою, когда только перечитываю ее. —

«Развѣ вы не одинъ разъ читали ее?»

— О нѣтъ; прочту всю, да и опять начну, и опять плачу. —

Прекрасно! подумалъ я; не нужно будетъ тратиться на книги. Есть у меня «Деревенскій экономъ», пусть его перечитываетъ.

Тутъ я пустился въ матерію по другимъ предметамъ, и Катенька, къ утѣшенію моему, также во всемъ была свѣдуща и чистосердечно отвѣчала мнѣ. Любовь моя къ ней усилилась, и я уже напрямки сказалъ ей: «пожалуйте мнѣ вашу ручку.»

Она подала, и я поцѣловалъ ее раза три.

Вдругъ она меня спросила: — Развѣ вы влюблены въ меня? —

Этотъ вопросъ рѣшилъ все. Это моя суженая, подумалъ я: она точно такъ спросила, какъ слѣдуетъ порядокъ при сватовствѣ, по объясненію купчихи, у коей я квартировалъ, когда былъ влюбленъ въ Малашу, дочь опекуна.

«Влюбленъ, Катенька! сказалъ я, и хочу на васъ жениться. Пойдете ли вы за меня?» сказалъ я безъ запинки, потому что точно рѣшился.

— Пойду, отвѣчала она безъ всякой застѣнчивости; потомъ прибавила: и матушка говорила, что лучшаго жениха мнѣ не надо, какъ вы. Хоть вы, говорить, и простоваты, и смѣшной наружности, но богаты. А это, говорить, нужнѣе всего въ жизни. И при томъ, говорить, мы во всемъ сходны между собою, и насъ, говорить, будетъ пара.—

«Прекрасно, мило, безподобно! сказалъ я вѣсь себя отъ радости. Вы будете безпримѣрная жена... Хоть и колко, и грубо, но вы сказали, что у васъ было на душѣ. Прекрасно! Поцѣлуйте же меня.»

— Извольте... только не говорите матушкѣ, что вы меня цѣловали такъ много. —

«А почему?»

— Матушка не любить, какъ я съ мужчинами цѣлуюсь. —

«А вы... развѣ цѣловались... съ кѣмъ?»

— Ого! и сколько разъ! Наѣдутъ разные, да гдѣ захватятъ, и тотъ «поцѣлуй», и другой «поцѣлуй»...

а матушка какъ-то и увидѣла; да и досталось же мнѣ... —

Долго размышлялъ я... наконецъ сказалъ: «Впрочемъ и это не совсѣмъ худо. Она будетъ со мной откровенна.» Тутъ я сдѣлалъ моральное наставленіе Катенькѣ, какъ ей себя вести за мужемъ; много, много говорилъ и всегда повторялъ: «слышите ли?» она всегда отвѣчала съ большимъ равнодушіемъ: «слышу.»

Когда мать проснулась, я, зная уже, что и она желаетъ имѣть меня зятемъ, прямо, безъ обиняковъ, сказалъ ей о моемъ желаніи. Старушка очень обрадовалась и, призвавъ Катеньку, спросила: согласна ли она за меня выдти и любить ли она меня?

Простосердечная Катенька безъ всякой застѣнчивости и измѣненія въ лицѣ отвѣчала: «согласна и люблю» — такимъ тономъ, какъ бы на вопросъ, хочетъ ли она пить.

Марѳа Макаровна тотчасъ засуетилась, припаялась приглашать на сговоръ родныхъ и всѣхъ сосѣдей, а намъ дала дозволеніе обращаться какъ жениху съ невестой; чего мы и не упускали. Катенька же на ласки мои такъ же отвѣчала, какъ и въ разговорѣ о домашнемъ хозяйствѣ.

Меня въ восторгъ приводилъ такой ея характеръ. Не zalюбится, думалъ я, и изъ моихъ повелѣній не выйдеть. Какая счастливая будущность за все, перенесенное мною!

Къ назначенному дню съѣхалось все приглашенное общество. Насъ поздравляли, холостые и бездѣтные усердно, а имѣющіе семейства — въ полголоса. Дѣвицы на Катеньку и не смотрѣли; мною не занимались вовсе, и не только не прельщались моею наружностью, ловкостью, пріемами, какъ прежде, но замѣтно пересмѣивали меня, а особливо, когда я при нихъ ласкалъ Катеньку, всегда одинаковую, всегда равнодушную.

Пропировавъ три дня, многіе разѣхались, а ближайшіе родные, по просьбѣ Марѣы Макаровны, остались распределить приготовленіемъ къ свадьбѣ, на этихъ же дняхъ по просьбѣ моей назначенной; а дочери ихъ и другія приглашенныя дѣвицы изъ бѣдныхъ семействъ шили приданое, пѣли пѣсни, а вечеромъ танцевали.

Какъ слѣдовало, я поднесъ невѣстѣ богатые подарки, которые она приняла такъ, какъ бы горсть орѣховъ. Это простодушіе, равнодушіе, холодность и невниманіе ни къ чему мнѣ отмѣнно нравились. Я предвидѣлъ въ ней тихость характера. Марѣа Макаровна осыпала меня ласками и усугубила свое вниманіе.

Все шло порядкомъ и какъ нельзя лучше.

ГЛАВА ПЕРВАЯ-НАДЕСЯТЬ

О ТОМЪ, КАКЪ Я, КЪ ВѢЧНОМУ ПРИСКОРБИЮ
МОЕМУ И НЕ ОБДУМАВШИ, НАКОНЕЦЪ
ЖЕНИЛСЯ.

Между родными невѣсты моей, съѣхавшимися уже къ свадьбѣ, была сестра тещи моей, Авдотья Макаровна. Она была еще дѣвица, имѣла тридцать пять лѣтъ отъ роду; высока, суха, на лицо смугло-желта; глаза сѣрые; улыбка, въ какомъ бы случаѣ ни являлась на устахъ ея, все означала какъ бы злость. Рѣдкіе на головѣ волосы, а можетъ быть и сѣдые, она прикрывала чепцомъ, изящно, со вкусомъ обдѣланнымъ; равно платье и весь уборъ ея, до послѣдняго башмачка, было все отличное, красивое, щегольское. Была словоохотна или даже болтлива. Обо мнѣ отзывалась очень выгодно и говорила: «Для женщины съ умомъ Петръ Степановичъ не мужъ, а кладъ.» За такое обо мнѣ заключеніе, разумѣется,

я былъ ей благодаренъ; услуживалъ ей, предупреждалъ ея желанія, охотно выслушивалъ ея сужденія и изъ вѣжливости во всемъ соглашался съ нею. День за день, она въ такое отношеніе поставила къ себѣ и такъ возобладала мною, что я, если бы и хотѣлъ, не имѣлъ духу противорѣчить ей ни въ чемъ. За мое къ ней уваженіе она усугубила свое вниманіе ко мнѣ и почти не оставляла меня одного, что часто случалось, потому что Катеньку безпрестанно вводили отъ меня, то снимать мѣрки, то примѣрять сшитыя платья, то подобное тому, а тетушка и тутъ, завладѣетъ мною, да изъ-за разговоровъ пригласить на прогулку и заведетъ разговоры. Я какъ знаю, такъ и отвѣчаю ей, и все стараюсь потакать ей. Она въ глаза превозноситъ мой здравый умъ, точныя сужденія... однимъ словомъ, цѣны не находитъ мнѣ; а я въ восторгѣ! Самъ себя не узнаю. Должно же быть, что во мнѣ все это есть, когда женщина съ такимъ высокимъ умомъ — такъ отзывалось объ ней все наше общество — находитъ удовольствіе со мною заниматься и отдаетъ мнѣ справедливость. Она одна, чего другіе во мнѣ не находятъ, она открыва и даетъ мнѣ цѣну. —

Будущая теща моя весьма довольна была, что я нашелъ расположеніе у родныхъ ея, и сама меня упрасивала поддерживать благорасположеніе тетеньки, какъ я уже называлъ ее.

Въ одной изъ прогулокъ по любимой рощѣ тетеньки, говоря о семъ, о томъ, мы сѣли подъ деревомъ, какъ она вдругъ сказала:

«Надѣетесь ли вы быть счастливы съ Катенькою?»

— Думаю, что такъ — отвѣчалъ я, по обыкновенію подумавши.

«Думаете, а не увѣрены. Знаете ли вы ужъ ее такъ коротко, какъ слѣдуетъ будущую свою жену?»

— Кажется. —

«Кажется, а все же не увѣрены. Петръ Степановичъ! — схвативъ меня за руку, начала говорить съ жаромъ: «Съ первыхъ дней знакомства нашего я приняла въ васъ большое участіе. Какъ я васъ разумѣю и какъ цѣню, вы слышали нѣсколько, изъяснять подробнѣе.... я нахожу неприличнымъ моему достоинству. Я боюсь, чтобы вы не приняли за лесть моей искренности. Катеньку, эту пустую дѣвчонку, я знаю съ малыхъ лѣтъ и очень хорошо знаю ее. Она такъ молода, что еще не разсталася съ дѣтскою простотою. Любить ей еще рано, и она, по характеру своему, не можетъ и не будетъ никого любить. Скажите ей, что вы ее оставляете, она вамъ отвѣчаетъ: «хорошо». Когда будетъ итти съ вами къ вѣнцу, мать скажетъ ей: «Оставь Петра Степановича, а иди за этого неизвѣстнаго тебѣ человѣка», и она прехладнокровно отвѣчаетъ: «слушаю-сь», и также охотно пойдетъ за всякаго. Не ужели вы не замѣтили еще большой простоты ея? Спрашивайте ее, о чемъ угодно, и она все расскажетъ въ подробности, какъ бы и нянѣ своей.»

— Это-то мнѣ и нравится въ ней. Я изъ нея могу сдѣлать все, сказалъ я съ важностью. Она будетъ жить и дѣйствовать совершенно по волѣ моей. —

«Удивляюсь, какъ вы, съ такимъ умомъ, опытностью, проницательностью, не умѣете дать себѣ цѣны. Если хотите, такъ эта скромность неизвинительная. Послушайте. Вы, по состоянію своему, должны занимать въ свѣтѣ мѣсто видное, блестящее. Несчастіе ваше, что природныя способности ваши заглушены съ дѣтства. Злой опекунъ лишилъ васъ слѣдуемаго вамъ ученія. Онъ же причиною, что военная служба не только не образовала васъ, какъ другихъ, но еще поселила въ васъ какіе-то странные пріемы, неловкость и все такое, поселяющее съ перваго взгляда невыгодное о васъ заключеніе. Извините за искренность: ею я начала, ею и кончу. Надобно прилежно заняться вами, чтобы узнать такъ

Н 1.

Н Н

Н Н

Н Н

Н Н

коротко, какъ я васъ знаю. Теперь, вы вступите въ свѣтъ, должны заняться службою, вытти изъ этого фатальнаго, прапорщичьяго чинишка; но васъ, какъ вы еще одни, васъ не скоро распознають, вѣчно будете оставаться назади. Для этого, чтобы при всякомъ случаѣ выставлять ваши достоинства въ настоящемъ ихъ видѣ, отстранять все, затмѣвающее блескъ ихъ, нужна вамъ жена, которая могла бы, скрывая гордость, что имѣетъ такого мужа, не указывая прямо, обращать на васъ всеобщее вниманіе; однимъ словомъ, женщина съ здоровымъ умомъ, проницательностью, тонкостью, съ даромъ слова....»

— Однимъ словомъ, женщина съ такими достоинствами, какъ вы... — сказалъ я; и вотъ, дѣло давно прошедшее, а сказалъ, ей Богу, безъ намѣренія, безъ цѣли, а такъ, что называется, не обдумавши. Что же? Бывшая до сего нареченная моя тетушка вдругъ смутилась и, запинаясь въ словахъ, начала мнѣ говорить:

«Конечно... предложеніе такого разборчиваго ума... и человѣка такихъ правилъ... очень лестно... Отношенія мои къ роднымъ... но они извиняютъ меня... И кто бы поступилъ иначе... Такъ и быть, мой другъ!... я согласна.»

— Да я... — хотѣлъ было объяснить ей, что я сказалъ вовсе не то, что она думаетъ; какъ она, хлопъ! мнѣ на шею, и давай обнимать меня... «Я твоя на вѣкъ! говорила она; буду жить для того, чтобы сдѣлать тебя счастливымъ.»

— Но что... — хотѣлъ было ей высказать все; но она подхватила:

«Но что скажутъ мои родные? Опасенія твои, мой другъ, справедливы. Твое положеніе критическое, мое еще щекотливѣе; но я вступаю въ роль свою и увидишь, какъ начну дѣйствовать и какъ обработаю все. Теперь пойдемъ къ сестрѣ, надобно дѣйствовать.»

Тутъ она встала, взяла меня подъ руку, и мы по-шли въ домъ. Выходя изъ рощи, она сказала: «Могла ли я вообразить, вступая въ эту рощу, что выйду изъ нея сговоренною невѣстою, и такого отличнаго человѣка. О плутишка! какъ онъ искусно завлекъ меня и склонилъ въ пользу свою.» При этомъ словѣ она обняла меня... а я... я поцѣловалъ ея руку... Что же мнѣ другое оставалось дѣлать?

Дорогою она была необыкновенно весела, говорила, чтобы я не беспокоился о послѣдствіяхъ, что она всему развязку дастъ сама; отъ меня же требовала, чтобы я во всемъ подтверждалъ слова ея, а притомъ — промолвила она: «скрывайте привязанность вашу ко мнѣ, на которую уже и такъ нѣкоторые обращаютъ вниманіе.»

Что со мною дѣлалось, я ничего не понималъ и не могъ сообразить. Хотя и пріучила она меня въ первые дни во всемъ съ нею соглашаться, но тутъ, по важности предмета, я-было рѣшался вступить съ нею въ объясненія съ такимъ же чистосердечіемъ, какъ и она говорила мнѣ, изложить ей, что она все приняла не въ томъ видѣ... Хотѣлъ говорить, но не находилъ словъ... Заикнусь, начну что либо въ этомъ родѣ, она ту же секунду начнетъ описывать, какъ мы устроимся въ новой нашей жизни, какъ будемъ поживать, и все такое, чѣмъ совершенно и замкнетъ ротъ мой.

Что будетъ далѣе, увидимъ. Такъ думалъ я, подходя къ дому. Авдотья Макаровна была покойна, говорила что-то съ сестрою, и обѣ онѣ во весь вечеръ почти и не занимались мною. Катенька, вопреки воли и намѣреній Авдотьи Макаровны, все-таки почитаемая мною за невѣсту мою, какъ нарочно безпрестанно была отвлекаема отъ меня, и я не могъ никакъ заняться съ нею, чтобы увѣриться, дѣйствительно ли она еще не имѣетъ никакого характера и молода до простоты. Отъ того мнѣ былъ великій досугъ размышлять о чудномъ моемъ положеніи.

«Авдотья Макаровна не поняла меня — такъ думалъ я. Увѣренная въ своемъ заключеніи, она, зная мою застѣнчивость и неловкость въ изъясненіи, чтобы вывести меня изъ замѣшательства, лишь я начну что говорить, прерываетъ слова мои и говоритъ о своихъ планахъ, какъ будто сходныхъ съ моимъ желаніемъ. Надобно ей рѣшительно все объяснить. Если же она дѣйствуетъ такъ съ умысломъ и рѣшилась, отвлекши меня отъ Катеньки, завладѣть мною, такъ я слуга ея покорнѣйшій! Тѣмъ скорѣе я долженъ дѣйствовать со всею рѣшимостью. Завтра же приступлю. Сведя обѣихъ сестеръ, скажу одной, что я ни за какіе миліоны не подумаю даже уклоняться отъ счастья имѣть милую дочь ея своею женою; а другой скажу, что она не такъ поняла меня, и потомъ наотрѣзъ скажу ей то и то; завтра придумаю, что сказать, а лишь начну, то слова сами пойдутъ. Въ прекращеніе всѣхъ такихъ недоумѣній буду просить, чтобы завтра насъ обвѣнчали за-просто, а бучную свадьбу, къ которой приготавлиются, можно отпраздновать послѣ.» Расположивъ все дѣло какъ нельзя лучше, я спокойно провелъ ночь.

Утромъ, на случай могущаго быть вѣнчанья, я принарядился щеголеватѣе обыкновеннаго, и просилъ особеннаго свиданія съ обѣими сестрами. Все было у меня подготовлено, кому изъ нихъ что и за чѣмъ говорить... Но Марѳа Макаровна, начавъ первая говорить, испортила все дѣло.

«Сестра мнѣ сказала о намѣреніи вашемъ, любезный Петръ Степановичъ, праздновать свадьбу по-старинному.» Такъ начала она прежде меня. Такому вступленію я очень обрадовался, потому что оно какъ будто сходно съ планомъ моимъ, и потому, вмѣсто придуманнаго мною длиннаго объясненія, рѣшился изъясниться покороче и сказалъ:

— Такъ точно съ. —

«Не смѣю идти противъ воли вашей и охотно отпускаю васъ домой. Сегодня у насъ среда; вы успеете всѣмъ распорядиться, а въ субботу къ вечеру просимъ пріѣзжать къ намъ съ своими родными и гостями, коихъ вамъ угодно будетъ пригласить; всѣмъ буду рада. Мы, сходно съ вашимъ желаніемъ, встрѣтимъ вашъ поѣздъ, какъ бывало въ старину, съ хлѣбомъ и солью и отпразднуемъ *дѣвичникъ*. А въ воскресенье, какъ вы расположите праздновать свадьбу, такъ все исполню по желанію вашему. Какой-же онъ нетерпѣливый! сказала она, обратясь къ сестрѣ; такъ рано, а уже и спѣшить домой.»

— Чтобъ приготовить все къ принятію милой жены, сказала Авдотья Макаровна. Это очень похвально. —

«Прощай же, любезный зятекъ! сказала Марѳа Макаровна, прощаясь со мною; скоро буду имѣть удовольствіе обнять тебя какъ сына.»

И онѣ оставили меня.

«Все идетъ какъ нельзя лучше, думалъ я въ радости; конечно теща поняла замыслы тетенькины и тонко хочетъ отклонить. Уѣхавъ, я избавлюсь отъ нападокъ старой красавицы и явлюсь сюда, какъ гласный женихъ. *Дѣвичникъ* есть преддверіе свадьбы. Тутъ она не успеетъ поиграть со мною.»

Въ такихъ мысляхъ я поспѣшилъ собраться и выѣхать къ себѣ въ деревню. Прощаясь съ Катенькой, я сказалъ, что возвращусь скоро и буду принадлежать ей на вѣкъ. Она даже не спросила, отъ чего я уѣзжаю. Милая скромность!

Пріѣхавъ домой, я занялся окончаніемъ и усовершенствованіемъ приборовъ комнатъ для молодой жены, и располагалъ писать приглашенія къ роднымъ и знакомымъ сдѣлать мнѣ честь проводить меня къ невѣстѣ. Какъ тутъ же, въ четвергъ къ вечеру, прибѣгаетъ нарочный

отъ тетушки Авдотьи Макаровны съ слѣдующимъ письмомъ:

«Любезный родной, Петръ Степановичъ!

«Я поспѣшила домой, и мнѣ очень нужно съ вами видѣться. Если вы остаетесь при прежнемъ своемъ намѣреніи, то конечно поторопитесь пріѣхать ко мнѣ, чтобы кончить всю запутанность. Ожидаю васъ, вамъ всего добра желающая, А.»

«Конечно я остаюсь при *прежнемъ* моемъ намѣреніи, почти вскрикнулъ я. Благо она сама даетъ мнѣ поводъ изъясниться съ нею. Не поѣхать всего бы лучше, и концы въ воду; но... она занята мною, искала счастья быть моею, надобно ее успокоить, образумить ее и поставить на той точкѣ, какъ она должна быть со мною, какъ съ роднымъ, какимъ уже и признаетъ меня. Конечно, сама обдумала: а можетъ, имѣетъ и отъ тещи какое порученіе. Поскачу на подставныхъ; завтра пятница, я и ворочусь; а въ субботу... къ Катенькѣ.

Съ спокойнымъ духомъ я пріѣхалъ къ тетушкѣ, и ее также засталъ веселою. Она встрѣтила меня ласково, и тутъ же, чтобы не задержать меня, начала говорить. И какъ она говорила!.. Точно какъ самая толстая книга, которую я видѣлъ въ жизни — это лексиконъ Михайла Чулкова!.. Какихъ словъ она не наговорила! Ужъ вѣрно не осталось ниодного въ томъ лексиконѣ, котораго бы она не привела и все кстати. Весь же разговоръ ея состоялъ въ краснорѣчивыхъ доказательствахъ, что она приличнѣе для меня жена, нежели Катенька. Говорила умно и сильно. И посудите!.. вѣдь убѣдила меня. Прежде, дома, у меня много было противорѣчій, и я могъ бы совершенно все опровергнуть; теперь противъ ея доводовъ мои возраженія были ничтожны. Живыми красками описывала она, какъ мы въ эти лѣта будемъ любить другъ друга безъ глупой, сильной страсти, но благоразумно, какъ нѣжнѣйшіе друзья; какъ она употребитъ

всю себя и всѣ средства возвысить меня, вывести въ чины, получить должность, хотя бы даже губернаторскую... и все это, по ея рассказамъ, ей такъ легко и удобно сдѣлать, что я, заслушавшись ея, почти въ какой-то дремотѣ, воображалъ, что это все уже сбылось. Каждый періодъ рѣчи своей она заключала: «Ну, не правду ли я говорю? Согласны ли вы со мной?»

Хоть бы и не хотѣлъ, то долженъ былъ соглашаться, потому что не находился чѣмъ опровергать ее, а тутъ же и своя мыслишка была, что она правду говорить; такъ я, не обинуясь, проговаривалъ: «согласенъ.»

Наконецъ она до того меня заговорила, что я, и не разслушивая, въ чемъ она спрашиваетъ моего согласія, все отвѣчалъ: «согласенъ.» Я имѣлъ свое на умѣ: окончивши всѣ переговоры, уѣхать поскорѣе домой и продолжать приготовленія къ свадьбѣ все-таки съ Катенькой. Жалѣлъ очень, что не было никого со мною, кто бы съ свѣжею головою обдумалъ за меня, справедливо ли она доказываетъ; я же до того былъ заговоренъ ею, что ея слова мнѣ казались какъ рѣшеніе оракула. Подумаешь, какъ женщины могутъ сдѣлать изъ насъ все!

Наконецъ, когда я — уже не помню, на какое ея предложеніе — произнесъ обычное свое *согласенъ*, то она сказала:

«Но я хочу это дѣло сдѣлать гласнымъ. Пусть судятъ меня посторонніе.» И тутъ же, вставъ, написала записочки и послала нарочныхъ въ разные мѣста. Сама же между тѣмъ опять ко мнѣ и за ту же пѣсню принялась снова; опять поколебала мою рѣшимость, родившуюся во мнѣ, когда я оставался одинъ, чтобы не оставлять Катеньки; опять я соглашался съ нею, что она будетъ мнѣ не жена, а кладъ.

Вскорѣ пріѣхали нѣсколько гостей, мужчинъ и женщинъ, коихъ, кажется, тетушка приглашала записками.

Усадивъ всѣхъ, тетушка открыла засѣданіе рѣчью, въ коей изъясняла, что я, любуясь ея молоденькою племянницею, счелъ это за привязанность и рѣшался на ней жениться. «День свадьбы назначенъ, говорила она; но Петръ Степановичъ, узнавъ меня... не знаю почему... дѣлаетъ мнѣ предпочтеніе. Такъ ли, Петръ Степановичъ?»

— Такъ-съ—долженъ я былъ произнести, и произнесъ, не имѣя духа говорить.

Тутъ она пустилась въ изъясненія, что будто я ей говорилъ и чѣмъ убѣждалъ, и на все спрашивала у меня: «такъ-ли?»

— Такъ-съ—всегда отвѣчалъ я, не помня хорошенько, говорилъ ли я это.

Далѣе и далѣе, расписавъ все живыми красками, спрашивала она друзей своихъ, что ей дѣлать въ такомъ критическомъ положеніи?

— Итти за Петра Степановича... сдѣлать его счастье, когда онъ такъ желаетъ...— отвѣчали хоромъ друзья.

«Скажите, Петръ Степановичъ, вы чего желаете?»

— Чтобы вы вышли за меня... сдѣлали мое счастье, когда я желаю того—отвѣчалъ я готовое, чтобъ не сочинять особой фразы.

«И такъ надобно писать къ сестрѣ... Напишите, Петръ Степановичъ, о вашемъ отказѣ, и тогда мы примемся устроить свою судьбу», сказала Авдотья Макаровна.

— Какъ возможно! сказалъ одинъ изъ гостей, болѣе всѣхъ напудренный и имѣвшій манжеты длиннѣе обыкновеннаго. Сестрица ваша будетъ удерживать свое право, зайдетъ исторія, и вы въ годъ не распутаете всего. По моему, обвиняйтесь теперь же и пошлите къ сестрицѣ извѣстіе; тогда дѣло съ нею само по себѣ будетъ развязано. —

«Какъ вы думаете, Петръ Степановичъ; напишете ли вы письмо?...» спросила неvěста.

Не любя писать никакихъ писемъ — а тутъ предстояло мнѣ сочинять фигурное, со всѣми *если бы*, да *потому*, и *такъ* — я, не думавши, отвѣчалъ: — За чѣмъ же мнѣ писать? Лучше бы... — и остановился, не придумывая, чтобы лучше предложить, какъ гости разомъ вскрикнули:

— Точно, точно. Лучше поскорѣе къ вѣнцу, а развязка сама по себѣ. —

«Слѣдую совѣту моихъ друзей, сказала смущенная неvěста; позвольте же мнѣ приготовиться...» и ушла отъ насъ.

Гости окружили меня, познакомились, спрашивали, проздравляли съ счастьемъ; однимъ словомъ, не дали мнѣ свободы обдумать, что я долѣю, какъ вошла неvěста. Меня извинили, что я одѣтъ по дорожному, и насъ повезли прямо въ церковь, гдѣ къ удивленію моему все уже готово было къ вѣчанью.

Когда я стоялъ подъ вѣнцемъ, то меня обуревали различныя мысли: то видѣлъ я, что лишаюсь навсегда Катеньки и соединяюсь съ нелюбимою особою, теряю свободу и буду зависѣть отъ характера, мнѣ неизвѣстнаго... и я готовъ былъ плакать, готовъ былъ бѣжать изъ-подъ вѣнца... но тутъ приходило мнѣ въ голову другое: хотя и крѣпко нехороша моя жена, но умна, хитра, какъ и показала при этомъ случаѣ; она поведетъ меня и для себя, выведетъ въ чины, доставитъ губернаторство... и я, посматривая съ удовольствіемъ на будущую губернаторшу, утѣшался. «Авось буду счастливъ!» И съ такимъ рѣшеніемъ поцѣловалъ свою молодую жену...

По пріѣздѣ въ домъ, жена не отпускала меня отъ себя, ласкала и не дала мнѣ подумать о новомъ моемъ положеніи, въ которое попалъ я такъ неожиданно и вовсе не обдумавши.

Явился огромный обѣдъ. Конечно его приготавливали заранѣе. Послѣ обѣда и всѣхъ угощеній гости разъѣхались, пожелавъ намъ, по обычаю, всѣхъ благъ. Жена моя принялась приготавливать письма къ сестрѣ, а я по привычкѣ легъ пріуснуть... Но сонъ бѣжалъ отъ меня!.. Тутъ я на свободѣ, не слыша ни отъ кого ни убѣжденій, ни возраженій, обдумавъ все обстоятельно, нашелъ, что я глупо сдѣлалъ, оставя Катеньку и женись на Авдотьѣ Макаровнѣ... Все мнѣ живо представилось!.. Тутъ увидѣлъ я, какъ бы мнѣ слѣдовало дѣйствовать противъ хитростей Авдотьи Макаровны... Тутъ я сдѣлался уменъ, да уже поздно!.. «О Макарь Тимоѳеевичъ, Макарь Тимоѳеевичъ! О ужасный опекунъ мой! Чрезъ тебя вся жизнь моя несчастна! Ты утопилъ меня въ пенсіонѣ мусье Филу! Въ другомъ мѣстѣ умъ мой, который я таки-признаю въ себѣ, былъ бы развернуть, обработанъ науками; тогда иначе вступилъ бы я въ свѣтъ, смотрѣлъ бы на людей настояще, и никакая Авдотья Макаровна не овладѣла бы мною. Всему, всему, отъ самаго дѣтства до сего послѣдняго несчастья моего, ты причиною, мой ужасный опекунъ!..»

Не только не заснувъ, но и не успокоясь въ мысляхъ, я былъ позванъ къ женѣ... Безъ постороннихъ она уже безъ всякой ласки приказывала мнѣ переписать поскорѣе письмо къ Марѣ Макаровнѣ съ извиненіями... Письмо было сочинено ею съ какими-то вычурными словами, такъ что я не только не понялъ его, но и переписать могъ съ трудомъ. Во время писанья жена ходила въ другой комнатѣ и безпрестанно покрикивала на меня:

«Скоро ли кончишь?.. Нарочный два часа ожидаетъ... да скоро ли?.. Ахъ, какъ несносно съ такимъ лентяемъ!..»

При сихъ словахъ я писалъ: «въ супружескихъ ласкахъ не забудемъ вины своей... и проч...»

Къ ужину только я окончилъ письмо, и нарочнаго отправили. Жена моя во весь вечеръ была со мною молчалива, и если что говорила, то съ суровостью.

Главу о женитьбѣ моей я распространилъ болѣе и изложилъ всѣ подробности на память будущему моему потомству. Пусть поучаются изъ слабости моей и берутъ всѣ предосторожности противъ хитрыхъ женщинъ... Но, можетъ быть, въ наступающемъ XIX вѣкѣ мужчины будутъ хитрѣе женщинъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ-НАДЕСЯТЬ,

ВЪ КОТОРОЙ ОПИСЫВАЮТСЯ ПОСЛѢДСТВІЯ
БРАКА МОЕГО.

На другой день Авдотья Макаровна приказала укладываться и объявила мнѣ, что мы ѣдемъ въ деревню ко мнѣ. Я располагалъ - было прожить нѣсколько дней у нея, пока исторія съ Марею Макаровною окончилась бы. Не знаю отъ чего, я полагалъ, что оскорбленная мать побоится сестры и къ ней не поѣдетъ, а ко мнѣ явится смѣло. Но жена моя первая почти слова съ утра сказала мнѣ съ суровостью: «прошу не умничать, а исполнять, что велю я.»

«А что, Петръ Степановичъ?» подумалъ я — и меня повезли.

Она сидѣла молча. Я, какъ счастливый супругъ, находилъ приличнымъ развлечь ее и потому спросилъ: «Скажи мнѣ, Дуняша; ты не видала меня прежде, нежели...»

Быстро она оборотилась ко мнѣ и официальнымъ тономъ сказала:

— Во первыхъ, никогда не долженъ мнѣ говорить ты, это означаетъ неуваженіе. Какъ жена твоя и

дама, я имѣю право на почтеніе отъ тебя. Тебѣ же не иначе буду говорить, какъ ты, чтобъ не поселилась въ тебѣ мысль, что я завишу отъ тебя. Этого я никогда не позволю. Во вторыхъ, по тѣмъ же причинамъ, изволь, мой другъ, называть меня всегда полнымъ именемъ. Я у тебя законная жена, а не полуимянка какая. Слышалъ? —

Я молчалъ отъ изумленія.

— Слышалъ? — Уже закричала она съ сердцемъ.

«Слы... слышалъ... Авдотья Макаровна!...»

— Въ домашней нашей жизни, продолжала она, я требую себѣ неограниченной воли и запрещаю всякое противорѣчіе. Въ твоёмъ вѣдѣніи должны состоять конюшня, скотные дворы, хлѣбныя, кладовыя, ключники, повара... слышалъ? Въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ не предпринимать ничего, а, объяснивъ мнѣ все подробно и сказавъ, что и для чего, ожидать моихъ приказаній. Слышалъ? —

«Слышалъ... Авдотья Макаровна», сказалъ громко, а подумалъ тихо, такъ тихо, что едва и самъ слышалъ: «такъ оно вотъ что?»

Въ такомъ духѣ мы совершили путь свой. Счастье, что лошади были у меня подставныя и мы скоро доѣхали. Слушать, и все слушать ее, было тягостно.

Люди мои крайне удивились, встрѣтивъ меня пріѣхавшаго въ чужой каретѣ (жена моя имѣла карету, хотя очень старинную) и съ женщиною, ни по чему непохожею на молодую, и смотрѣли на насъ съ недоумѣніемъ.

Молодая жена моя проворно взшла по лѣстницѣ и, проходя комнаты, закричала повелительно: «Пошлите ко мнѣ управляющаго.» И начала распоряжаться всѣмъ такъ рѣшительно, какъ будто лѣтъ десять хозяйничала у меня.

Управляющій прибѣжалъ, запыхавшись.

«Рекомендую себя, я ваша барыня, сказала она ему свободно. Завтра представить мнѣ всѣ описи и списки по всѣмъ имѣніямъ. Приказанія получать отъ меня одной; если баринъ что прикажетъ, требовать отъ меня подтвержденія. Карету мою отправить ко мнѣ и нарядить подводы перевезти оттуда мои вещи. Къ 20 числу заготовить всего на восемьдесятъ персонъ; у насъ будетъ свадебный пиръ. Чтобы все было отличное и въ изобиліи. Прогостятъ у насъ три дня. Музыку привезти изъ города. Пошелъ. — Напиши ко всѣмъ сосѣдямъ пригласительныя письма», сказала она и мнѣ тѣмъ же тономъ, какъ и управляющему.

Нечего дѣлать, я сказалъ: — слушаю... Авдотья Макаровна. — и пошелъ, не писать, а переписывать сочиненныя ею письма... Чего тамъ не было!.. И мое счастье, и прочное благополучіе, и спокойствіе послѣ всѣхъ бѣдствій въ бурной жизни моей... будтобы все это я нашелъ въ несравненной женѣ, нѣжномъ другѣ моемъ. «Дай Богъ слышанное видѣть!» говорилъ я со вздохомъ, описывая такую нелѣпость.

Въ свое время возвратился человекъ, посланный нами къ Марѣ Макаровнѣ съ извѣстіемъ о счастливо-совершившемся бракѣ нашемъ. Онъ рассказывалъ, что пріѣхалъ въ самое то время, какъ съѣхались гости, всѣ разряженные, музыка гремѣла, ожидали только меня, приготовляя мнѣ пышную встрѣчу. Когда Марѣа Макаровна прочла наши письма, упала въ обморокъ, а Катенька — милая Катенька! — тутъ же обратилась къ роднымъ и спрашивала, можетъ ли она уже снять платье, которое связывало ее. Раздѣлась и почти плакала, увидѣвъ, что гости разъѣзжаются и не съ кѣмъ будетъ танцовать.

Эта черта такъ тронула меня, что я не выдержалъ, выбѣжалъ въ другую комнату и поплакалъ порядочно... Какой жены лишили меня!... Какая невинность, просто-

сердечіе, откровенность! А моя... моя Авдотья Макаровна!.. Забывшись, чуть-было не сказалъ: «моя Дуняша...»

Марѳа Макаровна нашлась нанести намъ чувствительную непріятность. Она отвѣчала намъ письмомъ, и, не упоминая о бывшемъ со мною, поздравляла только, что мы во всемъ совершенно стоимъ другъ друга.

«Этакъ меня обидѣть! вскричала жена моя, и изорвала письмо въ клочки. Сравнила съ нимъ!»

— Этакъ меня обидѣть, сравнить съ нею! Такъ только подумалъ я. Чего женѣ моей обижаться за сравненіе: она сама меня избрала; вотъ я — другое дѣло! —

И началась наша домашняя жизнь.

О чемъ бы я ни докладывалъ женѣ, что бы ни объяснялъ, все было не такъ, все не нравилось ей, на все она возражала; упреки и наставленія лились у нея какъ рѣка; я не имѣлъ возможности ничего возразить. Правда, сначала приходила мнѣ блажь, не то чтобы совсѣмъ, а такъ, для тону, нѣсколько попротиворѣчить ей, но лишь произносилъ *но* .. батюшки свѣты! такъ и посыплется градомъ: «молчать... повинуйся... не умичай... и проч.» и мои многократныя: «слышу... слышу... слышу... Авдотья Макаровна», едва могутъ остановить разразившуюся тучу.

Мнѣ не было воли ни въ чемъ. Мои занятія назначались отъ нея и во всемъ требовался отчетъ. Если я ходилъ по комнатѣ, она требовала, чтобы я сидѣлъ. Я хотѣлъ отдохнуть, она посылала меня осмотрѣть что-нибудь по хозяйству. На бѣду же мою, какъ я былъ моложе и молодцоватѣе ея, то была и ревнива, хотя, честью моею увѣряю, я не подавалъ къ тому ни малѣйшаго повода. Куда уже мнѣ было вѣтренничать! Я не зналъ, какою ногою ступить. Я любилъ утромъ поспать, а она рано вставала и заставляла и меня оставлять покой.

Вотъ какое супружеское счастье нашелъ я съ Авдотьею Макаровою! Вотъ какъ она исполнила свое обѣ-

щаніе жить для радости моей! Всякое утро, вставая противъ воли съ мягкой постели, я проговаривалъ мысленно: «А что, Петръ Степановичъ?»

Въ каждомъ шагѣ долженъ былъ отдавать отчетъ; иногда же весь день мнѣ не удавалось ничего больше произносить, какъ нѣсколько разъ: «слушаю, Авдотья Макаровна!» и каждое произношеніе такого любимого имени припоминало мнѣ лютѣйшаго врага моего, опекуна, морально убившаго меня съ малыхъ лѣтъ!

Она обѣщала меня вывести въ знать; — такъ разсуждалъ я, и то безъ нея; при ней не смѣлъ ничего такого и подумать — на что мнѣ чины, знатность, когда не будетъ домашняго спокойствія, радости, утѣшенія душевнаго?

Обозрѣвая мысленно мое богатое состояніе и не имѣя воли вытти изъ комнаты, я, прохаживаясь по ней, похлопывалъ рука объ руку и мысленно приговаривалъ: «А что, Петръ Степановичъ?...»

ГЛАВА ТРЕТІЯ-НАДЕСЯТЬ

О ТОМЪ, КАКЪ ЖЕНА МОЯ НАЧАЛА ДѢЙСТВОВАТЬ
КЪ ВОЗВЫШЕНІЮ МОЕМУ.

Къ назначенному дню всѣ приглашенные нами пріѣхали принять участіе въ нашей радости, поздравляли съ исполненіемъ нашихъ желаній... я слушалъ и долженъ былъ благодарить... Мнѣ же подтверждено было и прежде, когда съѣдутся гости, быть веселымъ, развязнымъ и почасту приходить цѣловать у ней ручку.

Что было на сердцѣ, то было скрыто, но, исполняя приказаніе повелительницы, я старался казаться веселымъ, подходилъ и къ ручкѣ, цѣловалъ и получалъ взаимныя ласки.

«Ужъ какой нѣжный!» говорила она окружающимъ ее; этимъ онъ и склонилъ меня на необычно-

венный поступокъ , точно какъ будто отнять жениха у родной племянницы. Чего мнѣ стоила эта борьба противъ долга родства и справедливости къ достоинствамъ его? Во всемъ другомъ скромнѣе и молчаливѣе; послушали же бы его , какъ онъ уговаривалъ меня! До того я растерялась , что уѣхала отъ сестры; какъ онъ тутъ за мною и еще съ пріятелями. Всѣ напали на меня, убѣждали, уговаривали... я одна противъ всѣхъ... не помню сама, что со мною дѣлалось! Пришла въ себя, я подъ вѣнцомъ. Этотъ проказникъ все устроилъ и, въ церкви приготовивъ все, принялся за меня... и успѣлъ во всемъ.»

Какой же я проказникъ! подумалъ я, слушая ея рассказы, и вздохнулъ.

«Что дѣлать! продолжала она: видно судьба...»

— Судьба, точно судьба! возглашали слушавшіе; и хорошо сдѣлали, Авдотья Макаровна! Проживете вѣкъ въ любви и согласіи. —

Угощенія между тѣмъ лились рѣкою. Все было весело, оживлено.

Между мужчинами были разсужденія о предстоящихъ выборахъ. Совѣтовались, кого, куда по уѣзду избирать; обо мнѣ никто не упоминалъ и я не слыхалъ ни отъ кого никакого предложенія, чтобы идти въ какую-либо должность.

Провеселившись дня три, большая половина гостей разъѣхалась; нѣкоторыхъ удержала еще моя жена и уже сама съ ними занималась. Ведеть рѣчь о семъ, о томъ, да и сведеть, какъ ей, проводивъ гостей, будетъ скучно. «Я же, когда была вольный казакъ, такъ продолжаетъ говорить она; такъ чуть было соскучится дома, и поѣхала по роднымъ; а теперь уже не то. Если бы онъ (это значить — я) и рѣшился меня отпустить куда, то уже навѣрное вслѣдъ за мною поѣхалъ бы. Не оставляю его, никуда безъ него не поѣду.»

— Переѣхали бы въ городъ, тамъ веселѣе бы жить — говорили ей.

«Онъ ни за что не захочетъ, возразила жена. Вотъ вчера наши гости окружили его, просили быть предводителемъ, такъ и слышать не захотѣлъ. «Тихаго, семейнаго счастія не промѣняю ни за что», сказалъ имъ, и отдѣлался отъ нихъ.»

— Когда все это было и когда такая романическая фраза мною сказана? — подумалъ я, вздохнулъ, а она продолжала:

«Но онъ такъ добръ, такъ снисходителенъ, что если только пристануть къ нему, то онъ и не откажется. Довольно того, что онъ на выборы ни за что не хотѣлъ ѣхать. Первые мѣсяцы послѣ брака мы располагали совершенно пожить для себя...и это примолвила она съ усмѣшечкою...потомъ продолжала безъ всякой запинки: но вчера пристали къ нему, убѣдили его, и онъ далъ слово быть. Подумываю и я ѣхать съ нимъ, чтобы поддерживать его въ отказѣ, если вздумаютъ, какъ говорятъ наши дворяне, просить его въ предводители.»

Слушающіе, разумѣется, опровергали ее и увѣряли, что мнѣ, по моему состоянію, непременно надобно служить. Но какъ это были дворяне большею частью не нашего уѣзда, то на такихъ пустыхъ разсужденіяхъ все и оканчивалось.

Наконецъ и послѣдніе гости разъѣхались, и мы остались вдвоемъ, первые мѣсяцы послѣ брака жить для себя, для семейныхъ радостей.

«Видишь ли, сказала она, какъ я начинаю дѣйствовать?»

— Вижу, Авдотья Макаровна. —

«Понимаешь ли, къ чему я все это говорила?»

— Не понимаю, Авдотья Макаровна! —

«Знаетъ, а не понимаетъ ; удивительный человѣкъ! О, сколько мнѣ труда предстоитъ сдѣлать изъ тебя что нибудь. Видишь ли : вотъ я этими разсказами пустила молву, что и тебя желаютъ избрать предводителемъ.»

— Помилуйте вы меня, Авдотья Макаровна!.. Вы сами изволите знать, что я не могу быть предводителемъ, какимъ должно быть. Я ни за что не соглашусь...—

«Ты что-то разговорился? вскричала она, вставая ко мнѣ: какъ смѣешь не соглашаться, когда я...»

— Согласенъ, ей Богу, согласенъ, Авдотья Макаровна! поспѣшилъ я сказать, зная по опыту, что когда она примется что доказывать, то уже докажетъ. Сильно было ея краснорѣчіе. Притомъ же замѣтивъ, что уже точно разговорился противъ обыкновеннаго, поспѣшилъ замолчать.

«Тото же, сказала она, и усѣлась по прежнему. Для этого мы ѣдемъ на выборы. Ты одинъ, безъ меня, ничего не произведешь, тебя не замѣтятъ, и ты не съумѣешь выказаться. Жива не хочу быть, если не сдѣлаю тебя предводителемъ. И тогда... рекрутская раскладка, опеки, наряды... все въ моихъ рукахъ! Тогда я стану на своемъ мѣстѣ, а, можетъ быть, пойду и далѣе. Вотъ цѣль, которой я всегда достигнуть хотѣла. Не ты своею особою, не ничтожный твой чинишка нуженъ былъ мнѣ; богатство твое—вотъ на чемъ я основала всѣ мои надежды. Для полученія его я рѣшилась подвергнуть себя молвѣ и сужденіямъ людскимъ. Пусть теперь говорятъ, что хотятъ; кончено, я достигла своего. Я такой правдоподобный видъ дала всему дѣлу, что врядъ ли кто усомнится. Твое дѣло точно также пересказывать всѣмъ. Слышишь?»

— Слышу, Авдотья Макаровна! —

«На дняхъ выѣзжаемъ въ намѣстническій городъ, чтобы заблаговременно устроить все. Собирайся. Слышишь?»

— Слышу, Авдотья Макаровна! — сказалъ, да и пошелъ къ себѣ.

«Собирайся», сказала она мнѣ, кажется, на смѣхъ. Могъ ли я собираться, когда не властенъ былъ ни въ чемъ, даже въ себѣ. Она, моя заботливая супруга, она собирала меня и устраивала все, какъ самый опытный въ интригахъ. Все лучшее, блестящее, роскошное въ домѣ она отправляла въ городъ. Огромнымъ количествомъ провизіи, сухой и жидкой, были навьючены фуры; при нихъ слѣдовали повара, приспѣшники, булочницы и другая прислуга, необходимая въ городѣ. Въ заключеніе поведены были двѣ четверни отличныхъ лошадей одношерстныхъ, вороной и сѣрой масти, слѣдовали и двѣ двумѣстныя кареты, и все это подѣленіемъ: карета и лошади барина, карета и лошади барыни.

Дворецкому при обозѣ приказано было нанять въ городѣ домъ, болѣе прочихъ пышный и въ видномъ мѣстѣ, убрать его повеликолѣпнѣе, каждый вечеръ освѣщать, и на вопросы любопытствующихъ сказывать: «квартира Петра Степановича и Авдотьи Макаровны Столбиковыхъ. Изволятъ быть на выборы; гнѣваются на меня, что квартира тѣсновата, привыкли жить роскошно и располагаютъ жить въ городѣ открыто.» Спросить, скоро ли будутъ? Отвѣчать: «ожидаемъ каждый день, изволятъ ѣхать обозно, и потому, видно, замедлили.» При чемъ приказано было лошадей, подѣ красивыми попонами, водить къ водопою мимо квартиръ съѣхавшихся на выборы; чрезъ день, чрезъ два проѣзжать ихъ въ парадныхъ каретахъ лучшими улицами въ городѣ. Подтверждено было свести знакомство съ прислугою дворянъ нашего уѣзда или и другихъ, кто поважнѣе, а если можно, и съ письмоводителями предводителей, и имъ по довѣренности рассказывать: «господъ нашихъ конечно позадержали гости; ежедневно пріѣз-

жають, упрашивають барина быть предводителемъ. Такъ они, не хотѣвши и боясь, чтобы за глаза не выбрали, сами изволятъ ѣхать, а барыня не могли съ ними разстаться. Недавно женились и живутъ какъ голубки.»

По чести говорю, что я, боясь за неправду грѣха, въ этомъ приказаніи не участвовалъ и полсловомъ; моя Авдотья Макаровна все устроивала и говорила: «Вотъ откуда должно начинать дѣйствовать.»

Распорядивъ всѣмъ, пустились наконецъ и мы въ путь въ четверомѣстной каретѣ. За нами слѣдовала коляска съ горничными жены моей, тамъ другая съ дворецкимъ и камердинеромъ моимъ; за ними на трехъ фурахъ дорожная мебель и кухня. Если бы я ѣхалъ одинъ, то и десятой доли не потребовалъ бы везомага за мною, но жена моя... ужъ какъ любила пышность и блескъ! все хотѣла, чтобы ее принимали за знатную барыню. При томъ же она говорила: «все это необходимо, чтобы дать себя замѣтить, заставить говорить о себѣ и вынудить вниманіе; а чрезъ то можно и быть избрану по желанію.»

При такой пышности, предъидущей и сопровождающей меня, я точно представлялъ собою искателя не только въ уѣздные, но и въ губернскіе. Съ такимъ запасомъ какъ и не балотироваться въ эту должность!...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ-НАДЕСЯТЬ

О томъ, что мы видѣли по дорогѣ въ
ГОРОДЪ.

Совершая путь свой такъ пышно и бучно, мы прославились и своею щедростью. Занимали большое число квартиръ, спрашивали во множествѣ всякой провизіи, платили за все щедро, а отъ того и величали

меня гдѣ полковникомъ, а гдѣ и княземъ. Жена моя — какъ и должно — была главнымъ лицомъ. При расчетѣ во услышаніе всѣхъ говорила мнѣ съ ласкою: «Не спорь, мой другъ, съ бѣдными людьми; плати все, чего требуютъ; для насъ деньги соръ, а они ихъ вырабатываютъ своими трудами.» Молва о щедрости нашей не только оставалась за нами, но какъ мы ѣхали тихо и иногда для отдыха дневали, то и впереди уже знали о приближеніи нашемъ: когда мы въѣзжали въ какое селеніе, жители спѣшили приносить все, чего намъ нужно было, и просили позволенія поглядѣть на «милостивую барыню, что жалѣетъ бѣдныхъ людей.»

Дорогою мы наѣзжали на странные обозы. На нѣсколькихъ саняхъ ѣхали разныхъ лѣтъ люди, въ поношенныхъ и, какъ видно было, чужихъ шубенкахъ, плащахъ и т. под.; одинакаго разбора были у нихъ шапки и другія дорожныя принадлежности. За ними слѣдовали фуры съ сундуками, коробками, узлами, битою птицею, хлѣбомъ и боченками. При всякомъ такомъ обозѣ былъ приставъ, командовавшій и везомыми людьми. Когда они жаловались на холодъ, приставъ останавливался у постоялаго двора, вводилъ ихъ въ избѣ, давалъ водки, кормилъ хорошо и опять пускался въ путь. Обходился же съ ними безъ чиновъ: если кто изъ нихъ при выходѣ изъ постоялаго двора оставался въ избѣ, онъ кричалъ на него: «эй, ваше благородіе, сѣрая шапка!.. ваше благородіе, красный поясъ! Скорѣе садитесь, поѣдемъ; нужно поспѣшать.»

Случалось видѣть и этихъ молодцевъ умствующими надъ приставомъ: то вина мало, то обѣдъ скуденъ; и тутъ они шумѣли и напоминали, что ихъ не такъ трактуютъ, какъ было условіе.

«Условіе.» Слѣдовательно это подрядчики на какуюнибудь работу? Но какая же могла быть работа зимою, въ Декабрѣ, предъ праздниками? — На одномъ ноч-

легѣ, призвавъ къ себѣ пристава ночевавшего тамъ транспорта, я спросилъ объ этомъ, и вотъ что отвѣчалъ онъ мнѣ въ фигурныхъ выраженіяхъ:

«Это точно, сударь, подрядчики, но на другое дѣло. Баринъ мой, если изволите знать, Сидоръ Кондратьичъ Баламутинъ, по многимъ своимъ судопроизводнымъ дѣламъ, *интересуется* въ томъ, чтобы хороши были судьи и капитанъ-справники и защищали бы ихъ правосудіе. Вотъ, какъ приходитъ *булыровка*, и онъ, желая избрать по своему *искусству*, приглашаетъ... да чего тутъ въ секретъ входить?... лучше просто сказать, нанимаетъ бѣдныхъ дворянъ, которымъ и ѣсть-то нечего. У троихъ помѣщичьихъ семействъ двѣ души крестьянъ да десятинадцать земли. Расплодились до того, что и дѣлиться не-чѣмъ. А поди ты съ ними, помѣщики. Служить же не хотятъ и обращаются въ праздности. Такихъ-то его милость, Сидоръ Кондратьичъ и *принимается* на выборы; устроить съ ними договоръ и везетъ въ городъ на всѣхъ своихъ фуражахъ, а въ городѣ *пріодѣнетъ* въ красные *мундѣры* и прочую потребность, что веземъ *кучи кучинскія*, что на кого придетъ, ужъ не до *формуляра* тутъ. Привезши на выборы, укажетъ имъ, что дѣлать слѣдуетъ, и остается *въ удовольствіи*.»

— И отвозите также на своемъ коштѣ? — спросилъ я.

«Какже, сударь! уговорная рѣчь. Подъ часъ бываетъ и такой *рыскъ*, что выйдетъ какая неудача, изволите знать, не по *правствениости* барина моего произойдетъ выборъ, вотъ мы, снявъ все наше, да съ квартиры долой. Пошли-себѣ *повальнымъ обыскомъ*, *пѣшкомъ* по домамъ, а часто отъ большой *расторопности* въ худой обуви.»

Такую промышленность я очень одобрялъ. Опытный знаетъ людей, годныхъ къ дѣлу, и по способностямъ назначаетъ каждому должность. Для содѣйствія приглашаетъ другихъ, руководствуетъ ими, и по бѣдности

ихъ, награждаетъ за участіе. Это такъ мнѣ понравилось, что я, рассказывая женѣ, жалѣлъ, что мы не прибѣгли къ такому средству.

«Эти штуки очень плоски, сказала она, и выходятъ изъ употребленія, какъ осмѣяныя всѣми. Тамъ на мѣстѣ дѣйствуютъ иначе, не давая впрочемъ замѣтить себя. Вотъ увидишь, какъ поступимъ мы, или лучше, я. Такъ ли?»

— Такъ, Авдотья Макаровна. —

Такъ разсудила и постановила моя жена, которая точно была ума большаго; скажу вообще, если бы ей другой нравъ, другой характеръ, другія желанія, другія склонности, другая наружность и другое имя, она была бы отличная жена къ моему спокойствію!.. Но... Такъ и быть! Молчаніе!

Когда мы приближались къ намѣстническому городу, насъ обгоняли дворяне молодыхъ лѣтъ, скачущіе ночь и день, и все на обывательскихъ лошадяхъ, тройками и пятерками, съ верховыми провожатами. Бѣдные мужички должны были имъ поставлять, кромѣ лошадей, все, требуемое изъ пищи и питья. Каждый грозилъ имъ, что будетъ капитанъ - исправникомъ, требовалъ, колотилъ ихъ бѣдныхъ и получалъ все безотговорочно. Поблагодаримъ же кто, ѣхалъ смирно, лошадей нанималъ, за все платилъ; того мужики и не уважали и часто не исполняли его требованій, хотя бы и за деньги; а при томъ и говорили въ упрекъ: «Плохой баринъ; справникомъ не будь; куда ему, а только што развѣ производителемъ. Таковской!»

Чего-то, путешествуя, не увидишь и не услышишь!

Какъ мы ѣхали медленно, то время, назначенное для выборовъ, сближалось. Уже начали насъ обгонять и послѣдніе дворяне нашего уѣзда, т. е. имѣющіе вѣсь въ мнѣніяхъ другихъ. Тутъ жена моя принялась за дѣйствіе. Всѣхъ проѣзжающихъ звала къ себѣ на квар-

тиру, угощала обѣдомъ, ужиномъ, подчивала наливками своего произведенія, одна другой лучше, лакомѣе — и тутъ заводила рѣчь о выборахъ, спрашивая, кого куда подумываютъ. Начинала всегда съ меньшихъ должностей, перебирала и судила безпристрастно. Приведя бесѣдующихъ къ откровенности и поселивъ къ себѣ довѣренность, тутъ она нечувствительно перейдетъ къ выбору предводителя и, введя ихъ въ рѣчь, сама слушаетъ. Она выпытаетъ, кто желаетъ, у кого какъ сильна партія, и если рассказывающіе не принадлежатъ ни къ какой партіи, тутъ она всѣхъ искателей разберетъ въ тонкость и хитро докажетъ, почему кто неспособенъ къ этой должности, и тѣмъ поставитъ бесѣдующихъ въ недоумѣніе. Если же замѣтитъ, что они расположены поддерживать предъ-избраннаго ими, тутъ она согласится съ ними, станетъ просить, чтобы открыли весь планъ своихъ дѣйствій и приняли бы ее въ соучастницы и наставляли бы ее, гдѣ и какъ должно дѣйствовать. «Мы, женщины, прибавляла она, можемъ искуснѣе дѣйствовать, нежели вы, мужчины. И такимъ образомъ такъ опутаетъ бесѣдующихъ, что тѣ расположатся со всѣмъ усердіемъ помогать ей.

Успѣвъ съ этой точки, она самымъ хитрымъ и лукавымъ оборотомъ укажетъ на меня, что якобы многіе просили меня не отказаться отъ этой должности. «А вы не знаете моего мужа? говоритъ она. Онъ не можетъ отказать общей просьбѣ. Въ помощь ему сама рѣшилась ѣхать.»

И вотъ отъ слушающихъ начинаются возраженія. Да почему же имъ не служить? и много тому подобнаго. Тогда жена моя только слушаетъ, соображаетъ и тотчасъ замѣтитъ, противъ чего ей должно употребить все, чтобы опрокинуть. Потомъ, будто со всѣмъ чистосердечіемъ, скажетъ съ улыбкою еще: «Конечно, я его очень знаю; онъ такъ благороденъ, что ни за что не пойдетъ про-

тивъ воли дворянъ: что скажутъ, то и исполнить. Въ эти три года у васъ предводителя не было бы, онъ только слушалъ бы васъ и подобныхъ вамъ; все такъ, но я его не допущу...»

— Почему же, помилуйте! Мы будемъ васъ просить... —

«Ни за что не позволю. Вы не знаете, что онъ со мной сдѣлалъ. И начнетъ пересказывать сочиненную ею исторію о чудномъ нашемъ бракѣ, взаимной нашей привязанности и что будто я готовъ всѣмъ презрѣть, лишь бы не разлучаться съ нею. «Конечно—продолжаетъ она, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ искренно — будемъ говорить чистосердечно, мы въ дружеской бесѣдѣ, а не на выборахъ, и все останется между нами; конечно, человеку, столько видѣвшему, какъ мужъ мой, грѣшно закупориться въ деревнѣ и не служить. Онъ столько имѣлъ опыта въ своей жизни: онъ, по неограниченной къ нему довѣренности губернатора, почти управлялъ намѣстничествомъ, вся секретная часть была на его рукахъ; у него отнято было все имѣніе въ малолѣтствѣ, но онъ, выросши и оставивъ службу, одинъ безъ протекціи, повернулъ все дѣло и отнялъ у чужихъ все, принадлежавшее ему; и все это однимъ даромъ слова и рѣзкимъ письмомъ. Вы не смотрите, что онъ такъ скромень; его нужно воспламенить. Чѣмъ же другимъ онъ могъ бы меня заставить пойти противъ выгодъ сестры? При томъ же какія у него свѣдѣнія по всѣмъ хозяйственнымъ частямъ!.. Сколько онъ исправилъ запутанныхъ имѣній! Самъ писалъ учрежденія для управленія ими, и эти учрежденія дошли до правительства. Извините... болтливость счастливой жены, гордящейся тѣмъ, что человекъ съ такими дарованіями не хочетъ занять мѣста, гдѣ бы онъ былъ полезенъ обществу, а посвящаетъ всего себя для спокойствія имъ избранной.

Я же говорю: какова была мастерица всему дать другой и самый справедливый видъ! Въ любое государство первымъ министромъ, и не испортила бы.

Слушающіе ее говорящую съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, такъ и видно, что во всемъ вѣрятъ ей... Да чего... Самъ я, зная себя болѣе, чѣмъ кто другой, и живо помнящій, что со мною происходило и гдѣ я какъ дѣйствовалъ, слѣдовательно знающій, что она говоритъ неправду, до того заслушаюсь ее, что слѣпо ей вѣрю во всемъ и готовъ божиться, что все это такъ было и есть, какъ говоритъ она; постороннимъ же, не знающимъ ничего, простительно вѣрить; они съ изумленіемъ поглядываютъ другъ на друга, на меня съ какимъ то уваженіемъ, и приступятъ съ просьбами къ ней, чтобы и она согласилась и меня убѣдила согласиться на общее желаніе.

«Общее желаніе? скажетъ она, подумавши и какъ будто пригорюнясь. Гдѣ оно до дѣйствительнаго выбора, до положенія шаровъ! Положимъ, онъ послушаетъ меня, рѣшится на балотировку... а сколько ищущихъ этого мѣста?... Партіи ихъ повлекутъ всѣхъ за собою, и мужъ мой останется при одномъ бѣломъ шарѣ...»

— Помилуйте, вскрикиваютъ собесѣдники; да вотъ уже у васъ сколько шаровъ? Всѣ мы будемъ дѣйствовать, говорить, убѣждать всѣхъ; только согласитесь.—

«Поѣзжайте - ка въ городъ, скажетъ имъ жена. Тамъ другой воздухъ, другіе люди, другія мнѣнія... я здѣсь въ простой хатѣ, съ пріятелями, говорила чисто-сердечно... тамъ вы найдете другое.»

— И тамъ то же будемъ чувствовать и говорить. Вы увидите. — И съ тѣмъ разстанутся.

Такими и другими, не менѣе ловкими средствами Авдотья Макаровна, еще и не въѣхавъ въ городъ, составляла свою партію.

«Вотъ какая я жена у тебя! говорила она потомъ мнѣ. Такъ бы долженъ дѣйствовать другъ твой»

или соучастникъ въ намѣреніи твоёмъ; но какъ у тебя ни друга, ни соучастника, да и намѣренія не найдешь, то и остался бы безо всего; но я принялась дѣйствовать и... охъ, трудно вато!...» скажетъ она, и задумается, склонивъ голову; потомъ вскрикнетъ: «Но... меня станетъ на все... Согласенъ ли ты, что тебѣ такая жена нужна была?»

— Согласенъ, Авдотья Макаровна, согласенъ—спѣшилъ я отвѣчать ей.

ГЛАВА ПЯТАЯ - НАДЕСЯТЬ,

въ которой описываются дѣйствія наши въ городѣ предъ выборами.

Какъ ни заблаговременно мы распорядились, но уже не нашли для себя квартиры, какой желала Авдотья Макаровна. Всѣ лучшіе дома въ городѣ были наняты искателями мѣстъ или имѣющими свои виды на выборъ чиновниковъ. Нанимались дома цѣлыми обществами отъ уѣздовъ. Намъ пріискали не пышный, не нарядный, но довольно удобный для предполагаемыхъ угощеній; а что выгоднѣе всего, такъ то, что квартира наша была близъ самаго того дома, гдѣ предположено было быть выборамъ. Расчетливая и смѣтливая супруга моя хотя и посердилась сначала, но, сообразивъ все, утѣшилась, была даже довольна, и приступила къ дѣйствіямъ.

Приказала мнѣ снарядиться и ѣхать къ начальству и ко всѣмъ съѣхавшимся дворянамъ, кои занимаютъ большіе дома. Протвердила мнѣ нѣсколько разъ, какъ я долженъ рекомендоваться. О чинѣ моемъ, къ моему сожалѣнію, не было помина, а исчислялись владѣнія мои во всѣхъ намѣстничествахъ. Тутъ же долженъ былъ я склонять рѣчь на женитьбу мою и говорить, что конеч-

но исторія о необыкновенной женитьбѣ моей разнеслась всюду и въ превратномъ видѣ. Въ опроверженіе нелѣпыхъ слуховъ я долженъ былъ рассказывать все, сочиненное женою моею, какъ она уже объявляла прежде; подтверждать, что необыкновенный умъ ея обратилъ мое вниманіе, и я, чтобы упрочить счастье жизни моей, рѣшился на такой поступокъ; что совѣсть меня тревожить, когда я вижу, что жена моя еще сокрушается и не совершенно еще привыкла ко мнѣ и къ деревенской жизни; что для доставленія ей отрады и разсѣянія, располагаю или переѣхать на житѣе въ городъ или ѣхать въ столицу; что, говоря безпристрастно и вовсе не тономъ влюбленнаго мужа, мнѣ бы досадно было такой умъ, какимъ одарена жена моя, скрыть въ деревнѣ. Если станутъ спрашивать меня, располагаю ли я искать службы по выборамъ; то дворянамъ своего уѣзда говорить, что я не смѣю располагать собою и все зависеть отъ воли ихъ, и что я вмѣню себѣ въ отличную честь, если, бывъ мало имъ извѣстенъ, назначенъ буду на службу, въ какую должность угодно, хотя бы въ засѣдатели нижняго земскаго суда, дабы показать имъ, что я не иду противъ назначенія ихъ. Прочимъ же я долженъ былъ говорить, что я въ недоумѣніи: дворянство желаетъ избрать меня въ предводители, просятъ меня о томъ, жена моя не соглашается на выборъ мой. Не знаю, какъ и поступить въ такомъ случаѣ: согласясь на волю жены, огорчу дворянство, или, принявъ ихъ лестный выборъ, причиню женѣ новое огорченіе.

Эту роль я долженъ былъ крѣпко затверживать. Повторивъ предъ женою все, приказанное мнѣ, какъ школьникъ урокъ, я принялъ отъ нея еще слѣдующее наставленіе:

«Хорошо; я тобою съ этой стороны довольна. Но вотъ главное: надобно увѣрить всѣхъ о твоёмъ умѣ. Вотъ тутъ намъ и бѣда. Гдѣ взять, чего нѣтъ? А ума

ни купить, ни выпросить нельзя. По крайней мѣрѣ поступай такъ: что ни будутъ говорить, слушай съ большимъ вниманіемъ. Ты, голубчикъ, многого не поймешь; нужды нѣтъ, слушай только пристально. Кое-гдѣ улыбнись, хотя бы на серьезномъ разсужденіи; гдѣ сдѣлай знакъ головою въ знакъ согласія; гдѣ и словомъ утверждай, что это точно такъ, а особливо, когда говоритъ одинъ изъ всѣхъ или вельможа. Когда нѣсколько оспариваютъ одного, то ты, при защищеніи имъ своего мнѣнія, также улыбайся, рукой или головой дѣлай знакъ отрицанія, отойди нѣсколько и смотри на него съ сожалѣніемъ; но, замѣтивъ, что онъ убѣждаетъ прочихъ, дѣлай и ты видъ, что согласенъ съ нимъ. Если станетъ спрашивать твоего мнѣнія человѣкъ, съ которымъ всѣ согласны, ты отвѣчай, что тебя и спрашивать не нужно, что мнѣніе твое всегда было самое справедливое и согласное съ нимъ. Если же спрашиваетъ мнѣнія оспориваемый другими, тутъ улыбнись, засмѣйся даже и скажи рѣшительно: «Полно, полно. Вы знаете, что я сказать долженъ.» И отойди скорѣе съ улыбкою на лицѣ. Такъ дѣйствуя, прослывешь благоразумнымъ, тонкимъ и осторожнымъ, обратишь на себя вниманіе и будешь уважаемъ.»

Получивъ полную во всемъ инструкцію, поѣхалъ я въ блестящемъ экипажѣ развозить визиты по городу. Съ сердечнымъ наслажденіемъ катился я по широкимъ улицамъ нашего намѣстническаго города, поглядывая на людей, которые, встрѣчаясь мнѣ, любовались великолѣпною каретою и красивыми лошадьми въ щегольской упряжи. Самъ имѣлъ восторгъ слышать разспросы у людей моихъ: «Чей экипажъ? Откуда баринъ вашъ?...» и проч.

Я былъ вездѣ принимаемъ хорошо. Вездѣ находилъ большія общества съѣхавшагося дворянства. Вездѣ исторія женитьбы моей, теперь лишь въ городъ достиг-

шая и рассказанная слышавшими отъ жены моей, вездѣ была на языкахъ. Всѣ приписывали мнѣ благоразуміе и расчетъ. По этой причинѣ всѣ обращались со мною почтительно, и я былъ у всѣхъ на замѣчаніи.

При разсужденіяхъ о предстоящихъ выборахъ я, на вопросы, всегда отвѣчалъ по велѣнію жены моей, и имѣлъ удовольствіе слышать около меня разговоры: «Куда! съ его головою только и служить.» Другіе говорили: «Каковъ у него экипажъ, такъ и губернскаго загоняетъ.» Нашего уѣзда дворяне, слыша отъ постороннихъ сужденія о моихъ достоинствахъ, дивились моему униженію и кротости, когда соглашался я служить засѣдателемъ въ нижнемъ земскомъ судѣ, и говорили, что я достоинъ занять должность въ уѣздѣ и самую первую.

Когда я такъ блисталъ въ одномъ концѣ города, жена моя не только не меньше, но еще преимущественнѣе блистала по улицамъ экипажемъ, въ гостиныхъ умахъ, ловкостью, вкусомъ и богатствомъ въ нарядахъ. Какъ она это устроила, не знаю, но всѣ заговорили о насъ съ самой выгодной стороны и стали почитать меня человѣкомъ достойнымъ служить въ высшихъ должностяхъ. Въ свою очередь насъ посѣщали многіе, дивились пышности, хвалили вкусъ во всемъ...

Спрашивается: обратили ли бы мы такое всеобщее вниманіе, если бы не имѣли блестящаго экипажа и прочихъ пышностей?

Благодаря слѣпому счастью, мы стали на ряду первыхъ людей, даже въ намѣстничествѣ, и намъ — или лучше, мнѣ — приписывали такія достоинства, о которыхъ я и во снѣ не видалъ, не только чтобы ихъ имѣть въ сущности.

Окончивъ первое дѣйствіе — или только прологъ — нашего представленія, когда мы остались одни (мы имѣли въ тотъ же день посѣщенія отъ многихъ), жена сказала мнѣ: «Начало сдѣлано и, кажется, весьма удачно.

Уже ты стоишь на ряду именитыхъ людей въ намѣстничествѣ. Завтра пустимся далѣе. Каково я веду свои дѣла?» спрашивала она меня.

— Чудесно, превосходно! Авдотья Макаровна — говорилъ я. Да оно и было такъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ-НАДЕСЯТЬ,

въ которой описываются дѣйствія другихъ дворянъ.

На другой день приготовлялся у насъ огромный обѣдъ и посланы приглашенія отъ моего имени къ незначущимъ, которые уже дали слово и обязаны были поддержать меня въ выборѣ въ предводители. На явно несогласныхъ мы и смотрѣть не хотѣли; для тону же просили нѣсколько изъ почетныхъ чиновниковъ по намѣстничеству, которые по выборамъ ничего не значили, но любили покушать хорошо и потомъ славили хозяевъ, угостившихъ ихъ, и приписывали имъ такія достоинства, которыхъ они и не имѣли.

Распорядительница всего этого, моя возлюбленнѣйшая супруга, Авдотья Макаровна, приказала мнѣ ѣхать къ дядѣ моему Осипу Семеновичу, помѣщику въ другомъ уѣздѣ, не идущему за нѣкоторыя слабости въ выборѣ, но большому интриганту не только въ своемъ, но и въ другихъ уѣздахъ, и имѣющему вездѣ большое вліяніе. Отъ него приказали мнѣ явиться у своего предводителя съ актами о правѣ моемъ на выборы и просить о записаніи меня въ число наличныхъ. Само собою разумѣется, на оба сіи «визита» даны мнѣ были самыя подробныя наставленія, что гдѣ говорить и какъ поступать. Провожая меня, она, вздохнувши, сказала: «Ахъ, какъ жаль, что я не мущина и что мнѣ не можно бигдѣ лично дѣйствовать! Хотя бы мнѣ какой-нибудь по-

моцникъ, который бы работалъ по моему плану тамъ, гдѣ мнѣ нельзя быть.»

Увѣривъ ее, что не упущу ничего и буду поступать осторожно и тонко, я отправился.

Осипъ Семеновичъ, не знавшій меня прежде, когда услышалъ о родствѣ нашемъ, тотчасъ обласкалъ меня, и хотя мы были дальніе между собою родственники, но, какъ водится у насъ, обращался со мной какъ самый ближайшій. При первыхъ словахъ онъ, какъ будто что вспомнивъ, спросилъ меня:

«Ба! не желаешь ли быть куда избранъ?»

— Ревностное имѣю желаніе служить обществу. Помогите, дядюшка. —

«Въ какую должность желаешь? Скажи мнѣ откровенно.»

— Если позволите мнѣ говорить прямо, отвѣчалъ я словами, приказанными мнѣ Авдотьей Макаровною; то я, не чувствуя себя способнымъ ни къ судебной, ни къ полицейской части... —

«И! Богъ съ ними. Какъ тебѣ, такой фамиліи и съ такимъ богатствомъ торчать въ такихъ низкихъ должностяхъ! Бери выше, приличнѣе.»

— Я желалъ бы служить предводителемъ въ уѣздѣ. —

«Такъ и должно мыслить. Вижу, что въ тебѣ течетъ наша кровь. Желаніе почестей — это черта нашего благороднѣйшаго рода; а труды и заботы по службѣ пусть остаются прочимъ. Не опоздалъ ли ты, голубчикъ? Дѣйствовалъ ли ты умненько? На языкахъ ли ты у своихъ и по губерніи?»

Тутъ я рассказалъ о женитьбѣ своей изъ сочиненія Авдотьи Макаровны, и какъ о томъ всѣ говорятъ и интересуются видѣть меня. А пріѣхавъ сюда, продолжалъ я, пышностію экипажа и лошадей успѣлъ обратить всеобщее вниманіе до того, что когда я

проѣзжаю улицую, то всѣ засматриваются на экипажъ мой и спрашиваютъ, кто это ѣдетъ? —

«Ладно придумалъ. Видно бывалый, а? Теперь я тебя увѣрю, что ты на языкахъ и тебя упоминаютъ между назначенными въ выборъ. А это очень важно; стало, основаніе положено.» Потомъ, осмотрѣвъ меня, продолжалъ: «Вотъ только наружность-то подгадила; не прогнѣвайся за правду. Къ твоему состоянію и экипажу дай тебѣ ростъ и взрачность, такъ ты бы у насъ и губернской.»

— Помогите, дядюшка, хотя въ уѣздные попасть и посодѣйствуйте. —

«Да какъ? время уже близко.»

— Я пріѣхалъ просить васъ пожаловать ко мнѣ откусать; у меня соберутся наши и еще кое-кто... —

«Прекрасно! Да ты мастерски ведешь дѣло! Буду непременно...»

Тутъ слуга доложилъ о пріѣздѣ «какого-то гостя» — и вошелъ старичекъ мизерной фигурки.

Послѣ дружескихъ объятій и восклицаній разговоръ тотчасъ начался о предстоящихъ выборахъ. Гость спросилъ: «Скажите мнѣ по дружбѣ и откровенно, кто будетъ у васъ исправникъ и судья?»

Дядюшка посмотрѣлъ на него съ недоувѣрчивостью, и отвѣчалъ: — Увидимъ, кого шары покажутъ. —

«Э-эхъ, Осипъ Семеновичъ! возразилъ гость; пріятели не такъ говорятъ между собою! Вѣдь я знаю, что все вами дѣлается. Будьте откровенны; мнѣ въ томъ большая нужда. Винокурнишки мои вѣдь въ вашемъ уѣздѣ, а къ нимъ подошли привилегированные. Ну такъ знаете? и се и то, и прочее-десятое случается: вотъ исправникъ намъ и нуженъ. Также и откупишки мои все требуютъ съ этими людьми частыхъ сношеній. Когда, по дружбѣ вашей, вы мнѣ откроете, на кого метите, такъ я заранѣе съ нимъ познакомлюсь, да и обсылочки, на

первый случай, кое-какія, будто-бы, якобы спроста, безъ умысла сдѣлаю, такъ онъ и нашъ; а потомъ и о дѣлѣ могу смѣлѣе говорить. Пожалуста, скажите прямо.»

— Когда правду сказать, отвѣчалъ дядя; ей! и самъ не знаю. Все, что только называется дворяниномъ, все лезетъ въ исправники, и партію собираетъ, и пирушки дѣлаетъ. А скажу вамъ, и пусть это останется между нами, мы мѣтимъ на одного изъ нашихъ, я васъ съ нимъ познакомлю уже. Вотъ ужъ человѣкъ! Правду сказать: «нашъ.» Знаетъ дѣло и мастеръ его повести. Изъ бездѣлицы расплодить до безконечности и, кого надобно, опутаетъ; а изъ важнаго такъ переведетъ, что въ пыль и прахъ все разсѣется. Отличный слѣдователь! Малой услужливый, благодарный, помнить одолженія. Поищите его, а онъ самъ все смекнетъ. —

«А какъ цѣненъ?» спросилъ гость.

— Не изъ большаго бьетъ. Не знаю, какъ будетъ исправникомъ, а засѣдателемъ бывши, никогда не торговался, а всѣмъ доволенъ. Это еще новый образецъ. Въ нашъ вѣкъ такъ не бывало. Такса была на все. —

«Умудряется, батенька, свѣтъ и все приводится въ методу. Чтожъ? Я вамъ скажу: кто беретъ съ торгу, все вдругъ, тотъ для насъ лучше. Какъ разомъ отсыпешь, такъ онъ у меня въ зависимости: и требовать, и настаивать, да и пугать-то можно. А какъ по малости берутъ, такъ и не помнятъ. Повторяешь, повторяешь — гляди, малость превзойдетъ и большое, а дѣло не сдѣлается. Много далъ, многого и требуй. Судьею же кого поставите?»

— Мѣтимъ на человѣка отличнаго, глубокомысленнаго, степеннаго, важнаго; два раза былъ въ Петербургъ; съ свѣчою поискать такого. —

«Гмъ! важный. Къ нему не знаешь съ чѣмъ и подойти.»

— Вотъ тутъ ужъ грѣхъ сказать: тутъ все на вѣсѣ и мѣру. За пріемъ, за совѣтъ, за пріисканіе закона,

за рѣшеніе, за все у него положено. И всегда впередъ. Усилишь приношеніе, усилить и указцовъ. Прибавляй, а онъ переворачиваетъ листокъ и за конецъ подберетъ, а что не нужно, подъ сукно. Говорить же какъ ораторъ. Вотъ онъ скоро будетъ; я васъ познакомлю. —

«Еще мнѣ нужда узнать, кто будетъ въ *такомъ-то* уѣздѣ (онъ назвалъ мой уѣздъ) предводителемъ?»

— Вотъ кстати, сказалъ дядя, и подвелъ меня къ гостю. Рекомендую вамъ племянника моего Петра Степановича Столбикова, помѣщика въ разныхъ уѣздахъ, но живущаго въ томъ, о которомъ вы спрашиваете. Молодой человѣкъ, но читалъ старыя книги. —

Ума не приберу, откуда дядюшка зналъ, что я читалъ не одинъ разъ Письмовникъ Курганова?

Потомъ дядя сказалъ мнѣ: «А это Матвѣй Степановичъ Моргушкинъ, помѣщикъ..... уѣзда. Люби его и уважай. У насъ такихъ людей немного, и тѣ переводятся. Вотъ его-то, Матвѣй Степановичъ, весь уѣздъ единодушно избираетъ въ предводители; такъ же фанaberія вошла въ голову: «я-де молодъ на такое высокое званіе.» Вотъ я его и призвалъ и уламываю. Помогите и вы мнѣ уговорить его; а ужъ знаю, что нашъ будетъ.»

— Помилуйте, батенька, сказалъ мнѣ Моргушкинъ, какъ можно отказываться отъ такой чести? —

«Чувствую свои недостатки и нахожу много людей, достойнѣйшихъ меня», сказалъ я женщины слова.

— Униженіе паче гордости, сказалъ Моргушкинъ. Люди есть, но нуженъ человѣкъ. Вы же богаче всѣхъ въ уѣздѣ, всякій вамъ отдастъ преимущество. —

«Есть желающіе, будутъ оспаривать...»

— Не полагаю, сказалъ Моргушкинъ: мѣсто съ честью, да безъ жалованья и доходовъ, такъ рѣдко кто изъ насъ поищетъ его. —

«Да если бы кто и искалъ, такъ мы употребимъ все, чтобы ихъ не допустить. Давай, братъ-Матвѣй, руку и честное, благородное слово помогать ему.»

— Мнѣ всего легче, отвѣчалъ братъ-Матвѣй, содѣйствовать ему. У меня въ томъ уѣздѣ есть людцы, на которыхъ я имѣю вліяніе. Такъ? такъ такъ. Вотъ вамъ моя рука и самое честное... —

Вошедшій новый гость прервалъ нашъ разговоръ.

Гость былъ высокаго роста, плотный мужчина, съ надменнымъ видомъ, важною выступью и на всѣхъ смотрящій съ какимъ-то презрѣніемъ.

Хозяинъ намъ рекомендовалъ его, называлъ Викентіемъ Павловичемъ Выдубинымъ, и объявлялъ, что онъ будетъ у нихъ уѣзднымъ судьей.

«Вы всегда дѣлаете преферансы прежде времени, отвѣчалъ ораторъ; но надобно смотрѣть на горизонтъ и изъ того послѣдствія выводить опредѣлительность. Слышали ли вы новость?»

— Какую, какую? — спрашивали мы всѣ разомъ.

«Губернскій предводитель нашъ, прослужа намъ трехлѣтній карьеръ, хочетъ отрекомендоваться прочь и даже не балотироваться. Сейчасъ я съ прочими былъ у него, и онъ это объявилъ и просилъ дать ему абсолютъ; но я предложилъ поднести ему тандресь благодарительный.»

— Туда ему и дорога! сказалъ дядюшка. Намъ такого не нужно было и на три года. —

«Однако же, возразилъ Выдубинъ; объ немъ всѣ отлично отзывались у насъ въ Петербургѣ.»

— Гдѣ? Не во дворцѣ ли? — спрашивалъ дядя.

«О нѣтъ! отвѣчалъ будущій судья, я тамъ не могъ быть; но я слышалъ отъ портнаго, который работалъ на меня: онъ публично хвалилъ нашего губернскаго предводителя за его точность въ расчетахъ.»

— Ну, съ этою похвалою недалеко уйдешь — замѣтилъ дядя.

«Но если онъ откажется, тогда мы будемъ въ сюрпризѣ, кого избрать и кому предъ всѣми преферансъ дать.»

— Не о губернскомъ рѣчь, сказалъ дядя; какъ бы наши уѣздные выборы пошли ладнѣе? Дайте намъ совѣтъ, Викентій Павловичъ! Вы можете похвалиться передъ нами соображеніемъ. —

«Помилуйте! Соображеніе, теряя свою разнорѣчность, не можетъ имѣть вліянія на антипатію выборовъ; потому что конструкція и дальновидность въ соображеніи весьма видная бездѣлка и можетъ помрачить весь видимый надъ нами небесный амфитеатръ; я говорю, примѣняясь, то есть: а... а... антиподіею.»

— Удивительно! воскликнулъ дядя, всплеснувъ руками; какая способность говорить, изъясняться въ короткихъ словахъ! Всякаго другаго я тотчасъ пойму; а около него—не такъ-то. Всякое слово надобно порядочно пережевать. Откуда что берется! —

Краснорѣчивый судья будто не слыхалъ сказаннаго и, отворотясь съ самодовольнымъ видомъ, поправлялъ манжеты.

Воспользовавшись прекращеніемъ матеріи, я откланялся, и на прощаньи слышалъ отъ дяди увѣренія, что будетъ помогать мнѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ-НАДЕСЯТЬ

О ТОМЪ ЖЕ.

Оттуда пріѣхалъ я къ предводителю своего уѣзда. Онъ принялъ меня вѣжливо, благодарилъ, что я, молодой человѣкъ, не пренебрегаю своей обязанности, пріѣхалъ къ выборамъ. Пересмотрѣвъ поданные

ему бумаги о службѣ моей, самъ внесъ меня въ списокъ.

Кончивъ все, предводитель началъ объяснять, что онъ болѣе служить не можетъ, будетъ просить увольненія, и убѣждалъ согласиться на желаніе его, съ новымъ же выборомъ обратиться къ человѣку, понимающему эту священную должность. «Вы сами по себѣ знаете, прибавилъ онъ, какъ могутъ страдать невинные отъ ошибочнаго выбора. Вотъ ваше дѣло: оно тяготитъ меня чрезвычайно. Предмѣстники мои всѣ пострадали, теперь остается намъ въ собраніи судить опекуна вашего. Судъ будетъ справедливъ, но прискорбно, что между нами, въ благородномъ сословіи, явился человѣкъ съ такими качествами.»

— За все то, что онъ мнѣ сдѣлалъ, я, не желая ему и малѣйшаго зла, располагаю его простить и просить, чтобы дворянскій судъ надъ нимъ былъ прекращенъ безо всего — сказалъ я, какъ наставляла меня и въ этомъ моя Авдотья Макаровна.

«Такія чувства дѣлаютъ вамъ честь, отвѣчалъ онъ, и свойственны дворянину. Я буду имѣть честь объяснить это въ собраніи. Но прощать его вы не имѣете права. Онъ нарушилъ законъ, утѣсняя и раззоряя сироту, ввѣреннаго его попеченію. Онъ прикрывался закономъ, губилъ васъ. Онъ нравственный убійца. Имѣйте вы другаго опекуна, какого должны были имѣть, вы были бы другой человѣкъ для себя, семейства и общества.»

Какъ я не понялъ, къ чему онъ это говорилъ, то, слѣдуя приказаніямъ Авдотьи Макаровны, кивнулъ головою въ знакъ согласія.

Вышла предводителя жена. Она съ Авдотьей Макаровной уже познакомилась, а меня еще не видала. Теперь желала взглянуть на человѣка, женившагося такъ необыкновенно.

Не успѣли прекратиться первыя привѣтствія и расспросы о здоровьѣ жены моей, какъ доложили о пріѣздѣ какой-то барыни.

«Ахъ, Соничка! сказалъ предводитель; это самая смѣшная сцена будетъ. Не уходи. Мужъ ея хочетъ быть уѣзднымъ судьей и привезъ на свой счетъ цѣлыя фуры дворянъ. Я ихъ не допускаю и самого его также. Теперь конечно и она за тѣмъ.»

Тутъ вошла женщина огромной толщины, одѣтая чрезвычайно пестро, безъ всякаго вкуса, задышалась, и, не смотря на холодъ на дворѣ, имѣла въ рукахъ огромный вѣеръ съ картинкою, представляющею спускъ Монголѣрова шара.

«Первою обязанностью, матушка, Софья... какъ бишь... Дмитріевна, поставила, пріѣхавъ въ городъ, отдать вамъ свое почтеніе, говорила толстая гостья, усаживаясь по просьбѣ хозяйки на софу; какъ бы ни было, вы наша начальница.»

— Какіе могутъ быть между нами счеты? возразила хозяйка. Благодарю васъ, что вы предупредили меня. Я, какъ сосѣдка по деревнямъ, сама нашла бы васъ, если бы знала о пріѣздѣ вашемъ. —

«Живя, матушка, болѣе мѣсяца здѣсь въ городѣ, ужъ конечно изволили сдѣлать большія знакомства? Знакомы ли вы съ Лукерьею Степановною?»

— Не имѣю чести знать, отвѣчала хозяйка сухо. Кто это? —

«Какже? Здѣшняго уѣзднаго лекаря жена. А съ Палагеею Осиповною, казначейшею?»

— Нѣтъ. —

«А съ Маланьею Ивановною, секретаршею магистратскою?»

— Нѣтъ. —

«Съ кѣмъ же вы здѣсь знакомы? и захохотала. Но, разочтя, что неприлично смѣяться, начала удерживать-

ся и продолжала говорить: ужъ когда я дня три какъ здѣсь и успѣла сдѣлать съ ними знакомства; а вы, какъ видно, сидите-себѣ въ четырехъ стѣнахъ.» Тутъ видно напалъ на нее смѣхъ опять; но она, скрѣпивъ свои толстыя губы, удерживалась и только тряслась, сидя на софѣ... и вдругъ... не могли удержаться, прыснула на всю комнату и начала хохотать вдоволь.

Хозяева пересмѣивались между собою, глядя на нее.

Нахохотавшись, толстуха обратилась къ цѣли пріѣзда своего и, оборотясь къ предводителю, начала говорить: «Вотъ мой батюшка, Петръ Ивановичъ, и выборы начались. Пойдутъ перемѣны. Кто былъ наверху, сойдемъ внизъ; а заброшенные всплывутъ наверхъ. Перемѣны, перемѣны! Точное колесо!»

— Кажется, сударыня, не будетъ никакой перемѣны, сказалъ уже досадующій на нее предводитель: никто не упадетъ, никто и не возвысится. Всѣ останутся, какъ и были.—

«Врядъ ли, батюшка, останемся, чѣмъ были! Охъ! тяжело, какъ придется со власти вступить въ рядовые. Лучше за блага-ума, хочу, не хочу, спаси мя!» Такъ витіиствовала толстокорпусная гостья и, чтобы дать замѣтить, что она говоритъ это съ умысломъ, то моргала и широкими черными бровями и толстыми красными губами.

— Всѣмъ извѣстно, что въ нашей службѣ нѣтъ ни властей, ни рядовыхъ. Прослужившему свой курсъ нужно взять отдыхъ.—

«Я то и говорю, батюшка; хочу, не хочу, спаси мя! Вы также не располагаете болѣе служить?»

— Такъ точно, сударыня.—

«Такъ ужъ при отходѣ постарайтесь и въ пользу другихъ, которые могутъ быть полезны и вамъ. Да вотъ лучше я съ Софьею Дмитріевною улажу все дѣльцо.»

Предводитель, услышавъ, что кто-то пріѣхалъ, пошелъ встрѣтить, а гостья обратилась къ хозяйкѣ — и ну ее

цѣловать и приговаривать: «Матушка, Софья Дмитріевна! ужъ постарайтесь... ужъ обяжите... ужъ разодолжите... уговорите вашего Петра Ивановича, чтобы посодѣйствовалъ моему мужу быть судьею. А на свой счетъ не беспокойтесь. Тѣ двѣ тысячи...» сказала она въ полголоса: но хозяйка, какъ будто испугавшись, вскрикнула:

— Какія двѣ тысячи? —

«Вотъ что братецъ вашъ занялъ. Ихъ можно... такъ... какъ нибудь... Мой мужъ готовъ вашему мужу еще болѣе услужить, коли мѣсто за нами останется. Мы умѣемъ благодарить. Мѣстечко тепленькое; а безъ того, право, жить почитай не-чѣмъ.»

— Но братъ мой долженъ, а не я. —

«Это все равно. Что за счетъ между родными. Получите отъ братца, а съ нами... сосчитаемся послѣ, когда мѣстечко...»

— Ахъ, Боже мой! что вы мнѣ это говорите? Во первыхъ, я въ дѣла мужа моего никогда не мѣшаюсь; а къ тому же, мнѣ такъ странно слышать отъ васъ такія предложенія... Боюсь сказать мужу... я краснѣю за васъ... извините меня... —

Тутъ вошелъ предводитель, ведя за собою вновь прибывшаго гостя, старичка, въ маіорскомъ сертукѣ. Софья Дмитріевна бросилась къ нему съ большою радостью. Хозяева занялись дорогимъ своимъ гостемъ, спрашивали о его семействѣ, какъ онъ ѣхалъ, и т. под.

А между тѣмъ толстогубая гостя сидѣла-сидѣла, слушала-слушала говорящихъ, вертѣла пальчиками, вертѣла, да и вздремнула маленько, до того, что довольно громко всхрапнула. Хозяинъ, услышавъ это, послалъ къ ней жену. Та, почитая ее проснувшеюся, подѣла къ ней и безъ всякой предосторожности спросила громко: «Пробудете ли въ городѣ во все время выборовъ?»

— Уфъ! вскричала со сна гостья, какъ обваренная. Я отъ скуки и вздремнула - себѣ. — Тутъ начала зѣвать и крестить ротъ, продолжая говорить: — Ка... какже, матушка! Какъ жена, не модная, матушка, а стараго вѣку жена, я вхожу въ дѣла своего мужа и не отлучаюсь отъ него. Хотя мы люди старые и любви ужъ между нами не спрашивай; но я не брошу своей главы. Я, матушка, пріѣхала съ мужемъ моимъ на выборы, чтобы помогать мужу. Я, матушка, не какъ нѣкоторыя; я исполняю долгъ супружества и вхожу во всѣ мужнины дѣла. —

Тутъ подошелъ къ ней маіоръ, собравшій отъ предводителя подробныя о ней свѣдѣнія, и сказалъ: «Позвольте спросить васъ, сударыня! въ чемъ вы можете помогать вашему супругу при выборахъ?»

— Ахъ, батюшка! какъ же? отвѣчала она, во многомъ. Коли нада-тъ наклонить дворянство въ чью пользу, такъ мужъ слово, а я по своей части другое, и все таки не лишнее. —

«И позаботиться о привозныхъ фурами дворянахъ, и пріодѣть ихъ, и наставить, кого куда выбирать. Тутъ вы, матушка, усердно помогаете супругу вашему.»

— Такъ что же, батюшка! вспомоществовать бѣдному никто не запретить; а наставить въ дѣлѣ неопытныхъ есть долгъ cadaго. Да и что тутъ худаго? Они выбираютъ потому, что имѣютъ на то право; а выбираютъ людей для общей пользы. Когда же чего не смыслятъ, такъ ихъ наставляютъ. —

«Вѣрно, каждый избранный не вашимъ убѣжденіямъ обязанъ за свой выборъ», сказалъ предводитель.

— Вы такъ только говорите, сказала съ досадою гостья; а разобрать въ тонкость, такъ тожъ на тожъ, батюшка, и выйдетъ. —

«Я не удивляюсь, матушка, что вы такъ судите, сказалъ маіоръ; всякой по себѣ судить о другихъ. Думайте,

дѣйствуйте, какъ вамъ угодно. Доживайте послѣдніе часы въ той мысли, что вамъ всегда все будетъ удаваться.»

— Точно недолго, проповѣдывала толстогубая. Первые станутъ послѣдними, а послѣдніе очутятся первыми. Достойному достойное воздается. По неволѣ скажутъ—примолвила она съ значительною гримасою— «не хотимъ служить», когда угрожаютъ предстоящіе черняки. Такъ-то, мой батюшка! —

— Прощайте, матушка, Софья Дмитріевна! сказала гостя, вставъ съ большою досадою. Я пріѣзжала къ вамъ съ визитою, а не философіи слушать, которая всѣмъ намъ извѣстна. Да, батюшка, мы себѣ на умѣ. И женщины могутъ судить и рядить. Я хотѣла убѣдить васъ, матушка, стараться въ пользу нашу; вы не такъ приняли дѣло — не нужно; мы и сами уладимъ. Прощайте, матушка, Софья Дмитріевна! Прощайте, батюшка, Петръ Ивановичъ! Прощайте и вы, сударь! сказала она маіору, кивнувъ небрежно головой. Не прогибайтесь за правду — и ушла, запыхавшись отъ злости.

«Какъ я вижу, сказалъ маіоръ по уходѣ ея; такъ эта матушка разсердилась на меня не шутя.»

Тутъ вошло нѣсколько дворянъ, явились предводителю и записаны въ списокъ. Одинъ назвалъ себя также прапорщикомъ въ отставкѣ.

Предводитель, видя птицу по полету, спросилъ у него: не желаетъ ли онъ занять должности по выборамъ?

«Какже-съ, отвѣчалъ онъ; «это-то и заставило меня пріѣхать, чтобы поискать хорошенькаго мѣстечка. Въ исправники, говорятъ, трудно попасть; такъ ужъ хоть бы въ засѣдатели.»

— Молодой человѣкъ! сказалъ ему предводитель; что вы хотите сказать, чрезъ ваше: «хоть бы?» Не ужели вы думаете, что должность засѣдателя есть такая мизерная, что даже и вы берете ее изъ снисхожденія? Засѣдатель охраняетъ спокойствіе и благоустрой-

ство, какъ и первѣйшій чиновникъ. Сколько надобно имѣть способностей, чтобы быть засѣдателемъ такимъ, какъ должно! Знаете ли вы всѣ обязанности избираемой вами должности? —

«Научиться недолго. Секретарь объяснить», сказалъ засѣдатель.

— Но пока вы научитесь, возразилъ предводитель, сколько вы распоряженіями надѣлаете зла! Сколько причините бѣдъ, отъ которыхъ многіе пострадаютъ, и жестоко! —

«Сначала съ ошибками, а тамъ — туда же за людьми. Безъ службы же чѣмъ мнѣ жить? Вамъ извѣстно наше состояніе: три брата и двадцать душъ крестьянъ. Съ семью душами не далеко уѣдешь.»

— Не ужели вы располагаете жить отъ должности?—спросилъ одинъ дворянинъ, по виду коего нельзя было ожидать отъ него такого вопроса.

«По примѣру прочихъ, отвѣчалъ спрашиваемый прапорщикъ. Конечно, я не говорю о жалованьѣ; то само по себѣ; но по должности, и сосѣдніе мужички сдѣлаютъ мнѣ уваженіе: поработаютъ, привезутъ лѣса, сѣна, хлѣба, сего-того. Оно для каждаго бездѣлица, а меня много поддержитъ. Притомъ же засѣдатель всегда на слѣдствіяхъ; издержекъ на себя никакихъ. Тамъ-сямъ, а всегда сытъ. Откупщикъ помогаетъ; съ него живой и мертвый беретъ, такъ и неважно. Такимъ образомъ въ три года я что-нибудь и какъ-нибудь соберу, и въ благодарность готовъ, куда прикажете, служить.»

Чтобъ поддержать своего брата прапорщика въ его мнѣніи, я сдѣлалъ головою утвердительный знакъ.

Маіоръ сказалъ: — Ахъ, молодой человѣкъ! Вы не знаете должности, въ коей собираетесь служить, а какъ извлечь изъ нея свои пользы, твердо помните. Стыдитесь! Вы идете служить не для общей пользы, а для своихъ выгодъ.»

«Туда же, за людьми, сказалъ неуступающій засѣдатель. Что же дѣлать, когда не-чѣмъ жить? Я привыкъ жить хорошо еще у батеньки. Онъ былъ богатъ, да все прожилъ. Партикулярною службою я не хочу унижить благородное свое происхожденіе.»

— Вамъ не-чѣмъ жить, говорите вы! вскричалъ майоръ. И отъ семи душъ доходъ, употребленный съ расчетливостью, достаточенъ для содержанія. Трудитесь — и вы умножите свое состояніе. А лучше всего: идите опять въ военную службу; тамъ васъ будутъ прилично содержать и тамъ вы узнаете, что значитъ благородный человекъ и какъ онъ долженъ вести себя. —

«Я и опредѣлился бы, сказалъ онъ, подумавши; да... при отставкѣ... полковникъ... отмѣтилъ ..»

— Видите ли? Вы и въ военной службѣ не такъ вели себя — сказалъ кто-то изъ дворянъ.

Напротивъ, отвѣчалъ онъ бодро; я велъ себя, кажись, хорошо, но не позволялъ капитану умничать надо мною, и при первомъ выговорѣ отъ полковника, помня свое благородное званіе, подалъ въ отставку.»

Я кивнулъ головою, оправдывая его.

Тутъ майоръ, не выдержавъ, подскочилъ къ нему и сказалъ съ жаромъ: «Что же вы, сударь, чванитесь своимъ дворянствомъ, не помня первѣйшей его обязанности: служить всю жизнь свою, повинаясь старшимъ. Не бывши хорошимъ подчиненнымъ, вы никогда не будете начальникомъ.»

— Дѣло кончено, молодой человекъ! сказалъ наконецъ предводитель. Вы не будете избраны ни къ какой должности. Подите. —

Онъ вышелъ, и я, проводивъ его до передней, пригласилъ къ себѣ обѣдать, обѣщавъ успокоить его.

Скоро потомъ явился еще одинъ дворянинъ, подошелъ прямо къ предводителю и, не смотря на его равнодушіе, обнялъ его, цѣлуя три раза и отпустилъ при-

вѣтствіе: «Мое усерднѣйшее почтеніе, любезнѣйшій мой!..» Оставя предводителя, пустился онъ cadaго изъ насъ по порядку цѣловать по три раза, приговаривая: «Позвольте и съ вами поцѣловаться, мой любезнѣйшій!» И только что, окончивъ эту экспедицію, остановился было, какъ увидѣлъ маіора и, вспомнивъ, что его еще не цѣловалъ, бросился къ нему съ объятіями, почти вскричавъ: «Извините меня, я васъ пропустилъ...»

Маіоръ отступилъ-было, но, видя его навязчивость, сталъ какъ вкопанный и, вытянувшись, хладнокровно принималъ троекратныя его лобзанія, а гость, цѣлуя его, приговаривалъ: «Позвольте и васъ, мой любезнѣйшій, обнять и... увѣрить васъ... въ душевномъ къ вамъ почтеніи...» Потомъ, обратясь къ предводителю, сказалъ: «Позвольте мнѣ себя рекомендовать вамъ, какъ нашему предводителю; я дворянинъ здѣшняго уѣзда, коллежскій ассессоръ Миронъ Ѳомичъ Закрутихинъ. Моя жена сейчасъ имѣла честь быть у васъ...»

— Такъ точно, сказалъ предводитель. Вамъ же что угодно? —

«А вотъ, мой любезнѣйшій! Честь имѣю явиться. Прибылъ, по обязанности, на выборы. Прошу включить меня въ число наличныхъ.»

— Позвольте прежде объясниться, имѣете ли вы право на честь быть въ числѣ избирателей?—спросилъ предводитель.

«Какже, мой любезнѣйшій! отвѣчалъ новоприбывшій. Я коллежскій ассессоръ, равняюсь съ лучшимъ дворянствомъ. Чинъ этотъ получилъ въ отставку, слѣдовательно служилъ безпорочно. Имѣніе все въ здѣшнемъ уѣздѣ, и все собственное мое, благопріобрѣтенное.»

— Зачѣмъ входить въ подробности! подхватилъ маіоръ. Скажите только «пріобрѣтенное», а о первомъ словѣ мы догадаемся. —

Закрутинъ крѣпко поморщился, покраснѣлъ до того, что долженъ былъ утираться платкомъ, синимъ бумажнымъ, и, запыхаясь, сказалъ: «Я пріѣхалъ къ г. предводителю за дѣломъ и потому не отвѣчаю вамъ. И такъ, обратясь къ предводителю, продолжалъ: я могу быть вписанъ?»

— Одно обстоятельство препятствуетъ... — сказалъ предводитель.

«Я служилъ безпорочно», вскричалъ коллежскій ассессоръ.

— Такъ, но послѣ отставки судимы были за порочные приносы. —

«Но не приговоренъ къ наказанію.»

— Оставлены въ подозрѣніи; что для благородно мыслящаго есть большое и тяжкое наказаніе. —

«Но уже десятилѣтняя давность миновала.»

— Наказаніе не изглаживается и послѣ десяти десятилѣтій. —

«Гмъ!» крехтѣлъ Ѳомичъ, видя неудачу въ своемъ намѣреніи. Потомъ, потерши нѣсколько разъ лобъ, спросилъ: «по крайности, могу ли надѣяться, что... пріятели мои будутъ внесены въ списокъ?»

— Какіе пріятели? Кто они? — спросилъ предводитель.

Г. Закрутинъ подалъ списокъ предводителю. Тотъ, просмотрѣвъ его, сказалъ съ улыбкой: — и только десять человѣкъ, за коихъ вы хлопчете? Они вовсе не наши помѣщики. —

«Конечно они еще не помѣщики, но родовые дворяне: вотъ я даю имъ бумагу въ такой силѣ, что продалъ имъ имѣніе, поименованное въ бумагѣ, а купчую имѣю совершить послѣ. По этой бумагѣ они помѣщики.»

— Никогда. Но почему они сами не пожаловали? Объяснили бы свои права... —

«Что васъ интересуеть, спросилъ предводитель Закрутихина, чтобы эти господа были на выборахъ? Скажите откровенно.»

— Они своими шарами поддержать кого угодно, и, наклонясь къ уху предводителя, въ полголоса говорилъ: скажите, васъ или кого куда надобно, только подамъ знакъ, такъ и откатаютъ. Не нужно ли вамъ?.. —

«Благодаренъ за усердіе. Но къ чему такіе заговоры, партіи, незаконныя дѣйствія? Почему не предоставить выбора свободной волѣ истинныхъ дворянъ? Тогда правительство, пріобрѣтя надежныхъ слугъ, было бы покойно, отдавъ правосудіе и полицію въ руки людей...»

— Эхъ, любезнѣйшій мой! Это все философія, пустое разсужденіе; не все ли равно, Оома или Ерема служить, лишь бы мѣсто не было пусто. И повѣрьте, мой любезнѣйшій! Начальство покойнѣе съ тонкимъ чиновникомъ нашего покроя, нежели съ правдорѣзами и истребителями злоупотребленій. На примѣръ, я, ставши судьей, захвативъ дѣльцо въ руки, такъ его поведу, что ищущіе у меня правосудія съ крайнимъ нетерпѣніемъ будутъ ожидать рѣшительнаго опредѣленія, чтобы только отвязаться отъ судовъ. А чтобы апеллировать дѣло выше, такъ объ этомъ будутъ страшиться они и во снѣ увидѣть, полагая, что когда уже нижнія мѣста въ уѣздѣ такъ имъ солонны, то что должно постигнуть ихъ выше? А изъ сего выходитъ общая польза: въ уѣздѣ рѣшается окончательно дѣло, просителейъ карманъ пустъ, такъ и поневолѣ прекращается процессъ, а высшія мѣста избавляются отъ дѣлъ. Повѣрьте мнѣ, мой любезнѣйшій! —

Маіоръ, нѣсколько разъ собиравшійся прервать его рѣчь, наконецъ не выдержалъ, вскочилъ, подбѣжалъ къ нему словно съ кулаками и вскричалъ гнѣвнымъ голосомъ: «Нѣтъ! силъ недостаетъ выдерживать! И вы съ такими правилами, съ такимъ образомъ мы-

слей, смѣете называться дворяниномъ? И вы пришли отыскивать права имѣть честь быть въ собраніи благороднѣйшаго сословія? дерзаете мыслить выборомъ своимъ давать судъ истинному дворянину?..»

— Что вы?.. что вы?.. бормоталъ коллежскій ассессоръ, отступая отъ маіора; послушайте, мой любезнѣйшій! Всякій властенъ въ правилахъ своихъ; а лишить меня пріобрѣтеннаго службою и благороднымъ происхожденіемъ никто не смѣетъ... —

И онъ, не облобызавъ никого прощальными поцѣлуями, а только раскланявшись каждому по отдельности, вышелъ преспокойно, какъ ни въ чемъ не бывало.

Пріѣзжало и еще нѣсколько дворянъ. Были разные совѣщанія. Всякій предлагалъ свои мысли, какъ лучше дѣйствовать, чтобы выборы были на общую пользу. Но какъ я собственно не имѣлъ никакой мысли и Авдотья Макаровна не сказала, чего мнѣ придерживаться, то я только слушалъ и безъ дальнѣйшаго разсужденія или киваніемъ головы соглашался съ предложенною мыслию или, пожимая плечами, махнувъ рукою и т. под., показывалъ, что предложеніе мнѣ не нравится.

Затѣмъ, когда другіе уѣзжали, то уѣхалъ и я.

ГЛАВА ОСЬМАЯ-НАДЕСЯТЬ,

въ которой описываются дальнѣйшія дѣйствія наши предъ выборами.

Возвратясь домой, я, по обязанности своей, разсказалъ Авдотѣ Макаровнѣ, гдѣ былъ, кого видѣлъ и что отъ кого слышалъ.

Похваливъ меня за мое поведеніе въ такомъ обществѣ, она приказала мнѣ заняться приготовленіемъ къ обѣду.

Званые нами гости всѣ пожаловали. Первое между ними лицо занималъ Осипъ Семеновичъ, какъ дядя мой и какъ человѣкъ съ необыкновенными способностями придумать, наклонить и устроить по желанію. Съ женою моею онъ обошелся благосклонно и потомъ пошелъ съ нею на тайные переговоры.

Прочіе гости обходились со мною съ большимъ вниманіемъ, нежели прежде. Нѣкоторые передавали, что Матвѣй Степановичъ Моргушкинъ отзывался обо мнѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и указывалъ на меня какъ на достойнѣйшаго въ предводителя... «оно такъ и будетъ», отвѣчали на это слушавшіе.

Возвратился дядя послѣ переговоровъ съ женою моею и, провожая ее, съ большимъ жаромъ говорилъ ей: «Воля ваша, племянница! Ваши дѣла семейныя, а я думаю объ общемъ благѣ и не уважу причинъ вашихъ. Вы пристрастно судите.»

Весьма замѣтно было, что онъ послѣ этого обращался съ Авдотьею Макаровною довольно сухо. Она подходила къ нему и тихонько о чемъ-то упрашивала его, а онъ всегда отвѣчалъ громко: «не будетъ по вашему. Общая польза всего важнѣе. Мы его лучше знаемъ.»

За обѣдомъ она усадила его возлѣ себя и все то же обращеніе и тѣ же рѣчи между ними были. Я не додумывался, что это съ перваго знакомства между ними произошло такое непріятное?

Обѣдъ мы задали чудесный. Угощеніе было знатное. Кромѣ ординарныхъ винъ, пили здоровье каждаго гостя по одиначкѣ, все винами заморскими. Тутъ надобно было удивляться ловкости и смѣтливости моей Авдотьи Макаровны! Она начинала пить здоровья, и не просто, а называя гостя по имени (чего и я почти не зналъ), провозглашала по именамъ жену его и дѣтокъ, а у кого были родители, братья, сестры, всѣхъ величала даже и

по отечествамъ. Холостымъ прибавляла желанія о скорѣйшемъ супружествѣ, и каждому отпускала какое-либо словцо, что на-поди.

Послѣ обѣда, пока подавали чай и пуншъ, она споровила переговорить съ каждымъ гостемъ, который былъ нашей партіи; другихъ не беспокоила. Какія же хитрости она имъ по секрету говорила, такъ на удивленіе; на примѣръ, каждому она говорила: «Вообразите, всѣ пристають, чтобъ мужа моего балотировать въ предводители! Я знаю, его зачернить. Надѣюсь на дружбу вашу къ нему и уваженіе ко мнѣ, что вы свой шаръ на него положите направо. По крайней мѣрѣ, вы дайте мнѣ священное слово, что вы одни, не смотря ни на какія дѣйствія, ни на какія убѣжденія, успокоите меня, и я буду знать, что будетъ одинъ бѣлый шаръ.» Гость разсыпался въ увѣреніяхъ, что многіе и, быть можетъ, всѣ положатъ направо, и давалъ ей торжественную клятву положить на меня избирательный шаръ. Такихъ было двадцать два человѣка. Остальные двѣнадцать не знали ничего, но были въ восторгѣ отъ стола и ласкъ Авдотьи Макаровны.

Вотъ дядя и началъ дѣйствіе. Жена моя опять пошептала ему что то, какъ будто упрашивая его. Онъ, почти осердясь, даже прикрикнулъ на нее: «Не будетъ этого, я уже вамъ сказалъ.» Она ушла къ себѣ, а онъ, пригласивъ всѣхъ гостей въ кучу, сказалъ:

«Что за странная женщина, а еще болѣе странная жена? Посудите: весь уѣздъ желаетъ избрать, вотъ, моего племянника, хозяина нашего, въ предводители себѣ, а она слышать о томъ не хочетъ и убѣждаетъ меня, чтобы я отклонилъ васъ отъ этого, не смотря на достоинства, которыя онъ имѣетъ и которыя такъ необходимы для этой должности. Она говоритъ, что онъ тихъ, застѣнчивъ, какимъ мы видимъ его, не одаренъ словомъ, не можетъ поддерживать свѣтскихъ приличій и

снискивать благоволеніе отъ старшихъ. Согласитесь, господа, что это не недостатки, а достоинства для этой должности. Онъ тихъ, застѣнчивъ, прекрасно; онъ не осмѣлится никому изъ васъ сдѣлать непріятности. Не одаренъ словомъ, не бѣда; своего не выдумаетъ ничего и будетъ соглашаться на все то, что вамъ, господа, (съ симъ словомъ отнесся онъ къ нѣкоторымъ стоящимъ), вздумается постановить, и въ этомъ случаѣ большая выгода имѣть предводителя не умствующаго, а исполняющаго волю дворянства. Онъ не можетъ поддерживать свѣтскихъ приличій и снискивать вниманіе старшихъ; на что вамъ оно? Если предводитель грызется съ начальствомъ, тѣмъ выгоднѣе для всякаго члена въ уѣздѣ. Проси чего-нибудь, жалуясь, что предводитель не уважилъ тебя — и ты тотчасъ получишь, все сдѣлаютъ тебѣ въ пику предводителю. Однимъ словомъ, такой кандидатъ въ предводители, какъ мой племянникъ, кладъ для дворянства, могущаго все производить и затѣвать, сваливая отвѣтственность на своего вождя. Вы видите, господа, что я говорю безпристрастно, примолвилъ онъ съ улыбкою, и все въ пользу вашу. Теперь посудите и о женѣ его, по необыкновенной любви къ мужу принужденной жить съ нимъ въ деревнѣ, въ четырехъ стѣнахъ. Она привыкла жить въ свѣтѣ, и какъ видите, можетъ и умѣетъ жить. Извлекете ее изъ уединенія, и она будетъ жить въ городѣ открыто. Благодарна я за выборъ мужа, она станетъ принимать всѣхъ, какъ сегодня видѣли примѣръ. Чего лучше для всѣхъ васъ, когда вы знаете, что въ городѣ есть у васъ пристанище, пріемъ, а въ случаѣ нужды по дѣламъ — помощь и совѣтъ? Кто не согласится со мною, что, за выбытіемъ Петра Ивановича, нельзя лучше и приличнѣе сыскать предводителя, какъ моего племянника? Говорите, говорите прямо. Въ общемъ дворянскомъ дѣлѣ личности не

должно быть. Говорите откровенно; можетъ, я съ вами соглашусь.»

Всѣ молчали, прихлебывая изъ рюмокъ наливку, которую въ то время безъ устали подавали. Нашлись нѣкоторые однако же, что при первыхъ словахъ дядюшки посмотрѣли на него пристально, на меня съ насмѣшкою, а на прочихъ внимательно и, замѣтивъ ихъ слушающихъ съ удивленіемъ, взяли шапки и поспѣшили уйти.

Таковыхъ бунтовщиковъ было семь, не больше, и всѣ они, какъ приказала мнѣ жена, немедленно мною были записаны.

Пьющіе усердно наливку, одинъ за другимъ начали соглашаться, что дядюшка мой правду говоритъ; всѣ одобряли назначеніе меня къ этой должности. Дядюшка поставлялъ имъ другихъ дворянъ нашего уѣзда и также одобрялъ ихъ (при чемъ усилили разносить наливку); но дворяне тутъ же отвергали ихъ, находя въ нихъ неспособности, изъ коихъ, если что не было замѣчено, то дядюшка безпристрастно высказывалъ ихъ, и наконецъ довелъ то того, что всѣ единодушно поклялись избрать меня.

«Постойте, постойте! долженъ былъ кричать дядя, дабы слышали его изъ всеобщаго крика. Мы назначаемъ, но жена его несогласна. А какъ онъ страстно любитъ жену свою, то, конечно, по волѣ ея откажется. Въ такомъ случаѣ...»

—Идемъ, идемъ къ ней и будемъ просить ее! — вскричало все благородное общество, и, съ шумомъ войдя къ Авдотьѣ Макаровнѣ, прилегшей — было на софу и плакавшей, какъ казалось, начало убѣждать ее согласиться съ общимъ желаніемъ и для общей пользы.

Моя Авдотья Макаровна показала верхъ хитрости своей, даже тонѣе дядюшки поступила: выказавъ, какъ и на пути, всѣ мои способности и достоинства и почти ясно говоря, что я буду отличный предводитель, въ за-

ключеніе объявила, что несогласна отпустить меня на службу.

Шумно просили, убѣждали ее. Она сказала: «Не съ тѣмъ ли вы такъ настаиваете, чтобы зачернить его шарами?»

И всѣ взволновались, кричали... посыпались клятвы, увѣренія, что всякой изъ нихъ положить шаръ направо. Проклятія и обѣщаніе гоненій, кто измѣнитъ слову. Сочтены наличные и тѣ, коихъ обязывались привлечь на свою сторону, и оказалось тридцать восемь шаровъ въ пользу мою. Возобновили просьбы, и жена моя, послѣ всѣхъ отговорокъ, наконецъ... обнявъ меня одною рукой, сказала: «Такъ и быть... со...глашаюсь!» склонила голову на плечо мое, а другую руку, въ знакъ согласія, протянула къ избирателямъ, которые осыпали ее поцѣлуями и повторяли клятвы. Дядя, чтобы еще крѣпче связать узелъ, закричалъ: «Вина! Господа! для поддержанія вашего слова пить изъ башмачка Авдотьи Макаровны!»

— Браво... браво!... — раздалось со всѣхъ сторонъ, и бросилось все къ ней. По слабому сопротивленію, схваченъ былъ башмакъ, новенькій, чистый, ненадеванный, «случайно» тутъ попавшійся — и пошла потѣха. Все выпили, все распорядили, и, послѣ новаго подтвержденія клятвъ, всѣ прошены назавтра къ дядѣ обѣдать, и разошлись по домамъ.

На другой день я видѣлъ, что вся провизія и всѣ приборы къ столу, съ большимъ транспортомъ винъ, отправляются отъ насъ къ дядѣ. Я спросилъ у жены: «Развѣ дядюшка на нашъ счетъ даетъ сегодня обѣдъ?»

— О невинное твореніе! сказала она, посмотрѣвъ на меня жалко. Ты и этого не сообразишь? Не входи въ дальнѣйшія разсужденія, а исполняй въ точности, что велятъ. Сходи-ка и пригласи ко мнѣ Крестьяна Иваныча, доктора. Самъ же съ нимъ не приходи, а побудь часа

три въ городѣ. Къ дядѣ на обѣдъ нейти. Я уже посла-
ла къ нему просить извиненія. Слышишь? —

«Слышу, слышу все, Авдотья Макаровна», сказалъ я, и пошелъ своею дорогою къ Крестьяну Ивановичу; зная же, что она... какъ бы это сказать... «въ такомъ положеніи»... однимъ словомъ, обѣщающемъ мнѣ наследника, разсудилъ, что она, желая съ нимъ посовѣтоваться, будетъ совѣститься меня, расположилъ искать себѣ занятій.

Отправивъ къ женѣ доктора, я бродилъ по городу, не зная, куда бы зайти, какъ увидѣлъ идущаго городничаго верхомъ, въ препровожденіи конныхъ полицейскихъ драгунъ, при барабанномъ боѣ, объявляющемъ, что «завтрашняго числа имѣютъ начаться дворянскіе выборы.» Полицейскіе офицеры суетливо бѣгали по дворамъ и объявляли о томъ жителямъ и пріѣзжимъ въ городъ.

Увидѣвъ кварталныхъ, я содрогнулся, вспомнивъ, что и я принадлежалъ къ ихъ сословію и такъ ловко исполнялъ свою должность...

Одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ съ предложеніемъ объявленія. Я прочелъ и, благодаря, подавалъ ему два серебряныхъ рубля... какъ онъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ и почти ударилъ меня по рукѣ. «За кого вы меня почитаете, сударь? Я офицеръ, блюститель порядка, а вы смѣете такъ низко думать обо мнѣ? На эту подлость не рѣшится и послѣдній сторожъ полицейскій», и пошелъ отъ меня съ большимъ неудовольствіемъ.

«Или такъ все перемѣнилось, или этотъ офицеръ не имѣетъ у себя писмоводителя», думалъ я, идя своею дорогою. Дойдя до того квартала, гдѣ я показалъ такіе успѣхи въ соблюденіи тишины и порядка, я почти побѣжалъ оттуда въ противную сторону, боясь, чтобы жители не выскочили ко мнѣ и не осыпали бы меня укоризнами за дѣянія мои у нихъ въ черные дни моей жизни. Къ чему нужда не приведетъ!

Нагулявшись вдоволь и давши время моей Авдотѣ Макаровнѣ въ-волю наговориться съ Крестьяномъ Иванычемъ о пріятномъ для меня положеніи своемъ, я возвратился домой и нашелъ ее въ какомъ-то суетливомъ безпокойствѣ. Обязанность моя требовала узнать отъ нея о послѣдствіяхъ совѣщаній ея съ докторомъ и спросить, что онъ ей присовѣтовалъ.

«Вы не участвовали въ началѣ, не безпокойтесь и о послѣдствіяхъ», сказала она мнѣ съ неудовольствіемъ, и оставила меня одного.

Загадочно!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ-НАДЕСЯТЬ

О томъ, какъ начались выборы.

Насталъ тотъ торжественный день, котораго вообще всѣ жители намѣстничества ожидаютъ съ сильнымъ нетерпѣніемъ. Правитель губерніи надѣется, что теперь дворянство въ выборѣ своемъ будетъ разсудительнѣе и изберетъ чиновниковъ съ большимъ разсмотрѣніемъ, и что облегчатся его заботы въ управленіи. Секретари и прочіе канцелярскіе ждуть выбора чиновниковъ съ надеждою и боязнію: можно ли имъ, если уже не усугубить, то хотя продолжать привычки свои ко благу своему; или—о ужасъ!—потребуютъ служить честно, рачительно, безкорыстно? Что тогда предпринять?—Нѣкоторые дворяне избирающіе ждуть этого дня, чтобы успѣть въ своихъ преднамѣреніяхъ: ссадить прежнихъ и посадить своихъ. Чья сторона одолѣетъ?—Другіе служащіе и избираемые ждуть рѣшенія своей участи: жизнь или смерть?—Всякаго состоянія люди ждуть, чего потребуютъ отъ нихъ въ судахъ? Правды или доказательствъ? Чѣмъ иной избранный судья займется: дѣломъ или справками? Даже жены, кромѣ имѣющихъ процессы по судамъ, жены иныхъ слу-

жащихъ, избирающихъ и избираемыхъ, не покойно проводятъ ночь, предшествующую этому великому дню. Даже прислуга чувствуетъ приближеніе этого дня. Кучера должны разѣзжать съ утра до вечера, повара готовить и отдавать столы, лакеи услуживать приходящимъ и отходящимъ гостямъ. Торгующее сословіе ждетъ этого дня по случаю необыкновеннаго съѣзда, и всѣ они, отъ продавца зелени до продавщицы модной шляпки, заранѣе могутъ рассчитать, сколько каждый получить прибыли. О продавцахъ винъ и говорить нечего. Каждый изъ нихъ сдѣлалъ двойную пропорцію мадеры, рому, подкрасилъ и подправилъ испорченныя вина и придумалъ имъ новыя названія, и все это будетъ продано, выпито...

И этотъ торжественный день насталъ. Мы всѣ очень чинно были на присягѣ, подписали листы — и можетъ быть, не одинъ изъ насъ, присягая и подписывая присягу, имѣлъ и строилъ планы вопреки присягѣ. Таковъ человекъ. Гдѣ законъ, тамъ и преступленіе. Краснѣли мундиры, лица же наши были чисты, ясны, покойны.

Въ самомъ дѣлѣ, отъ красныхъ кафтановъ, на всемъ дворянствѣ бывшихъ, тяжело было глазамъ; такъ было много дворянъ въ собраніи! Зала, хотя и большая по городу, наполнена была, какъ и прочія боковыя комнаты, дворянами. И еще говорили, что теперь меньше съѣхалось, нежели въ прошедшіе выборы. Всѣ ходили, говорили, трактовали, предлагали свои мнѣнія, и никто ничего не слушалъ. Г. Выдубинъ, котораго я прежде видѣлъ, ораторствовалъ между многими, слушавшими его со вниманіемъ.

Я оставилъ ихъ и съ любопытствомъ посматривалъ на особую кучку новопріѣзжихъ, отдѣльно стоящихъ и не смѣшивающихся съ прочими. Это были люди все среднихъ лѣтъ, странной фигуры. Мундиры на нихъ также красные, но полинялые, запятнанные, истертые. Камзолъ и,

такъ называемое прочее платье, различныхъ цвѣтовъ и формъ. У нѣкоторыхъ были драгунскіе, палевые, у другихъ черные, саржевые; все это штопанное, засаленное. Весь вообще уборъ былъ на нихъ чужой: на иномъ непомерно широкій, какъ мѣшокъ; у другаго тѣсное платье выжимало духъ; тамъ рукава покрывали всѣ пальцы, а иному едва перешли за локоть. Шпаги разнаго вида и формы, шляпы разнокалиберныя. И всѣ они отъ непривычной одежды и общества, въ которомъ находились, во всемъ были неловки.

Осмотрѣвъ всѣ эти диковины, я вмѣшался въ общее собраніе и тутъ получилъ отъ своего предводителя приглашеніе на прощальный обѣдъ, какъ водится по прочимъ уѣздамъ. И точно: каждый предводитель въ этотъ день приглашаетъ своихъ дворянъ на обѣдъ, гдѣ благодарить ихъ за сдѣланную ему честь быть ихъ предводителемъ три года, и тутъ (разумѣется къ концу стола) передаетъ имъ на волю: «уволить его», или снова «закабалить», чтобы обязать его «изъ кожи лезть» да сдѣлать дворянству все угодное и окончить имъ начатое, которое другой, новый, не постигши вполнѣ его мыслей, можетъ легко испортить. Само по себѣ разумѣется, что тутъ слѣдуетъ или провозглашеніе его же и на новый срокъ или полу-молчаніе, а наконецъ и самая тишина. Изъ этого предводитель можетъ располагать, что ему предпринять завтра на выборахъ.

По наставленію Авдотьи Макаровны, я поѣхалъ на званный обѣдъ. Весь уѣздъ, сорокъ пять человѣкъ, былъ за обѣдомъ. Обѣдъ былъ, конечно, хорошъ; но изобиліемъ не могъ поравняться съ бывшимъ у меня, а особливо на счетъ винъ. Ихъ подавали такъ мало, что гости почти въ слухъ жаловались на этотъ недостатокъ. Предводитель будто и не слыжалъ. Ни однимъ словомъ не намекнулъ о выборахъ и, противъ обычая, кончивъ столъ, не благодарилъ дворянъ за ихъ прошедшій вы-

боръ и не пилъ за здоровье дворянства. Послѣ обѣда подали кофе, и все кончилось такъ просто, такъ ordinarily, какъ будто и не на выборахъ.

При разъѣздѣ я, какъ мнѣ приказано было, отнесся къ предводителю съ просьбою, чтобы завтра, пока начнутся выборы, по близости моей квартиры, пожаловать собраться у меня, пріятно провести время и, когда въ залѣ будетъ все готово, тогда пойти въ собраніе.

Всѣ одобрили мое приглашеніе и обѣщали непременно быть; но предводитель и еще человекъ десять отказывались и убѣждали другихъ, отложивъ все, заранѣе собираться въ залу. Предложеніе ихъ не было уважено, и начали расходиться. Я слышалъ, какъ изъ числа несогласившихся нѣкоторые уговаривали предводителя захватить ко мнѣ, обѣщая «потѣшить его комедіею.» Но предводитель не соглашался, а просилъ ихъ побывать, замѣтить все и рассказать ему «для поддержанія плана.»

Я уже хотѣлъ уѣхать, какъ предводитель остановилъ меня и спросилъ:

«Правда ли, г. Столбиковъ, что вы ищете быть предводителемъ?»

Неожиданный этотъ вопросъ, котораго не предвидѣла и сама Авдотья Макаровна и потому не наставила меня, что отвѣчать, до того озадачилъ меня, что я, не зная, какъ изворотиться, рѣшился говорить правду, и сказалъ:

— Правда-съ. —

«И что будто бы для поддержанія себя въ томъ собрали партію?»

— Собралъ-съ. —

«Господа! сказалъ предводитель бывшимъ тутъ, вы слышали? Прошу завтра, въ собраніи, подтвердить его слова. Будьте увѣрены, сударь, сказалъ онъ мнѣ: что я все открою дворянству, не допущу васъ къ выбо-

рамъ и представлю начальству. Зачѣмъ вы не идете прямою дорогою, по присягѣ? Зачѣмъ употребляете низкія, противозаконныя средства?»

— Не знаю-съ — отвѣчалъ я; и справедливо, потому что и самъ не зналъ, для чего употребляютъ этикія средства и даже зачѣмъ хотятъ меня сдѣлать предводителемъ.

Всѣ расхохотались моему отвѣту. Было ли чему смѣяться, когда я сказалъ самую правду?

«Прощайте, прощайте, господа! Вы меня уморите отъ смѣху, сказалъ предводитель, отпуская насъ, а самъ упрашивалъ дворянъ непременно быть у меня. Вы будете видѣть все и расскажете мнѣ; тѣмъ лучше успѣемъ и мы въ своемъ намѣреніи.»

Возвратясь домой, я рассказалъ моей Авдотѣ Макаровнѣ все, произшедшее со мною; она принялась-было порядочно выговаривать мнѣ за нѣкоторые отвѣты; но, выслушавши заключеніе, обрадовалась и даже вскричала: «Теперь Петръ Ивановичъ попался въ мои сѣти.»

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

ВЪ КОТОРОЙ ОПИСЫВАЮТСЯ СЛѢДСТВІЯ
БЫВШАГО У МЕНЯ ЗАВТРАКА.

Невозможно болѣе хлопотать, какъ занималась Авдотья Макаровна всѣми приготовленіями къ завтраку. До послѣдней бездѣлицы всѣмъ распоряжала: безпрестанно повторяла слугамъ, что за чѣмъ подавать; меня наставляла, кого гдѣ усадить, примѣчать знаки, какіе она будетъ мнѣ подавать и что по нимъ дѣлать. Она была настоящій мусье Филу предъ экзаменомъ. Какъ онъ, бывало, устраивалъ свои «дитка», кому гдѣ стоять и кому за кѣмъ идти, какъ теперь Авдотья Макаровна устраивала карафины съ разными водками, гдѣ которой стоять и какую когда подавать.

Гости регулярно съѣхались къ 9 часамъ утра. Недоброжелателей моихъ успѣли мы усадить отдѣльно отъ прочихъ, на особыхъ мѣстахъ. Приказано подавать водку, и явился слуга только съ однимъ приборомъ. Я бросился было исправить ошибку, приказать, чтобы и прочимъ подавали, но жена моя, и разговаривая съ другими, сдѣлала мнѣ знакъ, чтобы я не мѣшался. Я и присѣлъ. Вотъ уже осьмой изъ гостей, недоброжелателей моихъ, въ одномъ ряду сидѣвшихъ, началъ себѣ наливать, какъ тутъ моя Авдотья Макаровна только будто примѣтила безпорядокъ и закричала: «Прикажи, душенька, подавать и сюда водку. Что это значить, что не подаютъ?» Я побѣждалъ опрометью, но встрѣтилъ лакеевъ, несущихъ водку и для прочихъ. Жена же лишь замѣтила, что и десятой гость выпилъ изъ перваго прибора, сдѣлала знакъ слугѣ унести водку къ ней, а сама, прибѣжавъ торопливо, спрятала ее подъ замокъ.

Начали завтракать. И чего тамъ не было! Пирогі разныхъ сортовъ — и все жирное; соленыя перепелки съ капустою, ветчина, полотки — роскошный и жирный былъ завтракъ!

Авдотья Макаровна была внѣ себя отъ восхищенія и говорила, что радость ея происходитъ отъ того, что имѣеть удовольствіе угощать почтенное дворянство. Наиболѣе же она увивалась около моихъ недоброжелателей, и чѣмъ-то она ихъ не потчивала! Самое вкусное, самое жирное предлагала имъ, сама подносила и просила кушать. Винъ, къ удивленію моему, она приказала подавать мало.

Въ разговорахъ не упоминала вовсе о выборахъ, и когда спадала рѣчь, то Авдотья Макаровна, будто нечаянно, прерывала ее.

Къ концу нашей бесѣды вдругъ одинъ изъ числа моихъ недоброжелателей, старичокъ, почувствовалъ себя нездоровымъ, и сколько жена моя ни удерживала

его, сколько ни упрашивала, онъ не оставался и очень, очень спѣшилъ откланяться и уѣхать домой, обѣщавая товарищамъ поспѣшить возвратиться на выборы. «Однимъ злодѣемъ меньше», подумалъ я.

Вслѣдъ за тѣмъ разъѣхались и всѣ. Я поѣхалъ послѣдній.

Придя въ свой уѣздъ, я нашелъ тамъ предводителя, безпокоющагося, что его сообщники, а мои противники, всѣ разъѣхались изъ залы подъ разными предлогами. Смущеніе его было очевидно; онъ не зналъ, чѣмъ все это разрѣшить... какъ вотъ объявлено приступить къ выборамъ.

Приступили.

Петръ Ивановичъ рѣшительно отказывался. Дворяне, сдѣлавъ приличное, просили, убѣждали его, но какъ онъ былъ непреклоненъ, то и уволили.

Балотировали одного подполковника за глаза; положили изъ 35 наличныхъ 27 бѣлыхъ. Это было большее число противъ всѣхъ балотировавшихся. Предводитель съ большимъ обрадованіемъ поздравлялъ дворянъ съ отличнымъ предводителемъ... «Еще не всѣхъ, не всѣхъ балотировали!» раздались голоса въ уѣздѣ.

— Кого же вамъ угодно? — спросилъ предводитель.

«Г. Столбикова, Столбикова! Балотировать, балотировать!» гремѣло собраніе.

«Милостивые государи! началъ говорить предводитель, вставъ съ своего мѣста. Г. Столбиковъ не можетъ быть балотированъ. Онъ прибѣгъ къ средствамъ...»

— Къ какимъ средствамъ? Говорите... объясните... при комъ это было?... Кто знаетъ? — раздавались голоса.

«Господа дворяне, слышавшіе слова Столбикова, отлучились...»

— Слѣдовательно этого не было!... Балотировать Столбикова, требуемъ, настаиваемъ... хотимъ балотировать! —

Предводитель отодвинулъ ящикъ отъ себя, положивъ однако же шаръ. За нимъ клали всѣ чинно.

По сочтеніи шаровъ, оказалось бѣлыхъ 33 и черныхъ только два. Всѣ поздравляли меня своимъ предводителемъ и торжественно посадили меня на кресла Петра Ивановича, который тутъ же и вышелъ изъ уѣзда нашего.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О томъ, что еще происходило на выборахъ.

И такъ всѣми возможными, «крѣпкими и слабыми», средствами и, можно сказать, всѣми неправдами избранъ былъ въ предводители дворянства цѣлаго уѣзда — я, прапорщикъ въ отставкѣ, не служившій по выборамъ ни въ какой службѣ, незнающій должности своей, незнакомый съ дворянами и неизвѣстный имъ, а славящійся только богатствомъ своимъ и возможностью роскошно угощать. Какъ ни трудно было склонить всѣхъ къ выбору меня, такъ не легче было получить мнѣ утвержденіе въ этой должности. Но извѣты Петра Ивановича не могли быть уважены по причинѣ правильнаго произведенія выбора — и я утвержденъ.

Въ двухъ уѣздахъ также не обошлось безъ «штучекъ.» На прим. предводитель зналъ, что его рѣшительно не выберутъ, и онъ объявилъ, что не хочетъ болѣе служить, и потому просилъ «отпустить его съ честью», только пробалотировать. Оказались все бѣлые шары — и онъ, поблагодаривъ за честь, остался служить къ изумленію нежелавшихъ того.

Въ другомъ уѣздѣ, лишь только провозгласили къ баллотировкѣ служащаго предводителя, онъ всталъ съ намѣреніемъ благодарить дворянство за прежде оказанную и нынѣ оказываемую честь и только лишь, кла-

няясь, успѣлъ вымолвить: «покорнѣйше...» какъ нѣсколько человѣкъ закричало: — извольте, мы согласны на увольненіе ваше... хотя и очень сожалѣемъ... но когда вы не желаете намъ служить, то мы васъ увольняемъ... — увольняемъ, увольняемъ! — гаркнуло дружно общество привезенныхъ, стоявшее отдѣльно въ углу и ожидающее только знака къ дѣйствию, въ надеждѣ полученія благодарности. Предводитель смѣшался, продолжалъ кланяться во всѣ стороны, отъ нечаянности не могши сказать слова; а между тѣмъ приступили къ избранію другаго.

Въ одномъ уѣздѣ предводитель также зналъ, что хотятъ не его, а желаютъ избрать заслуженнаго новаго помѣщика, подполковника, котораго убѣдили изъ деревни пріѣхать на выборы. Начали балотировать служащаго предводителя и изъ 32-хъ наличныхъ дворянъ, изъ вѣжливости, положили на него 18-ть избирательныхъ. Потомъ предводитель предложилъ пробалотировать отсутствующаго чиновнаго человѣка, нелюбимаго всѣмъ обществомъ. Дворяне сначала-было отрекались балотировать его, но, разсудивъ, что имѣютъ случай показать свое нерасположеніе къ нему, стали класть шары, коихъ оказалось только *четыре* избирательныхъ. Предводитель, отвѣчая на общій смѣхъ только улыбкою, сказалъ тихо, но такъ, чтобъ подполковникъ могъ слышать: «За что такая немилость къ новымъ помѣщикамъ?» Тутъ подполковникъ, видя, что даже и высокое званіе не защитило балотируемаго отъ насмѣшки, опасаясь подобной участи отъ дворянъ, нелюбящихъ военныхъ, какъ предводитель самъ-себѣ признался, побоялся пустить себя въ балотировку и, не смотря ни на какія убѣжденія, усильныя просьбы всего уѣзда, обѣщанія, рѣшительно отказался — и, какъ не было кого избирать, то и остался нежелаемый всѣми прежній предводитель, торжествующій отъ успѣха своего.

И много другаго было при семъ случаѣ, хотя, по правдѣ сказать, и далеко не по всей губерніи.

Когда уже все кончилось и я съ торжествомъ возвратился домой, то встрѣченъ былъ моею Авдотьей Макаровою, утопающею въ радости, съ полнымъ восторгомъ. При собраніи всего дворянства «моего» уѣзда, пріѣхавшаго по обычаю вспрыснуть новоизбраннаго, она обняла меня и — поцѣловала, а потомъ сказала: «Поздравляю тебя, другъ мой, съ отличною довѣренностью общества. Успокой меня, давъ здѣсь торжественное привсѣхъ обѣщаніе служить со всѣмъ усердіемъ для общей пользы.» Я раскланивался на всѣ стороны, не зная совершенно, какъ мнѣ должно служить, и чѣмъ и какъ могу я приносить общую пользу. Тутъ начались поздравленія, какъ порядокъ велить, и продолжались довольно долго.

Авдотья Макаровна была ласкова и привѣтлива ко всѣмъ равно. Но, проводивши всѣхъ, сказала мнѣ: «Наконецъ удалось мнѣ устроить неслыханное дѣло! Человѣкъ, вновь прибывшій въ уѣздъ, никому и ни почему неизвѣстный, наружностью и обращеніемъ не подающій никакой выгодной о себѣ мысли, вовсе безъ партіи, безъ сотрудниковъ, за недѣлю до выборовъ пожелалъ быть предводителемъ...»

— Я, матушка, Авдотья Макаровна, ни за недѣлю, ни за часъ не желалъ быть избранъ, сказалъ я чистосердечно. Вольно вамъ... —

«О жалкое твореніе! сказала моя милая жена. Ты не хотѣлъ, не думалъ конечно; но я этого пожелала, искала и сработала. Вотъ что можетъ умный, ловкій умъ сдѣлать. Не женщина это произвела, а умъ и смѣтливость. Мущина, при моей дѣятельности и изобрѣтательности, легче бы это устроилъ. Мнѣ нельзя было находиться въ вашихъ собраніяхъ, и потому я должна была отыскивать помощниковъ. Что? Небось твоя Катенька вывела бы тебя въ люди? Какъ не такъ.

На же, поцѣлуй ручку у такой жены, какъ я. По милости ея ты теперь предводитель...»

— Авдотья Макаровна! спросилъ я, цѣлуя у нея руку. Вы все знаете; научите же меня, какъ мнѣ быть предводителемъ и что мнѣ дѣлать должно? —

«Ничего своего не дѣлать и не говорить, а исполнять во всей точности, что я велю. Теперь я покажу себя. Мнѣ нужны были люди для исполненія намѣренія моего, а теперь... все мнѣ подвластно! — Ахъ! примолвила она, ходя по комнатѣ и впадая въ размышленія: если бы мнѣ красота и два, три дня сроку для необходимыхъ въ этомъ случаѣ обѣдовъ и баловъ, тогда бы вотъ этотъ самый Столбиковъ былъ бы и губернскимъ предводителемъ!» Долго ходивъ, погруженная въ мысляхъ, наконецъ она спросила: «Пришелъ ли Алѣшка?»

— Пришелъ. —

«Что сказалъ Крестьянъ Ивановичъ?»

— Приказалъ доложить, что всѣ-дискать здоровы до одного, и завтра, говоритъ, всѣ выйдутъ. —

«Это очень хорошо, сказала Авдотья Макаровна. Теперь надобно исполнить условіе. Иди за мной», сказала она мнѣ и, приведши въ кабинетъ, отдала мнѣ двѣ бумаги, примолвивъ: вотъ пакетъ; тутъ тысяча рублей; это отдай дядюшкѣ и скажи, что предводительша — да, предводительша, — примолвила она съ самодовольствомъ, посылаетъ ему по обѣщанію. Онъ много способствовалъ, наставлялъ меня и самъ отдѣльно работалъ. Если онъ будетъ деликатиться и не принимать, упрашивай, умоляй и непременно отдай. А это пять сотъ рублей Крестьяну Ивановичу за леченіе; понимаешь?» примолвила она, улыбнувшись; чего со дня супружества не видѣлъ я въ отношеніи ко мнѣ.

Обрадованный такою неожиданною ласкою и все-таки полагая, что сходно «съ положеніемъ ея» докторъ прописывалъ лекарство, я, какъ будущій отецъ, отъ

полноты чувствъ схватилъ руку, не какъ Авдотья Макаровны, а какъ матери наслѣдника моего, цѣловалъ ее, приговаривая: «понимаю, понимаю.»

— Тото же, сказала она; теперь и ты благодаришь, когда другіе потрудились за тебя. —

Опять загадочно!

Пока жена писала какую-то записку, я былъ въ глубокихъ мысляхъ и ничего не могъ сообразить изъ словъ ея.

«Вотъ по этой запискѣ пригласи къ намъ завтра обѣдать», сказала она, и я поѣхалъ по препорученіямъ.

Благодаря дядюшку за участіе, я поднесъ ему пакетъ «отъ предводительши» и собирался убѣждать о принятіи. Но дядюшка не только не деликатился, но принялъ съ перваго слова, пересчиталъ и даже повѣрилъ ассигнаціи, и, убравъ ихъ, сказалъ: «Такъ, вѣрно; спасибо за сдержаніе слова. Что за плутовка, братъ, твоя жена! Ума и тонкостей бездна! Кабы ее въ мундиръ, да въ залу, такъ что задумала, все и произвела бы. Я тебѣ скажу, что послѣдняя штука ея уморила меня со смѣху. Это и нашему брату, вѣкъ надъ хитростями сидящему, не пришло бы въ голову. Молодецъ, молодецъ! Слушай ее во всемъ. Теперь предстоятъ уѣздные выборы; тебѣ они нужны. Надо распорядиться, кого куда избрать. Не худо бы тебѣ пригласить завтра на обѣдъ *своихъ*.»

— Такъ и приказала Авдотья Макаровна. Вотъ записка... —

«Что за проворъ! Что за всеобъемлющій умъ! Какъ будто выросла на выборахъ. Хорошо же, зови ихъ, а я буду на помощь къ ней.»

Отъ него я пріѣхалъ къ доктору и предложилъ ему деньги. Вотъ Нѣмецъ такъ заделикатился-было, отговариваясь, что матеріалу употребилъ самую бездѣлицу, и наконецъ принялъ деньги.

Потомъ былъ выборъ губернскаго предводителя; все шло чинно и благоустроенно. Никто не смѣлъ

вытти изъ порядка. Избрали челоѣка почтеннаго, долго служившаго уѣзднымъ предводителемъ и всѣми уважаемаго. Я и другіе предводители отказались отъ балотировки на эту должность. Куда намъ? Мы и въ этой послужимъ пока.

Обѣдъ нашъ былъ во всемъ поумѣреннѣе прежняго. Тутъ не обо мнѣ дѣло шло. Тутъ-то мы предположили, кого избрать *изъ нашихъ* въ уѣздныя должности. Хотя я и предсѣдательствовалъ въ этомъ совѣтѣ, но не подавалъ своего мнѣнія, потому что, ей Богу, не понималъ, въ чемъ дѣло. За то жена моя заправляла всѣмъ. Когда затруднялись въ выборѣ челоѣка на какую должность, она сразу называла и доказывала, какъ и почему такой-то будетъ полезенъ мнѣ и выгоденъ для избирающихъ; и всѣ соглашались съ нею.

Такимъ образомъ устроивъ все, просили дядюшку, чтобы смастерилъ и при самомъ выборѣ и не допустилъ бы *противниковъ* разстроить плановъ нашихъ; и онъ наставилъ насъ и роздалъ роли по принадлежности.

При выходѣ отъ насъ гостей я подслушалъ, какъ говорили: «Такъ вотъ нашъ предводитель? Говорили, умнѣйшій челоѣкъ, мастеръ говорить; а онъ, голубчикъ, и не пикнулъ при разсужденіяхъ. — За то жена всѣмъ распоряжала. — «Жди же добра! Стало, она будетъ предводительствовать? Убили мы бобра!» — Что же за бѣда? Кому нибудь надобно же править. —

А мнѣ какая нужда, думалъ я, что другіе будутъ управлять вмѣсто меня? Почетъ и слава при мнѣ, трудовъ же никакихъ. Худо ли, хорошо ли дѣла пойдутъ, горя мало, я не беспокоюсь; я-себѣ предводитель, сижу выше всѣхъ, иду впереди всѣхъ. Знай нашихъ!

Затѣмъ въ собраніи выбирали засѣдателей въ верхній земскій судъ; и какъ избирали не всѣмъ обществомъ, а только одни предводители и депутаты, притомъ же людей, вовсе намъ неизвѣстныхъ, то о достоинствахъ

избираемого расспрашивали мы у предводителя. Когда же и тотъ не могъ ничего положительно сказать, то смотрѣли на наружность; и чуть только фигурка не вывезла, то его и *въ черняки*; а коли молодецъ собою, такъ всѣ *въ одну лузу по бѣлому* и катаютъ.

Тутъ-то я узналъ всѣ названія, принятыя отъ самаго учрежденія выборовъ. Знаю и *черняки*, знаю *прокатить на вороняхъ*, на *пятихъ* и прочее все такое замысловатое.

При избраніи *инаго бѣгали* по нашимъ рядамъ и просили «вывезти», и мы дружно откатывали. За одного стали просить моего сосѣда-предводителя, чтобы поддержалъ самъ и другихъ упрости́лъ бы. «Не могу, батенька! отвѣчалъ упрашиваемый. Знаю, что твой отличный малый, ума много, честенъ, дѣлецъ, да вотъ видишь ты: Закадышкину обѣщалъ посадить его въ гражданскій департаментъ — тамъ дѣлишки есть мои — а за то онъ всю стаю сдаетъ мнѣ на все время, пока будетъ на службѣ. Не могу покривить душою, право-слово не могу!»

Если же кто изъ избираемыхъ, бывъ неизвѣстенъ, да и по фигурѣ, какъ говорится, былъ «ни якши, ни яманъ, средней руки», такъ чтобы противъ присяги не согрѣшить, не охулить достойнаго и не избрать негоднаго, возмешь шаръ, подложишь руку подъ сукно, швырнешь шаръ на «авось», куда самъ упадетъ, лишь бы я грѣху непричастенъ. И такимъ образомъ «знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ, а дѣло наше», избрали засѣдателей для суда о нашей собственности и чести.

Потомъ приступили и къ выбору уѣздныхъ чиновниковъ. Комната, назначенная для нашего уѣзда, не могла вмѣстить дворянъ, то нѣкоторые (назначенные въ предварительномъ нашемъ совѣщаніи) сѣли въ другой, сосѣдней. Ящикъ обносили прежде въ одной, а потомъ выносили въ другую комнату къ сидѣвшимъ тамъ дво-

рянамъ. Противники наши, уже оправясь въ здоровьѣ, были всѣ на лицо.

И вотъ странность, которой я сначала не понималъ: избираютъ *нашего*; замѣчаешь, противники кладутъ налѣво, и такихъ насчитаешь порядочное число; обнесутъ въ обѣихъ комнатахъ ящикъ, подадутъ ко мнѣ, открою... одинъ, два, много три неизбирательныхъ. Избираютъ кого изъ противной партіи, видимое дѣло — кладутъ направо не скупю; а откроешь, тоже три не больше избирательныхъ. Я недоумѣвалъ, отъ чего это такъ выходить? Да ужъ мнѣ по секрету изъяснили. Штука очень простая. Кому это поручено, сядетъ въ другой комнатѣ съ другими. Ему поднесутъ ящикъ, онъ заложитъ руку подалѣе, да или задумается или заговорится съ сосѣдомъ, самъ и перекладываетъ изъ ящика въ ящикъ, куда надобно, и сдѣлаетъ судъ человѣку. Этой штукѣ научилъ дядюшка.

Такимъ образомъ по совѣсти, чести и присягѣ избрали мы чиновниковъ по желанію. Въ уѣздные судьи посадили человѣка, какъ называли его, средней руки: дѣла слушалъ терпѣливо, понималъ въ половину, но съ секретарскою резолюціею соглашался; секретарь же былъ дока, такъ и надежно было. Притомъ же онъ много способствовалъ въ выборѣ меня въ предводители. За то засѣдатель старшій былъ лихой малой. По суду онъ не брался, за то обѣщалъ дворянскія опеки устроить по желанію. Былъ смѣтливъ и рассчитывалъ на большія выгоды. Другаго засѣдателя, чтобы не мѣшалъ ни по суду, ни по опекѣ, выкопали какого-то философа, все только думающаго и, въ случаѣ надобности сказать что, изрекающаго какой-нибудь стихъ изъ прописи и другихъ философическихъ сочиненій.

Въ нижній земскій судъ избрали обѣщавшихъ уважать насъ, должностныхъ, при проходѣ воинскихъ командъ, не вводить ихъ въ наши имѣнія, крестьянъ

нашихъ увольнять отъ починки дорогъ, препровожденія арестантовъ и другихъ тягостей; равно не взыскивать податей, пока не разсѣется слухъ о прощеніи недоимокъ. Сверхъ того капитанъ-исправникъ, котораго положеніе крайне было стѣснено, и которому, для поправки его, мы дали это мѣсто, обѣщаль неограниченно исполнять всѣ наши требованія, а въ угодность Авдотѣ Макаровнѣ, крѣпко настаивавшей о выборѣ его, желавшей часто изъ намѣстническаго города получать моды, далъ слово всегда взыскивать надобность посылать туда нарочныхъ.

Такимъ образомъ кончились всѣ выборы чинно и согласно. Затѣмъ пошли балы и праздники. Жена моя, окончивъ заботы по выборамъ и такъ славно успѣвъ во всемъ, пустилась въ большой свѣтъ и все водилась съ знатію. Къ намъ то и дѣло что пріѣзжали губернаторша, различныя предсѣдательши, прокурорши и другія. Мы блистали не на шутку!

«Видишь ли, какъ честятъ Столбикову? сказалъ одинъ чиновникъ знакомому моему: не потому ли, что она умна? Не правда. Богата, вотъ и находятъ въ ней достоинства. Не имѣй она такого огромнаго состоянія, такъ если бы и въ десять разъ была умнѣе, никто не позаботился бы знать объ имени ея.»

Изъ этого я сдѣлалъ свое заключеніе: стало, богатство есть первѣйшее изъ достоинствъ. Кто его не имѣетъ, въ томъ не заботятся отыскивать ни ума и ничего добраго и полезнаго.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

О томъ, какъ я началъ и продолжалъ службу.

По возвращеніи нашемъ въ деревню, не успѣли мы хорошенько и отдохнуть, какъ начали къ намъ пріѣзжать дворяне, которые помѣльче, рекомендоваться,

поздравить, просить защиты и покровительства. Не устыдились пріѣхать и тѣ, которые поносили мою Авдотью Макаровну за поступокъ ея при замужствѣ со мною. Теперь сами заводили о томъ рѣчь и, слыша отъ нея пересказъ въ другомъ видѣ, казались вѣрющими ей, удивлялись нелѣпымъ, превратнымъ слухамъ, «распущеннымъ-де, матушка, вашими недоброжелателями»; клеветали на нихъ ужасную ахинею и употребляли всѣ средства, чтобы подбитися въ милость къ своей предводительшѣ.

По дружбѣ передавали намъ, что многіе степенные дворяне, знающіе и незнающіе меня, удивлялись и порицали, какъ выбрали-де въ такую почетную должность Столбикова, не служившаго дворянству и неизвѣстнаго ни по какому благородному дѣйствию въ уѣздѣ. «Каковъ человекъ! говорили они; каковъ умъ!.. и это нашъ предводитель!»

— Говорите теперь, что хотите, а я достигла своего — отвѣчала Авдотья Макаровна, закрываясь дорогою шалью...

«Неужели они правду говорятъ?» думалъ я самъ себѣ, ходя въ халатѣ и колпакѣ.

Надобно было приниматься и за службу. У насъ недолго. Собравшись, я вѣѣхалъ въ свой уѣздный городъ со всею пышностью. Немедленно явился городничій, и я съ нимъ распорядился о завтрашнемъ, первомъ днѣ новаго года.

Послѣ молебствія всѣ вновь избранные чиновники, въ предшествіи моемъ, шли въ дома, занимаемые присутственными мѣстами. Тамъ я ввелъ каждого чиновника въ свое мѣсто и сказалъ имъ привѣтствіе, вытверженное мною изъ словъ Авдотьи Макаровны. Въ тотъ день былъ у меня обѣдъ.

На другой день я пріѣхалъ для засѣданія въ опеку. Засѣдатель уѣзднаго суда, какъ членъ опеки, все

уже пересмотрѣлъ и приготовилъ къ нашему разсужденію. Мы нашли богатые имѣнія, состоящія въ опеку, и—какъ говорилъ засѣдатель—изъ осторожности, чтобы намъ не отвѣчать за могущіе случиться безпорядки, мы настоящихъ опекуновъ отрѣшили, а на мѣста ихъ опредѣлили братьевъ и другихъ родственниковъ судьи и засѣдателей, а по недостатку родныхъ, опредѣляли и хорошихъ пріятелей нашихъ. «Эта-де мѣра необходима, разсуждалъ засѣдатель: посторонній человѣкъ управляетъ имѣніемъ и не заботится о соблюденіи порядка, а чрезъ то члены опеки подпадаютъ подъ отвѣтственность. А какъ опекуномъ близкій мнѣ по родству и пріязни, такъ онъ-де бережетъ меня на каждомъ шагу.» Я нашелъ это мнѣніе совершенно справедливымъ, и согласился съ членами.

Протоколистъ вздумалъ было поумничать и доложилъ о снятіи опеки съ нѣсколькихъ имѣній, владѣльцы коихъ уже достигли совершенныхъ лѣтъ, но находились за границею при арміи или при посольствѣ. Но я самъ, безъ чьего либо наставленія, предложилъ, что какъ наслѣдники не просятъ объ отдачѣ имъ имѣній, то и держать ихъ въ опеку, пока они, кончивъ службу, не пріѣдутъ лично просить о томъ. Члены мои, признавъ мнѣніе мое справедливымъ и полезнымъ, согласились единодушно, добавивъ только, чтобы въ тѣ имѣнія опредѣлить опекуновъ другихъ, по нашему назначенію.

Распорядивъ такимъ образомъ къ выгодѣ и спокойствію какъ членовъ опеки, такъ и опекуновъ, и по изготовленіи и по повѣркѣ всѣхъ бумагъ, мнѣ поднесли ихъ къ подписи. Вотъ я и началъ ихъ отхватывать. Все подписываю, да подписываю: «предводитель Столбиковъ.» И уже къ концу подходило, какъ судья меня остановилъ и показалъ, что я напрасно такъ подписываю. Какъ я разсмотрѣлъ, такъ я на каждой страницѣ, не

разбирая, слѣдуетъ ли или нѣтъ, все клеймлю «Столбиковъ» да «Столбиковъ» — и такъ перепортилъ все написанное. То-то неопытность и непривычка еще къ бумажнымъ дѣламъ.

Впрочемъ это ничего и не значило. Лишняя бумага пропала, и больше бѣды не было. Не къ начальству шли бумаги. Вотъ уже въ такомъ случаѣ я былъ очень разсмотрителенъ и подпись ставилъ со всѣмъ прилежаніемъ, какъ будто изъ прописи у отца Филиппа.

Скоро по вступленіи моемъ въ должность, постилъ меня и Матвѣй Степановичъ Моргушкинъ, интересовавшійся знать, кто будетъ предводителемъ въ нашемъ уѣздѣ. Какъ же дядюшка мой Осипъ Семеновичъ отрекомендовалъ ему меня и приписалъ мнѣ нужныя для него достоинства, то онъ — спасибо ему — много способствовалъ въ моемъ выборѣ.

Теперь открылось, въ чемъ онъ имѣлъ надобность въ предводителѣ. Тетушка его была старуха бездѣтная, имѣвшая значительное состояніе, и все — какъ старуха — хворала, но объ имѣніи не дѣлала никакого распоряженія, а предоставляла воспользоваться наслѣдникамъ по закону. Моргушкинъ же былъ въ такой степени ей родственникъ, что не могъ получить никакой части.

Вотъ онъ просилъ меня побывать у тетушки его и склонить, чтобы она не оставляла повода ко враждѣ наслѣдникамъ между собою, въ случаѣ раздѣла по смерти ея имѣнія, а для общаго спокойствія укрѣпила бы все имѣніе ему.

Я ѣздилъ къ этой тетушкѣ, убѣждалъ ее всѣми резонами, кои прежде внушилъ мнѣ Моргушкинъ; но тетушка, какъ старуха, была упряма и не поддавалась ни на какія мои просьбы и убѣжденія.

Еще Моргушкинъ жилъ въ нашемъ городѣ, оканчивалъ свои дѣла по откупу, какъ прискакалъ нароч-

ный, что его тетушка скоропостижно изволила скончаться. Матвѣй Степановичъ убѣдилъ меня скакать въ домъ покойницы. Мы пріѣхали, когда покойницу только лишь успѣли положить на столъ. Моргушкинъ тотчасъ выслалъ всѣхъ изъ залы, гдѣ лежало тѣло, вынулъ бумагу, взялъ перо съ рукою покойницы и подписалъ ея имя и все, что должно къ подписи духовной, и, оправивъ покойницу, отворилъ вездѣ двери. Потомъ, оборотясь ко мнѣ, сказалъ: «Вы подпишетесь на духовной въ свидѣтеляхъ?»

— Какъ же могу я подписаться, сказалъ я съ удивленіемъ, когда видѣлъ, что вы дѣлали? —

«Больше ничего и не надобно, сказалъ онъ. Я не смѣю, по благородству правилъ и чувствъ вашихъ, требовать, чего, батенька, не можно. Пишите, что вы видѣли.»

— Что же мнѣ писать? —

«Пишите, что сіе духовное завѣщаніе, въ присутствіи моемъ, рукою умершей поручицы Агафьи Семеновой дочери Снѣжкиной подписано, въ томъ по совѣсти и чести свидѣтельствую предводитель Столбиковъ. — Вотъ и довольно.»

Не успѣлъ я подписать, какъ пріѣхалъ исправникъ съ судомъ, члены уѣзднаго суда и нѣсколько дворянъ, всѣ по приглашенію Моргушкина. Онъ тотчасъ отнесся къ дворянамъ и просилъ ихъ подписаться въ свидѣтеляхъ на духовной. «А сомнѣваться вамъ, отцы мои родные — прибавилъ онъ — не къ мѣсту, когда командиръ вашъ, почтенный предводитель, утвердилъ своимъ подписомъ все, что видѣлъ. Покорно прошу, ничто же сомнящися.»

И отцы родные, ни въ чемъ сомнящися, откатали, свидѣтельствуя «въ томъ же.»

Между тѣмъ уѣздный судъ открылъ свое засѣданіе, куда Моргушкинъ представилъ духовное завѣ-

щаніе, которое въ тотъ же часъ, по разсмотрѣніи, что оно «писано на основаніи законовъ и умершею подписано и свидѣтелями подтверждено», утвердилъ его во всей силѣ и предписалъ нижнему земскому суду, новаго владѣльца ввести во владѣніе; что судъ тутъ же и исполнилъ.

Окончивъ все, чего требовала моя должность, я хотѣлъ ѣхать домой; но куда! За меня всѣ уцѣпились и никакъ не хотѣли меня отпустить. Мнѣ очень пріятно было видѣть отъ всѣхъ членовъ въ уѣздѣ такое ко мнѣ усердіе. Обѣдъ скоро поспѣлъ, и какъ покойница жила съ запасцомъ, то нашли у ней и вина отличныя. За обѣдомъ я хотѣлъ было пить здоровье новаго владѣльца, но онъ никакъ не согласился, а предложилъ выпить за здоровье общаго отца и командира, а его душевнаго благодѣтеля, то есть, мое. Встали отъ стола очень шумны.

Послѣ обѣда я поспѣшилъ въ городъ.

Дорогою пришло мнѣ на мысль: не поступилъ ли и я подобно съ имѣніемъ Снѣжкиной, какъ поступили съ моимъ при взятіи въ опеку? Не такую ли незаконную бумагу и я засвидѣтельствовалъ, какъ засвидѣтельствовали письмо, будто бы писанное матушкою къ Макару Тимоѣевичу? Не похожъ ли конченный мною теперь обѣдъ на поминки, бывшіе по погребеніи матери моей? — Разсудивши хорошенько, я нашелъ, что здѣсь и тамъ большая разница. Тамъ имѣніе все безъ изъятія принадлежало мнѣ и расхищено чужими. Здѣсь же имѣніе пока ничье и досталось одному изъ родственниковъ, чѣмъ и отстранился всякій поводъ къ враждѣ и процессамъ, неминуемымъ при раздѣлѣ между наследниками большаго имѣнія; все остается спокойно и согласіе не нарушено. Тамъ было составлено письмо ко вреду моему, а здѣсь, хотя и съ фальшью, но духовная успокоиваетъ всѣхъ, имѣніе не расхищается, не рас-

торгается въ цѣлости, и если бы наслѣдники вздумали вести процессъ и выиграли бы его, то безъ дальнихъ затрудненій могутъ въ одинъ разъ принять все отъ Моргушкина. Слѣдовательно я не сдѣлалъ худа, засвидѣтельствовавъ духовную, и не покривилъ душою, потому что подписалъ то, что было, и я видѣлъ, какъ рукою умершей подписано. А что судъ утвердилъ, это не мое дѣло. Я тамъ не присутствую и не отвѣчаю за нихъ. Теперешній обѣдъ былъ весьма различенъ отъ матушкиныхъ поминокъ. Тамъ пировали, а здѣсь только обѣдали. Тамъ были все сторонніе, а здѣсь должностные. Окончивъ дѣло, не ѣхать же имъ по домамъ обѣдать.

Такъ это такъ, потому что я нашелъ, что это такъ.

Я былъ дѣятельный предводитель и ничего не подписывалъ, пока мнѣ не прочтутъ. Признаюсь однако же, что варварскій, приказный языкъ такъ былъ теменъ для меня, что хотя и прочтутъ, но я все не понималъ ничего. Плутъ-протоколистъ что дѣлывалъ со мной! наскучить ему толковать всякую бумагу и объяснять дѣло, такъ онъ пришлетъ ко мнѣ бумаги къ подписи съ сторожемъ. Читаю-читаю, перечитываю сверху внизъ и снизу вверхъ, хоть убейте, не пойму! Объяснить не-кому, и такъ, чтобъ не длить дѣла — и подмахну!

Такимъ побытомъ продолжалась служба моя со всѣмъ усердіемъ и стараніемъ. Дѣла у меня не залеживались, разомъ ихъ рѣшалъ. Правда, отъ верхняго земскаго суда часто получала опека наша нахлобучки; но какъ это было не на мое одно лицо, но вообще на всю опеку, то я и не уважалъ, а дѣлалъ свое, по крайнему моему разумѣнію, не огорчаясь бумажными замѣчаніями.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

О ТОМЪ, КАКЪ Я БЫЛЪ ВЗЯТЪ ЖЕНОЮ МОЕЮ
ПОДЪ НАДЗОРЪ.

Наконецъ всѣ мои дѣянiя по опеку и собственно по должности предводителя сдѣлались извѣстны моей Авдотѣ Макаровнѣ. Она загремѣла на меня гнѣвно. Укоряла меня за Моргушкина, что я рѣшился на такое постыдное дѣло и въ моемъ, столь почтенномъ званiи, вздумалъ поддерживать бездѣльника. Досталось и за дѣла по опеку: за опредѣленiе опекуновъ, за отчеты, за все, за все. Какимъ образомъ она это въ такой подробности и точности знала, не понимаю! Сѣтовала очень, что, по положенiю своему, не могла переѣхать въ городъ, чтобы видѣть все самой и предостерегать меня. Но «приказывала», для моей же пользы, не подписывать никакой бумаги иначе, какъ прежде приславъ ей на разсмотрѣнiе, и что она утвердитъ или пришлетъ свое, то и подписывать.

Нельзя было не послушать. Она была «въ такомъ» положенiи и это могла быть одна изъ «прихотей» ея. Но какъ сказать о томъ членамъ? Я рѣшился вотъ на что. Въ присутствiе опеки не сталъ ходить, а приказалъ къ себѣ приносить бумаги, которыя въ тотъ же часъ и отсылалъ къ Авдотѣ Макаровнѣ, а получалъ уже отъ нея замѣтки и поправки черезъ полторы сутки... и бабюшки-свѣты! все наше отмѣнено, перемѣнено, уничтожено и написано свое съ приказанiемъ привести все, ею написанное, въ форму и порядокъ. Надобно правду сказать, хоть она и просто напишетъ, безъ украшенiй, но такъ толковито, ясно, а притомъ справедливѣе нашего, что я утѣшался, и чего мнѣ, а также и членамъ и на умъ не придетъ, она все выведетъ, выяснитъ и какъ гвоздемъ приколотитъ.

Когда первыя бумаги были къ ней отосланы, протокистъ спрашивалъ ихъ у меня, нужно-де скорѣе исполнять; то я отговаривался, что читаю. Наконецъ, получивши резолюцію жены, я ее перебѣлилъ и отдалъ протокисту, сказавъ, что я такъ, а не иначе хочу. Тотъ, прочитавъ, выпялилъ на меня глаза отъ удивленія и потомъ сказалъ: «Члены не согласятся.»

— Какая мнѣ нужда — отвѣчалъ я ему, посматривая на записку Авдотьи Макаровны, въ которой написанъ былъ этотъ отвѣтъ отъ слова въ слово. — Для меня честь дороже моей съ ними дружбы. Пусть даютъ голосъ. —

Бумаги написали по велѣнію жены моей и подписали безотговорочно, потому что справедливо было рѣшено.

Кромѣ дѣлъ по опекамъ, о каждой словесной, личной ко мнѣ просьбѣ, о защитѣ, ходатайствѣ или совѣтѣ я обязанъ былъ доводить до свѣдѣнія Авдотьи Макаровны и не прежде что отвѣчать, какъ получивъ отъ нея наставленіе. Я все принималъ или выслушивалъ обстоятельно и просилъ сроку обдумать, сообразить и чрезъ два дня сказать отвѣтъ. Удивлялись моему глубокомыслію или «долгомыслію»; зная же меня совершенно, не постигали, какъ могу я такъ здраво видѣть все и обсуживать справедливо. Полагали, что мною кто ни есть управляетъ; стерегли, кто приходилъ ко мнѣ: но какъ это были люди не тонкіе, то, оставя сомнѣніе на нихъ, примѣчали, что именно я посылаю къ женѣ. И какъ нѣтъ тайны, которая бы не открылась, то и сдѣлалось имъ все извѣстно.

Придумывали средства, какъ бы отвлечь меня отъ совѣтовъ жены и понудить дѣйствовать самому. Сначала расположились задѣть мое самолюбіе; начали подшучивать такъ, чтобы все это доходило ко мнѣ, что мною управляетъ жена, что меня бы слѣдовало нарядить

въ чепчикъ и заставить вышивать — и мало ли чего подобнаго не говорили.

Толкуйте, думалъ я, узнавая такія ихъ сужденія; а я выхожу отличный предводитель. Чѣмъ дозволить какому протоколисту владѣть мною, такъ лучше пусть законная жена управляетъ.

Теряя терпѣніе отъ того, что не могутъ дѣлать вести по своему желанію, члены опеки не знали уже, что и придумать, какъ злодѣй-протоколистъ подалъ свое мнѣніе: «Всякъ человѣкъ обуреваемъ какою либо грѣховною слабостью. Я, грѣшный, преданъ неумѣренному питью горячихъ напитковъ; Марко Демьяновичъ любитъ упражненіе въ карточкахъ; Миронъ Ѳедоровичъ пристрастенъ къ издоимству, такъ и идетъ отъ человѣка до скота. Неужели его высокоблагородіе Петръ Степановичъ, нашъ достопочтенный господинъ предводитель — человѣкъ безъ порока и слабостей? Попробуемъ.»

И вотъ начали пробовать меня. Съ-обща составили пирушку; всѣ средства употребляли напоить меня и располагали въ томъ поддерживать меня всегда; но увидѣвъ, что я рѣшительно отказался пить хотя бы малость чего изъ крѣпкихъ напитковъ, то и оставили.

Посадили за карты; учили въ бостонъ, въ курочку, въ банкъ; но увѣрясь, что я мастей, отъ неупотребленія, не могу различить, даму отъ прочихъ фигуръ только по наряду различаю, счета въ голову не возьму, бросили и эту затѣю.

Вывезли меня на охоту. Я не захотѣлъ ружья и въ руки взять, помня еще ужаснѣйшій мушкетъ въ военной службѣ, и согласился скорѣе всего на тенета. Раскинули, звѣря погнажи... а меня нашли преспокойно подъ шумъ гоньбы уснувшего подъ деревомъ. Не годилось и это.

Протоколистъ, пощелкивая пальцами, терялся.

Какъ вотъ явился въ городъ новый жилецъ, Закрутинъ съ женою, которыхъ я во время выборовъ видѣлъ у бывшаго предводителя. Онъ имѣлъ множество процессовъ по всѣмъ судамъ. Былъ у меня, и я отдалъ ему визитъ. Потомъ началъ онъ просить меня объ одномъ дѣлѣ по опеку. Пославъ, куда слѣдуетъ, запросъ, я получилъ строжайшее запрещеніе соглашаться на такое явно безсовѣстное и несправедливое дѣло. Закрутинъ, выслушавъ мой отказъ, не огорчился, и просилъ жаловать къ нему почаще. Я бывалъ. Какъ пріѣхавъ къ нимъ въ одно утро, гляжу... у нихъ явилась племянница, какъ они называли, вдова, не болѣе какъ лѣтъ двадцати, съ черными, да еще съ какими? глазами, съ румянцемъ, съ улыбкою, съ завитками, съ таліею, съ ловкостью, съ живостью... ну, малина, однимъ словомъ.

«Канальство!» подумалъ я... и все гляжу на нее, а она на меня... Обошлась со мною развязно. Бывала въ Москвѣ и въ другихъ лучшихъ городахъ; тамъ набралась и ловкости и обращенію. Хозяева были люди стараго вѣка и предоставили ей занимать меня. Да и заняла же! Чистосердечно признаюсь, что съ нею я забылъ даже Авдотью Макаровну, не помнилъ, что я есть мужъ ея; забылъ опеку, дѣла и все... и только слушалъ сладкія рѣчи ея и восхищался пламенными взглядами ея.

Говорю, не наговорюся, гляжу, не нагляжуся, а ѣхать надобно! Старики, по законамъ вѣжливости, просили также часто навѣщать ихъ; а вдовушка?... только взглянула, да повела глазками... такъ я съ трудомъ и уѣхалъ!..

Очувствовавшись дома, я испугался самъ себя, вообразивъ, что я близокъ къ невѣрности, и предъ кѣмъ же?... предъ Авдотьею Макаровною!.. Трепетъ обнялъ душу мою, когда я вообразилъ ее стоящую предо мною

и читающую мои чувства... Перетруся порядочно и сообразивъ всѣ послѣдствія, рѣшился быть постояннымъ и избѣгать случаевъ видѣться съ прелестницею...

Какъ вотъ... приходитъ судья и проситъ на вечеръ. У него будутъ и Закрутихины... и я далъ слово. «Этотъ вечеръ, такъ думалъ я, посмотрюсь и налюбуюсь вдовушкою, а завтра къ женѣ на покаяніе.

На вечеръ пріѣхали Закрутихины, и вдовушка съ ними. Войдя въ комнату, окинула глазомъ и, встрѣтись взоромъ со мною... кончила все! Какъ она въ тотъ вечеръ была весела, ловка, мила, прелестна! Безъ умолка говорила и занимала все общество. Пѣла Русскія пѣсни... да что за голосъ! Какъ зальется, такъ у меня сердце точно молотомъ бьетъ. А какъ пошла плясать по цыгански... кончено!... изгибается, изворачивается, плечикомъ тряхнетъ, вскрикнетъ, взвизгнетъ... ну, пропалъ я!...

При разъѣздѣ я подалъ шубу вдовушкѣ... она проситъ меня застегнуть ей шейку... Застегиваю... смотрю ей въ глазки... полусвѣтъ... всѣ заняты собою... цѣлую ее!... «Шалунъ! сказала она, улыбнувшись; проводите же за то.» И я проводилъ...

Справедливо сказалъ протоколистъ, что всякъ человѣкъ подверженъ какой либо слабости... и Столбиковъ человѣкъ!...

И я забылъ жену, домъ, должность, забылъ вселенную. Одну зналъ, одну видѣлъ, одну слышалъ—вдовушку... Несносный протоколистъ помрачалъ мои восторги. Лишь только я у вдовушки и занимаюсь одной ею, онъ съ бумагами и — говорить — самонужнѣйшими. Я отсылаю ихъ домой, но милая пристанетъ съ просьбою, чтобы я для нея не пренебрегалъ должностью, и усадить писать. Сама подастъ къ подписи бумаги; я же, чтобъ скорѣе отвязаться отъ несносныхъ дѣлъ, все, не читавши, подписываю.

Чего только я тогда не подписалъ! Ужъ конечно Закрутихина дѣло прежде всего, какъ ему желалось, такъ я и подмахнулъ. По опеку перевершилъ все, что прежде самъ постановилъ, и вновь всѣ распоряженія пошли, какихъ только хотѣлось моимъ товарищамъ. А сколько свидѣтельствъ выдалъ о происхожденіи, о правѣ на наслѣдство, о дворянствѣ, сколько призналъ правильными отчетовъ опекунскихъ, и проч. и проч. Подписывалъ какія-то сдѣлки, долговые акты, всего и не вспомню. Да какъ и помнить, какъ заняться разсмотрѣніемъ дѣла, какъ не подписать чего скорѣе и не швырнуть къ протоколисту, когда вдовушка тутъ же, плечо съ плечомъ, рука съ рукой и часто уста съ устами... да еще и упрашиваетъ: «оканчивайте эти несносныя дѣла, займемся другъ другомъ.» Ссылаюсь на всѣхъ и каждого, что въ такомъ положеніи кабалу на себя подпишешь безспорно и не почувствуешься.

Вдругъ получаю отъ жены, къ которой пересталъ не только писать о дѣлахъ, но даже спрашивать о ея драгоцѣнномъ здоровьѣ, строгое, гнѣвное приказаніе, немедленно бросить все. «Понимаешь ли? *все*»; такъ писала она, и пріѣхать къ ней. «Здоровье-де мое такъ слабо, что твое скорое прибытіе необходимо» И заключила также строжайшимъ приказомъ тотчасъ выѣхать.

Письмо это меня смутило очень и такъ напугало, какъ будто я самую Авдотью Макаровну увидѣлъ предъ собою и еще въ полномъ гнѣвѣ. Вдовушка смѣялась и тутъ же разговорила, развеселила меня и убѣдила не слушать жены, не ѣхать къ ней. «Поживемъ, мой милый, такъ говорила она, для пріятности, простонароднымъ нарѣчіемъ; пока можно да лъзя. Хоча рады, не рады, а разстанюшки сами придутъ къ намъ. Твоя жена, моя злодѣйка, разлучница наша, не можетъ сама ѣхать, и пусть ее бѣсится тамъ, а мы здѣсь поживемъ

въ своей волѣ. Отпиши ей, что будешь скоро, пусть ожидаетъ.»

Я такъ и сдѣлалъ: написалъ самое нѣжное письмо и увѣрялъ, что не могу отлучиться по причинѣ одного интереснаго дѣла, занимающаго душу мою и сердце. Въ заключеніе увѣрилъ, что я изсохъ отъ скуки по ней, и кончилъ: «прощай, моя Мегера!» Вдовушка увѣряла меня, что это еще нѣжнѣе, чѣмъ Венера.

Только лишь это кончилъ, гляжу—новая напасть. Прихожу къ Закрутихину, онъ съ женою уѣхалъ, оставивъ племянницу одну одинешеньку какъ палецъ. Надобно знать, что она была жена какого-то племянника ихъ, не то капитана, не то маіора, гдѣ-то убитаго или умершаго; они различно говорили о томъ. Вотъ Закрутихины пристали къ ней за наслѣдство послѣ мужа ея; слово за слово, разсорились, и какъ уже всѣ дѣла ихъ кончились по нашимъ судамъ, такъ они вдругъ собрались и уѣхали, не заплативъ ничего за квартиру, обообрали ее кругомъ и даже взяли у нея вексель на пять тысячъ, данный мною на обезпеченіе участи ея, а на имя Закрутихина. Что оставалось дѣлать сиротѣ?—Натурально, что я, по званію моему, долженъ былъ принять ее въ свое покровительство; но и долженъ былъ поступить осторожно, чтобы честь ея сохранить отъ нареканія. Не придумавъ самъ ничего, я пригласилъ своихъ товарищей по службѣ, спросить у нихъ совѣта, что мнѣ дѣлать въ такомъ критическомъ обстоятельствѣ?

Общій голосъ былъ, что безпомощной вдовѣ всего приличнѣе жить у меня, пока отыщутся родные и возьмутъ ее. Въ отвращеніе же всякаго нареканія, пріятели мои общались разглашать вездѣ и увѣрять всѣхъ, что это сдѣлано не съ какимъ либо предосудительнымъ намѣреніемъ, а единственно изъ благотворенія.

Успокоивъ прелестную капитаншу съ этой стороны, заплативъ даже за квартированіе Закрутихиныхъ, я

имѣлъ удовольствіе вдовушку помѣстить у себя. Какъ она была благодарна за доставленный ей пріютъ. Все мое хозяйство взяла въ полное свое вѣдѣніе и распоряжала всѣмъ по волѣ своей. Кромѣ того что деньги, имѣвшіяся и присылаемыя отъ жены, даже до послѣдней вещицы, бывшей при мнѣ, всѣ поступили къ ней.

Службою не давала мнѣ заниматься. Только лишь увидить, что принесутъ бумаги изъ опеки, она ихъ прямо ко мнѣ: «подпишите все сейчасъ. Вотъ вамъ двѣ минуты сроку, а то разсержусь!» Ну, какъ не послушать? До чтанья ли? Подпишешь поскорѣе, что принесутъ, да и покоенъ. Впрочемъ, къ чести моей и ея скажу, что она по дѣламъ не управляла мною: никогда не выпрашивала никому никакого рѣшенія, хотя и къ ней забѣгали просители, а только и настаивала, чтобы я скорѣе подписывалъ.

Въ одинъ вечеръ сажу въ креслахъ, а вдовушка у меня на колѣнахъ. Разговоръ у насъ дошелъ уже до того, что мы сочиняли планъ, какъ бы мнѣ развестись съ Авдотьею Макаровною. Вдовушка рассказывала, какихъ имѣетъ знатныхъ и сильныхъ родныхъ, которые будутъ мнѣ въ томъ способствовать. «Только надобно, мой милый, прибавила она, сыскать причину, почему ты требуешь развода.»

— Я напишу правду, отвѣчалъ я. Я напишу, что терпѣть не могу этой Авдотьи Макаровны. —

«За что ты меня не любишь, а?...» раздался за мною голосъ страшнѣе всякаго грома!... Я обмеръ, въ глазахъ потемнѣло, встать не могъ, руки мои опустились и... моя несчастная капитанша, также до крайности испуганная, сползла по ногамъ моимъ до самаго полу и осталась на немъ лежащая. Положеніе мое было хуже, нежели, въ нѣкоторое время, Трифона Евдокимовича Фигуркина.

«Съ тобой, ужасный человекъ, я раздѣлаюсь послѣ, загремѣла ко мнѣ Авдотья Макаровна, такъ неожиданно и такъ не въ пору къ намъ представшая, и, оборотясь къ лежащей милой вдовушкѣ, какъ жертвѣ къ заколенію, вскричала: «А ты, мерзавка, вонъ изъ моего дома. Люди! вытолкайте ее.»

Люди вбѣжали и бросились-было къ «жертвѣ.»

«Не смѣй никто тронуть и обидѣть ее. Это благородная дама!» кричалъ я, отпихивая неповинующихся мнѣ лакеевъ.

— Какая она благородная? кричала жена. Это актриса, взятая здѣшними господами изъ ближняго театра на прокатъ, чтобы дурачить этого болвана... —

«Она вдова... капитанша, а можетъ и маіорша...»

— Бываетъ и королевою и замужнею и вдовою. Вытолкайте ее вонъ, чтобы не безчестила дома, въ которомъ я жить буду. —

«Роль моя кончилась... я схожу со сцены... не забудь меня, мой милый!...» такъ кричала она — не знаю какъ назвать — когда ее уводили.

«Стыдъ, страмъ, поношеніе! продолжала бѣснующаяся Авдотья Макаровна. Въ твоёмъ званіи, въ твои лѣта не видѣть, не понимать, какъ тебя дурачили. Когда они увидѣли, что изъ-за меня не могутъ ничего сдѣлать, рѣшились отвлечь тебя отъ меня и разсорить насъ навсегда. И вотъ злодѣй Закрутихинъ взялся это дѣло устроить. Зная твою глупость, твою слабость, непостоянство, онъ предложилъ договорить актрису; сложились всѣ, дали ей денегъ и, назвавъ родственницею Закрутихина, свели съ тобою, мерзавецъ! и потомъ дѣлали все, что хотѣли. Что ты въ это время подписалъ?»

— Не могу знать — отвѣчалъ я по самой сущей справедливости.

«Хорошо, сказала она; это я все узнаю послѣ, а теперь должна получить удовлетвореніе, какъ обиженная

жена, какъ огорченная мать, долженствовала, въ моемъ критическомъ положеніи, пуститься въ такой путь... Я должна получить удовлетвореніе. Люди, сюда!»

Люди вошли. Приказано было всѣхъ удалить изъ дому до послѣдняго, запереть кругомъ двери и притти опять сюда. Пришли... Сказать ли? — Лучше умолчу, потому что и Авдотья Макаровна, послѣ окончанія дѣйствія, подъ жесточайшимъ наказаніемъ запретила людямъ, а также и мнѣ, никогда ни пол-словомъ не дать замѣтить, что тутъ происходило; сама же поклялась, что никогда вспоминать не будетъ. Такъ и я промолчу, а скажу только, что она была удовлетворена вполне, какъ обиженная жена...

«Оставляю тебя одного, сказала она мнѣ, уходя изъ комнаты. Обдумай свою вину предо мною и покайся. Будь увѣренъ, я сдержу слово и никому не скажу, даже виду не подамъ предъ посторонними, что я тобою недовольна. Успокойся: я буду говорить съ тобою послѣ. Не приходи ко мнѣ, пока не кликну тебя.»

Оставшись одинъ, я тотчасъ разсудилъ, что весьма дурно поступилъ противъ жены. Совѣсть меня укоряла. Какова ни есть, но все жена. Не надобно было прельщаться глазками... Да какъ же меня тонко поддѣли!.. И тутъ же поклялся, что какіе бы ни встрѣтилъ глазки, улыбочки, румянецъ — не засматриваться. Если случится подать кому шубу, завязать и отойти. Случится кататься хотя вдвоемъ, руки спрятать въ шубу и сидѣть хладнокровно, хотя бы тутъ что ни случилось. Къ рѣчи сказать, клятву я сохранилъ донынѣ; правда и то, что не являлась ни одна, подобная вдовушкѣ...

Я измучился отъ ходьбы по комнатамъ нѣсколько часовъ въ ожиданіи жены. Съестъ мнѣ никакъ невозможно было, какъ и отъ угощенія товарищей въ пенсіонѣ мусье Филу на гуляньѣ. Кстати замѣчу: кому отъ чужихъ, а мнѣ всегда доставалось отъ своихъ.

Утомясь чрезвычайно, я кое-какъ умудрился прилечь на софѣ, и только лишь по приказанію жены успокоился-было и заснулъ, какъ пришли объявить мнѣ, что жена моя произвела на свѣтъ сына.

Ура! знай нашихъ!

Въ радости забывъ все горе, я вскочилъ и бросился къ женѣ.

Огорченія отъ шалостей моихъ, дорога, свиданіе со мною и соперницею, также и «дѣйствіе» со мною до того потревожили и разстроили ее, что она прежде нѣсколькихъ дней разрѣшилась отъ бремени. Но «сынъ мой» былъ здоровъ, и жена моя, протянувъ ко мнѣ руку, сказала слабымъ голосомъ: «Все забыто... прощаю!..»

Какъ жаль, что она не родила нѣсколькими часами ранѣе! Хорошо ей было забывать, но мнѣ-то каково?

Когда я цѣловалъ ея руку — вѣдь долженъ же былъ это сдѣлать, отъ радости, что однимъ Столбиковымъ на свѣтъ больше — она мнѣ сказала: «Сыну имя — Макаръ.»

Это поразило меня! Я бросился умаливать ее; жаловался, что это будетъ напоминать мнѣ опекуна, злодѣя моего... она молчала, молчала на всѣ убѣжденія и просьбы мои. И такъ поздравьте меня съ Макаромъ Петровичемъ Столбиковымъ!..

Жена моя уснула, и я, бывъ свободенъ, успѣлъ сходить и развѣдать, что плутовка-актриса отъ меня бросилась на станцію нанимать лошадей, чтобы уйти отъ преслѣдованія Авдотьи Макаровны. На ея счастье случился проѣзжій ремонтъ; она съ двухъ словъ поступила къ нему въ ремонтъ.

На другой день для всѣхъ было великимъ удивленіемъ, что къ предводителю пріѣхала жена и успѣла родить сына. Засыпали присылкою поздравленій. Отъ моего имени — разумѣется, что я ничего не зналъ — всѣхъ приказано благодарить, а что-дискать когда барынѣ станетъ хоть немного легче, тогда будутъ просить пожаловать.

Самъ же я... охъ!... самъ былъ взять подъ строжайшій присмотръ. Кровать моя была въ спальнѣ дражайшей супруги моей, и я долженъ былъ находиться тутъ безвыходно ночь и день. Кромѣ такого заключенія, чего я тутъ не наслушался! Сколько упрековъ, сколько порицаній истощила на меня Авдотья Макаровна! Все пересчитывала, лишь находила свободную минуту. «Напрасно беспокоитесь, Авдотья Макаровна! говорилъ я, когда она переводила духъ: вѣдь вы же меня простили...»

— Простила отъ повтореній существенныхъ, кои располагала-было учащать; но упрекать не перестану. — И тутъ снова принималась выговаривать.

По моему разсужденію напрасно она изнуряла силы свои, напрасно разсыпалась въ словахъ. «Данное существенное наставленіе сильнѣе на меня дѣйствовало, нежели все ея краснорѣчіе. И беру на себя смѣлость совѣтовать всѣмъ — если есть или будутъ — подобно обиженнымъ женамъ, не надрывать груди своей, не тревожить легкаго, не придумывать укорительныхъ словъ, а прямо, на-бѣло, употребить съ мужемъ то самое средство, которое употребила моя благоразумная Авдотья Макаровна. Честью увѣряю, какъ рукой сниметъ. Живой примѣръ я: сколько лѣтъ послѣ того живу... за помышленія не побожусь, а дѣломъ не проступился и не провинился. Страхъ наказанія удержалъ меня отъ преступленія. Попробуйте, обиженные, послѣдуйте примѣру жены моей. Польза будетъ.

ГЛАВА ДВА ДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О томъ, какъ я служилъ и жилъ постоянно подъ надзоромъ жены.

Авдотья Макаровна, оправясь немного, приказала мнѣ просить къ себѣ всѣхъ знакомыхъ въ городѣ. Все

сѣхалось, Поздравляли, были угощаемы, водимы по одиначкѣ къ родильницѣ, клали червонцы и проч., какъ водится.

Нѣкоторые пускались въ аллегоріи; спрашивали меня, отъ чего я такъ уединялся до пріѣзда жены? Я отвѣчалъ смѣло, что скучалъ за женою, бывшею въ такомъ положеніи. Говорили о Закрутихинѣ и племянницѣ его; хвалили, что милая женщина, и потомъ вдругъ спрашивали: «Она жила у васъ, какъ говорили въ городѣ?»

— О, нѣтъ, отвѣчалъ я хладнокровно по приказанію жены моей. Онъ предлагалъ, но какъ мнѣ можно было на это рѣшиться? Она же безпутная женщина. — И они замолкали; а я очень доволенъ былъ, что такъ искусно все закрылъ.

Приказано мнѣ было, провожая всѣхъ гостей, удерживать судью и членовъ опеки. Когда они остались одни, то и были позваны къ Авдотѣ Макаровнѣ, которая, усадивъ насъ около себя, начала говорить:

«Къ сожалѣнію моему, положеніе мое препятствовало ѣхать къ мужу и жить здѣсь. Я много надѣялась на васъ—и какъ жестоко ошиблась! Какихъ бѣдъ понадѣлали вы своими распоряженіями и какъ много будете отвѣчать!»

— И, матушка, Авдотья Макаровна! сказалъ судья; волка бояться, въ лѣсъ не ходить. —

«И отвѣчать - таки не будемъ. Пустые страхи», сказалъ засѣдатель, завѣдывавшій дѣлами опеки.

— Вовсе не пустые, сказала жена. Не обойдется безъ жалобъ; что съ вами тогда будетъ? —

«Какъ безъ жалобъ? отвѣчалъ засѣдатель; нынче грамотныхъ развелось довольно. Ну, такъ чтожъ? И принесетъ жалобу, правленіе спроситъ отвѣта; вотъ мы и пошли отвѣчать, то за многодѣліемъ, то за справками, за отлучками, да и протянемъ до выборовъ. Такъ вотъ, и наслужимся и на... наслужимъ. Всего важнѣе время.»

— Время и время, и полъ-времени — проговорилъ, вздохнувши, другой засѣдатель.

«Но попадете подъ судъ!» воскликнула жена моя.
— Не мы первые попадемъ, не мы послѣдніе останемся, сказалъ первый засѣдатель. Выйдемъ, матушка! Всѣ мы люди, всѣ мы человѣки. —

«Всякъ человѣкъ ложь, и мы тожъ», вторилъ другой засѣдатель.

— Знаемъ, матушка Авдотья Макаровна, всю азбуку, продолжалъ первый засѣдатель съ жаромъ. Но положимъ: будутъ судить, осудятъ, отрѣшатъ — да и только. Ужъ бить же не стануть, я вышелъ изъ того. Предки мои заслужили дворянскую честь и намъ ее передали. Отрѣшатъ? Я найду въ другомъ мѣстѣ и должность и хлѣбъ. Что тутъ пустое говорить! —

«Оно пустое для васъ, но важное для мужа моего, сказала жена. Конечно, онъ и неопытенъ, и не можетъ обнять дѣлъ — въ этомъ онъ невиноватъ — но вы его выбрали, а онъ помогъ вамъ быть у должностей; слѣдовало бы вамъ изъ благодарности беречь его и не допускать до непріятностей. Но напротивъ вы начали судить и рядить по-татарски, по-шемякински. Я вступилась за мужа и начала оберегать его. Вы рѣшились на ужасный поступокъ! Отыскали какую-то мерзавку — видите! я все знаю...»

— Никакая тайна не можетъ быть укрыта — пробормоталъ второй засѣдатель.

«Эту мерзавку, продолжала жена, вы хотѣли свести съ мужемъ моимъ, разорвать нашу нѣжнѣйшую связь, разлучить меня съ другомъ моимъ. При первомъ вашемъ покушеніи, онъ писалъ ко мнѣ...»

— Конечно, матушка, послѣ катанья? — спросилъ злодѣй первый засѣдатель.

«Какъ вамъ угодно толковать — съ жаромъ перервала жена; но я говорю правду и не буду унижать себя

ложью—для васъ. Онъ жаловался мнѣ, уѣхать не могъ, а я не могла пріѣхать къ нему и даже написать. Онъ тосковалъ, страдалъ... Правда ли, Петръ Степановичъ?»

— Правда, Авдотья Макаровна! отвѣчалъ я. Ужъ какъ я страдалъ! измучился... —

Гости переглянулись другъ съ другомъ.

«Видите ли? я говорю правду. Онъ до того былъ смѣшанъ отъ необыкновеннаго для него положенія, что совершенно потерялся и дѣлалъ все по волѣ вашей. Говорятъ, что будто онъ далъ векселя и закладныя. Правда ли?»

— Хоть сейчасъ убейте, не знаю и не помню ничего — отвѣчалъ я рѣшительно.

«Видите ли? Чуть только я могла, въ то же время и выѣхала. Здѣсь я все нашла совсѣмъ не такъ, какъ воображала, и поспѣшила успокоить мужа...»

Я невольно вздохнулъ, а жена быстро посмотрѣла на меня и потомъ продолжала:

«Все это произвело такое дѣйствіе на меня, что я прежде времени и внѣ дома родила. Вотъ какъ вы для своихъ корыстныхъ видовъ чуть-было не сдѣлали несчастными супруговъ, пламенно любящихъ другъ друга, а у добраго моего мужа чуть не отняли жены, страстно его любящей. Теперь подобнаго не будетъ. Я беру его съ собой въ деревню. Оттуда онъ будетъ присылать вамъ бумаги; прошу по нимъ исполнять все въ точности. Иначе я отступаюсь отъ всего, буду защищать любезнаго мужа моего, а васъ предоставляю вамъ самимъ.»

— Отпишемся, матушка Авдотья Макаровна! отпишемся — говорилъ первый засѣдатель. Вы дѣйствуйте, какъ вамъ угодно, а объ насъ не беспокойтесь. —

«Человѣкъ рожденъ для безпокойствъ,» сказалъ засѣдатель-философъ.

— Какъ вамъ угодно, сказала Авдотья Макаровна. Вы дѣлайте свое, я буду дѣлать свое. Но вы дол-

жны знать, что если явятся отъ мужа моего векселя или закладныя, то они ложныя. —

«Но если подпись его?» спросилъ засѣдатель - дѣлецъ.

— А можетъ я въ сумашествіи подписалъ ихъ? — брякнулъ я, да и прикусилъ языкъ.

Жена моя побагровѣла, конечно отъ сильнаго чувства, вообразивъ меня въ такой степени несчастнымъ. Потомъ сказала:

«Точно, мой другъ; ты былъ тогда какъ сумасшедшій и могъ еще больше надѣлать подобныхъ дѣлъ, если бы я не пріѣхала и не удержала тебя. Противъ всѣхъ его актовъ я буду подавать опроверженія, сказала она судьямъ. Уважите ли вы ихъ или не уважите, мнѣ горя мало. Я буду особенно просить г. губернатора, когда онъ пожалуетъ ко мнѣ крестить малютку моего.»

Ого! какъ всѣ, слышащіе это провозглашеніе, встрепенулись, вытянулись, какъ будто отъ личнаго присутствія его превосходительства, и на самую Авдотью Макаровну начали смотрѣть съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

По прошествіи перваго изумленія, начали толковать иначе и подавать мнѣнія, какъ бы сильнѣе дѣйствовать къ уничтоженію моихъ актовъ, выданныхъ во время моей любовной горячки — и постановили все на мѣрѣ. Тутъ же убѣждали будущую кумушку г. губернатора ходатайствовать за нихъ въ случаѣ нужды. И моя чувствительная, великодушная Авдотья Макаровна, обнадеживъ ихъ въ своемъ покровительствѣ, отпустила отъ себя.

Наконецъ здоровье Авдотьи Макаровны и моего милаго сына дозволило выѣхать намъ изъ города. Переездъ былъ благополученъ, и, возвратясь, мы приступили къ крестинамъ нашего Макарушки.

«Воля ваша, сказалъ я женѣ. Какъ-то имя это не громко отзывается. Не переимѣнить ли?»

— Вотъ вздоръ какой! — отвѣчала жена, и принялась писать къ губернаторшѣ, прося ее быть воспріемною матерью, а мнѣ изволила приказать просить въ воспріемные отцы предсѣдателя верхняго земскаго суда 2 департамента, къ которому относились всѣ опеки. Политикъ моя Авдотья Макаровна! Разславивъ, что губернаторъ будетъ кумомъ, она поставила себя въ уваженіе отъ членовъ уѣздныхъ, а приглашеніемъ губернаторши дѣла не испортила. Кумъ же, предсѣдательствующій въ судѣ, гдѣ разсматриваются опеки, для предводителя чуть ли не выгоднѣе и самого губернатора.

Исправникъ жилъ на дорогахъ и исправлялъ ихъ ночь и день, ожидая пріѣзда его превосходительства. Въ судахъ же писали, переписывали, подчищали, сшивали бумаги, полагая навѣрное, что губернаторъ, бывъ въ уѣздѣ, посѣтитъ и городъ и обревизуетъ присутственныя мѣста. Ничто не дремало.

Приглашенные кумовья отъ пріѣзда отказались, но были заглазными воспріемниками, и крестины моего первороднаго сына отпразднованы очень скромно съ родственниками жены моей, съѣхавшимися для такого радостнаго случая.

Когда окончился славнѣйшій для меня праздникъ, то жизнь моя сдѣлалась однообразною до тягости. Съ малыхъ лѣтъ, что называется, не сидя на мѣстѣ, я долженъ былъ безвыходно находиться дома и всегда на глазахъ Авдотьи Макаровны — и что тяжелѣе всего — слушать напоминанія и упреки на счетъ городской моей жизни.

Ревность ея такъ была велика, что она не позволяла мнѣ глядѣть на проходящихъ мимо женщинъ, каковы бы онѣ ни были; а говорить ужъ и того болѣе. Въ домѣ ограничила себя прислугою, состоявшею изъ старой женщины, наперстницы и наушницы ея, кото-

рая такъ же неослабно наблюдала за мною, какъ и сама Авдотья Макаровна, да десятилѣтней дѣвчонки, смуглой, рябой и весьма некрасивой. Пуганая ворона и куста боится.

Когда прѣзжали къ намъ гости, что случалось рѣдко, и то большею частію родные жены—моихъ же родныхъ она отучила отъ посѣщеній—то надзоръ за мной усугублялся. Жена моя, занимаясь гостями, не могла съ такою точностью наблюдать; тогда приказано было старухѣ, Клементьевнѣ, стоять у дверей и, не сводя глазъ съ меня, не допускать меня ни съ кѣмъ и перемигнуться; а чуть бы старуха что подобно недоброе замѣтила, то должна кашлянуть. На мою бѣду Клементьевна страдала удущьемъ, и отъ того минутъ черезъ пять кашляла... Мигомъ жена моя взглядывала на меня свирѣпо, и хорошо еще, если Клементьевна замѣчала этотъ взглядъ, такъ было тутъ и скажетъ: «И, матушка барыня! это не къ тому. Это отъ причины... замучилъ проклятый!» А прочіе неговоренные кашли Клементьевны ставились мнѣ въ строку и, по отѣздѣ гостей, получалъ я за нихъ жестокіе выговоры. Страстно любящая меня Авдотья Макаровна ревновала меня и къ роднымъ, не разбирая, старухи ли онѣ были или молодыя. «Любовная страсть слѣпа», говорила она: влюбляются люди безъ разбору»

О дѣлахъ по должности и говорить было нечего. Всѣмъ завѣдывала, все рѣшала Авдотья Макаровна, а я готовое переписывалъ и отправлялъ въ опеку для исполненія. Оно, впрочемъ, очень недурно. Сиди да посиживай; что дадутъ, перепиши, не ломай головы, какъ дѣло рѣшать, рѣшили безъ тебя. Счастливы люди, за коихъ работаютъ головой Авдотьи Макаровны или Пантелеи!

Все, что собственно до должности моей касалось, все исполняла она и распоряжала прекрасно. Но вотъ бѣда! открылся рекрутскій наборъ. Раскладку она, пожалуй, сдѣлала и назначила на всѣхъ недоброжелате-

лей своихъ, да и распорядила, чтобы въ собраніе прибыли только тѣ, съ кого нѣтъ рекрутъ. Они, разумѣется, подписали; а прочіе, не бывъ даже извѣстны о времени собранія, должны были ставить рекрутъ. Жалобы поданы, но поступили на разсмотрѣніе, а пока разсматриваются, рекруты взяты. Вся эта часть шла хорошо. Но предписано было рекрутъ принимать предводителю!...

Она затужила; я же, не зная ничего, упрашивалъ ее, чтобы она тутъ же въ засѣданіи была и ногой толкнула бы меня, котораго можно принять... Досталось же мнѣ за это предложеніе!... Когда же я на дѣлѣ увидѣлъ, такъ и сознался, что я совѣтовалъ нелѣпость. Кто ихъ зналъ!...

Авдотья Макаровна хотя по крайней необходимости и не входила въ присутствіе, но жила со мною въ городѣ и косвенно имѣла надзоръ за правильнымъ приѣмомъ.

Случались предписанія о исполненіи «ни мало не медля»; тутъ хорошо, когда Авдотья Макаровна не была занята своими дѣлами, то есть нарядами—щеголиха была—такъ распоряженіе мигомъ и поспѣло; а не то, такъ ходи да выжидай времени и ужъ къ ней ни приступу.

Въ одинъ годъ посѣтило несчастіе нашъ уѣздъ: налетѣла саранча. Отъ губернатора присланъ былъ нарочный, чтобы я немедленно и въ тотъ же часъ приступилъ къ истребленію ея и съ симъ же нарочно посланнымъ увѣдомилъ губернатора о мѣрахъ, какія мною предприняты будутъ. Я къ женѣ за наставленіемъ... а она, на великую мою бѣду, занималась приготовленіемъ чепчиковъ своихъ къ одной свадьбѣ, куда была прошена. Господи! ни приступу къ ней!

«Матушка Авдотья Макаровна!.. вотъ бумаги...»

— Отвяжись съ ними—отвѣчала она мнѣ, и продолжала приказывать суетящимся около нея служанкамъ: подай ножницы! —

«Но... бумаги отъ губернатора... важныя...»

— Ну, что тамъ? Придержи бантикъ... —

«Да вотъ, саранча налетѣла..»

— Сюда, прямо на чепчикъ. —

«Нѣтъ, матушка, не на чепчикъ, а на поля.»

— Ахъ, и ты тутъ. Послѣ. —

Я, видя, что ей большой недосугъ съ бантиками, замолчалъ, и она, продолжая прикалывать бантики, молчала. Потомъ вскрикнула: «Гдѣ же болванъ?»

— Здѣсь, матушка—отвѣчалъ я, полагая, что она меня изволить требовать.

«Тьфу!» Только и было ея отвѣта.

Я, видя, что она углубилась въ свои чепчики, опять приступилъ къ ней съ вопросами. «Что мнѣ съ нею дѣлать?»

— Приколи каждую булавою покрѣпче.

«Помилуйте, матушка Авдотья Макаровна! Да какъ это?...»

— Придерживай каждую рукою. —

Я испугался, полагая, не приключилось ли моей голубушкѣ помраченія въ разсудкѣ, когда она даетъ такія резолюціи. Вотъ я подошелъ къ ней опять за изъясненіемъ: «Да вѣдь множество этихъ животныхъ...»

Батюшки-свѣты! какъ она осердится на меня, какъ вскочить, какъ крикнетъ: «Вы еще все мнѣ надоѣдаете? Вонъ отсюда!...»

— Бумаги разрѣшите... —

«Я тебѣ говорю, вонъ! не мѣшай мнѣ.»

— Саранча, матушка!... —

«Тетеревъ, батюшка!» кричала она, кривя меня и, взявъ за руку, почти вытолкала меня, крѣпко на-крѣпко запрещаая беспокоить ее и не являться на глаза прежде ужина.

Пошелъ я въ сильномъ огорченіи не отъ того, что Авдотья Макаровна согнала меня съ глазъ—это бы еще не бѣда—но отъ того, что она не сказала мнѣ никакой резолюціи на истребленіе саранчи; а нарочный вѣдь надъ душою сидитъ.

Какъ нѣжный отецъ, любя горячо своего первороднаго сына и замѣчая въ немъ всѣ мои наклонности, я, въ часы горести, приходилъ въ дѣтскую (гдѣ въ такомъ случаѣ со стороны жены за поведеніемъ моимъ было не безъ надзора) любоваться Макарушкою и его штуками; на примѣръ, какъ онъ во всякое время могъ ѣсть все, что и сколько ему подадутъ; какъ тузилъ нянекъ своихъ; хотя ручонка его была еще и крошечная, но молодецкая замашка уже была въ немъ видна. Кровь, не вода. Вотъ я, любуясь имъ, слышу, что ребенокъ обкушался вчера и очень было-заболѣлъ, «не смѣли-де и барынѣ доложить, а сами кое-чѣмъ помогли.» Такъ говорили приставленныя къ нему мамушки и нянюшки.

Это какъ молнія освѣтило мое понятіе. Обдумавъ такую мысль, я приспособилъ ее къ обстоятельствамъ и принялся за предписанія самъ, уже и безъ жены. Вотъ мое средство къ истребленію саранчи.

Полагая, что ребенокъ, имѣя маленькой желудокъ, небольшимъ излишкомъ отягощаетъ его и тѣмъ можетъ причинить себѣ смерть; то саранча, будучи еще менѣе самаго дитяти, имѣетъ и желудокъ менѣе и слабѣе, чѣмъ у человѣческаго ребенка, слѣдовательно и небольшое отягощеніе желудка саранчи будетъ для нея смертельно, а особливо если не будетъ ей оказано медицинскаго пособія; а потому я нахожу весьма полезнымъ не препятствовать саранчѣ жрать хлѣбъ въ полѣ, сколько душѣ ея угодно; отъ чего она, обожравшись и не получивъ пособія, сама скоро пропадетъ, безъ нашихъ трудовъ.

На основаніи такого своего мнѣнія я предписалъ исправнику, чтобы саранча ни малѣйше никѣмъ не

была тревожима въ своихъ занятіяхъ по части сѣденія хлѣба въ поляхъ; а требовалъ только, чтобы на другой день истребленія ея донесено мнѣ было о числѣ погибшихъ, по самому вѣрному исчисленію, для донесенія начальству.

О такомъ распоряженіи донесъ я губернатору, и чтобы показать женѣ, что я и безъ нея могу дѣйствовать, промолчалъ предъ нею о моей выдумкѣ; а она, бывъ занята своими бантиками, не спросила меня о содержаніи полученныхъ мною бумагъ.

Что же губернаторъ? Вообразите, отвергнувъ мое средство, а принялся распоряжать самъ, мимо меня, и приказалъ просто «бить саранчу.» Такое средство, весьма незамысловатое, и я безъ дальнѣйшаго обдумыванія могъ бы изобресть; но съ хитрымъ звѣремъ, какъ саранча, надобно хитро и поступить; мой способъ былъ бы полезенъ.

Ко мнѣ же губернаторъ отнесся письмомъ, въ ко-емъ написалъ, что «изобрѣтенное вами-де нелѣпое средство я причитаю къ прочимъ дѣйствіямъ какъ по службѣ вашей, такъ и въ семейной жизни. Подобныя распоряженія вы конечно дѣлаете безъ одобренія супруги вашей, которая если бы знала, навѣрно не допустила бы васъ до того» и проч.

Я очень вѣжливо отвѣчалъ губернатору, сожалея, что онъ оставилъ средство мое къ истребленію саранчи безъ замѣчанія; но что я не могъ въ этомъ случаѣ руководствоваться совѣтами жены, занявшейся приготовленіемъ для себя головного убора къ выѣзду.

Губернаторъ на это замолчалъ. И что ему было отвѣчать? Я мастеръ былъ тонко дать замѣтить, что меня не переумничаешь. На томъ дѣло и кончилось.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

О томъ, какъ прїѣзжалъ губернаторъ осматривать нашъ городъ и какія отъ того произошли послѣдствія.

Такимъ образомъ я продолжалъ жить и служить; и все шло очень покойно. Къ ревности жены моей и угнѣтенію моему я привыкъ и относилъ это къ вторичному «положенію» Авдотьи Макаровны, и потому переносилъ все терпѣливо и даже съ нѣкоторою гордостью.

Слухи у насъ проносились, что губернаторъ нашъ, какъ былъ военный генералъ, поступилъ въ армію, а къ намъ опредѣленъ изъ штатскихъ чиновниковъ, въ Петербургѣ служащихъ. Но кто онъ и каковъ, мы не знали и не заботились. Узнаемъ же, какъ придетъ время.

Въ одну ночь неожиданно, среди сладкаго сна, разбужаютъ меня, что прискакалъ-де нарочный изъ города съ бумагами.

Надобно было проснуться и заняться чтеніемъ бумагъ. Былъ часъ по полуночи. Это еще ничего. Что же я начитываю? Судья пишетъ, что сосѣдняго уѣзда исправникъ сообщилъ имъ горестное извѣстіе, что вновь опредѣленный губернаторъ, немедленно по прибытіи осмотрѣвъ судебныя мѣста, уже не въ намѣстническомъ, а переименованномъ въ губернской, городѣ, поѣхалъ осматривать уѣзды, и что вездѣ дѣйствуетъ «рѣшительно.» Завтрашняго числа будетъ къ намъ, почему умолялъ меня поспѣшить прибыть въ городъ къ утру, чтобы явиться губернатору, и притомъ просилъ привезти все необходимое для угощенія губернатора и свиты его. «Въ такомъ случаѣ — заключалъ онъ письмо — знаете, какъ много можетъ смоченая хлѣбъ-соль...»

Сонъ мой пропалъ, и я долго придумывалъ, чеша въ головѣ, что мнѣ дѣлать: спать или ѣхать?

«Что же ты медлишь? услышалъ я отъ жены страшный приказъ. Поѣзжай сейчасъ и будь въ городъ на разсвѣтъ. Судью проси, чтобы показалъ опеку, сколько можно лучше; а объ угощеніи пусть не беспокоятся: я въ слѣдъ за тобою ѣду и везу все. Послѣ перваго знакомства проси губернатора обѣдать ко мнѣ на квартиру.

Хочу-не хочу—поѣхалъ я ночью, и меня, по приказанію Авдотьи Макаровны, мчали до того, что я къ разсвѣту ввезенъ въ городъ. Избы, гдѣ помѣщались наши суды, были освѣщены; приказные всѣ въ сборѣ. Кто пишетъ, кто разбираетъ бумаги по сортамъ, сшиваетъ, складываетъ; кто подчищаетъ, перечисчиваетъ, новое вписываетъ; секретарь съ двумя приказными таскаетъ на чердаки кипы дѣлъ; архиваріусъ наклеиваетъ билеты съ означеніемъ года на сверткахъ бумагъ, безъ разбора, по произволению своему.

Вошелъ я въ присутствіе. Судья, блѣдный, дрожащій, съ трудомъ можетъ писать то, что диктуетъ ему первый засѣдатель, который также очень смѣшанъ и безпрестанно потираетъ себѣ лобъ. Другой засѣдатель ходитъ по камерѣ присутствія и иногда провозглашаетъ: «Нечаянность поражаетъ.»

Всѣ они обрадовались пріѣзду моему, надѣясь, что губернаторъ конечно найдетъ большіе безпорядки, будетъ сердиться, начнетъ взыскивать, тогда я буду просить за нихъ; тутъ Авдотья Макаровна съ обѣдомъ—и все пойдетъ хорошо. Они отдохнули.

«Развѣ есть безпорядки у васъ по суду?» спросилъ я.

— Какъ не быть! Мы не ангелы, а тѣ же смертные человѣки со слабостями и со грѣхами—сказалъ первый засѣдатель; а другой перебилъ его восклицаніемъ:

«Во грѣхахъ родится смертныхъ родъ.»

Первый засѣдатель продолжалъ:

«Впрочемъ по суду мы не боимся ничего; все сладили, уладили, и не докопается ни самъ стоглазый аргусъ. Но по опеку—дѣло плохо! Ябедники подали на насъ просьбы за удаленіе опекуновъ и опредѣленіе на мѣста ихъ нашихъ родственниковъ. Вступили доносы, что сиротскія суммы, вмѣсто того чтобы употребить ихъ на приращеніе, находятся у васъ...»

— Развѣ эти суммы у меня?—спросилъ я съ удивленіемъ.

«Какъ же? отвѣчали судья и засѣдатель. Неужели вы не знаете? Вамъ поручены по опредѣленіямъ опеки...»

Что-то непонятно! подумалъ я.

Городничій прислалъ просить меня къ себѣ на совѣтъ — и тѣмъ прервался нашъ разговоръ, смутившій меня; обдумавши же, я отнесъ это все къ замѣшательству членовъ опеки.

Городничій показалъ мнѣ острогъ и спрашивалъ меня, довольно ли все порядочно, чисто, и не нужно ли чего дополнить?

«Если правду сказать, сказалъ я, осмотрѣвъ все внимательно: все чисто, хорошо, отлично; но есть недостатокъ, и довольно важный.»

— Какой? — спросилъ городничій торопливо.

«Казармы почти пусты. Губернаторъ можетъ заключить, что арестанты у васъ разбѣжались. Но этому въ одну минуту можно пособить...»

— Какъ это? — спросилъ городничій, смотря на меня съ большимъ удивленіемъ, конечно не ожидая отъ меня, чтобы я это замѣтилъ и скоро изобрѣлъ средство исправить безпорядокъ.

«А вотъ какъ, сказалъ я съ самодовольствіемъ отъ счастливой мысли. Прикажите поскорѣе нахватать кого-зря съ улицъ и засадите въ острогъ. Увидите, что получите отъ губернатора благодарность за порядокъ.»

Городничій покраснѣлъ. Долго смотрѣлъ на меня, и наконецъ сказалъ въ пол-голоса: «Я думаю, вамъ извѣстно, что въ острогъ сажаютъ только по приговору суда...»

Услышавъ это, я тотчасъ оставилъ городничаго и пошелъ въ судъ, чтобы поскорѣе, на основаніи моего прожекта, составили опредѣленіе о предписаніи городничему нахватать на улицѣ муштинъ и женщинъ, стараго и малаго, купца и солдата, и засадить всѣхъ въ острогъ, по случаю пріѣзда его превосходительства.

Члены смотрѣли на меня, вытараща глаза.

Второй засѣдатель, какъ философъ, проговорилъ первый:

«Совѣтъ благой подать есть дѣло мудраго, а не...»

— Согласна ли на это Авдотья Макаровна? Спросите ее — отвѣчалъ первый засѣдатель.

Я бросился-было къ ней, но бѣжащій полицейскій солдатъ съ крикомъ: «ѣдетъ... ѣдетъ... и близко!..» остановилъ меня.

Его превосходительство, выйдя изъ кареты, тотчасъ спросилъ меня, кто я? Я былъ уже въ новомъ темнозеленомъ мундирѣ; прочіе всѣ, по старой формѣ, были въ красныхъ мундирахъ.

«Арміи отставной прапорщикъ, Петръ Степановъ сынъ Столбиковъ, здѣшняго уѣзда господинъ уѣздный предводитель. Честь имѣю себя рекомендовать. Прошу меня полюбить...»

— Увидимъ, увидимъ, сказалъ губернаторъ, усмѣхаясь. Я радъ, что нашелъ васъ здѣсь. Не угодно ли вамъ быть со мною при ревизіи службы чиновниковъ, избранныхъ дворянствомъ, и еще болѣе — по вліянію вашему? —

«Очень хорошо,» отвѣчалъ я — и пошелъ за губернаторомъ, въ земскій судъ.

Губернаторъ мигомъ нашелъ большіе безпорядки. Сотни слѣдствій были неисполнены и находились у засѣдателей по домамъ. Одного засѣдателя тутъ же отправилъ въ губернской городъ, для выдержанія на обвахтѣ двѣ недѣли; прочихъ отрѣшилъ, а назначилъ отъ короны, приказавъ оканчивать дѣла прежнимъ безъ жалованья.

«Я буду знать о дѣйствіяхъ вашихъ, и знаю, чѣмъ васъ понуждать, сказалъ губернаторъ. Вы не можете сказать, что не имѣете способовъ производить дѣла. Я знаю до послѣдняго, что вы взяли. Г. земскій комисаръ! продолжалъ онъ, обратясь къ называвшемуся прежде исправникомъ: Извольте сдать свою должность вступающему на мѣсто ваше отъ короны и донесите мнѣ о сдачѣ.»

Оттуда пошелъ онъ въ уѣздный судъ. Сѣлъ. Спросилъ журналы. «Хорошо! сказалъ онъ, пробѣжавъ глазами статьи. Журналъ вчерашняго числа. Вы не запускаете...»

— Стараемся — сказалъ судья, къ удивленію моему, съ замѣшательствомъ.

«Похвально стараніе, сказалъ губернаторъ. Но потрудитесь объяснить мнѣ, г. судья, въ чемъ заключалась первая статья вчерашняго числа?»

Судья молчалъ и блѣднѣлъ.

«Или вы, г. засѣдатель, объясните. Дѣло вамъ очень знакомо. Вы вчера записали голосъ свой. Говорите же.»

И засѣдатель молчалъ.

«Стыдитесь, господа! сказалъ губернаторъ строго. И вы вздумали обманывать вашего начальника? По цвѣту чернилъ и пыли въ бумагахъ я вижу, что это прошлогодній журналъ. Секретарь! отыщи прошлой годъ и подай ко мнѣ.»

Трепещущими руками секретарь подалъ прошлогодніе журналы, и губернаторъ отыскалъ, что за два мѣсяца вырѣзаны журналы.

«Стыдитесь, господа! Это уже не безпорядокъ, а злоупотребленіе. Зачѣмъ вы такъ запустили журналы, когда у васъ и дѣлъ такъ мало. Неужели всего двадцать два дѣла?»

— Точно такъ — отвѣчалъ судья.

«Очень, очень похвально, сказалъ губернаторъ, улыбаясь. Въ такомъ многолюдномъ уѣздѣ и такъ мало дѣлъ у васъ. Полно такъ ли?» продолжалъ онъ спрашивать по одиначкѣ членовъ.

И всѣ подтверждали. А секретарь на вопросъ прибавилъ:

— И то за справками остановка. —

«Очень похвально. И какъ вы у меня въ губерніи отлично дѣятельны, то я хочу доставить вамъ новый случай къ выслугѣ. У меня есть множество дѣлъ интересныхъ, уголовныхъ и всякаго рода. Я хочу препоручить вамъ разсмотрѣть ихъ и рѣшить особою коммисіею. Не отяготительно ли это вамъ будетъ?»

— Напротивъ, ваше превосходительство! сказалъ первый засѣдатель, на лицѣ котораго просіяло удовольствіе подобно какъ у кота, поймавшаго мышъ. Мы всемѣрно будемъ стараться оправдать такую отличную довѣренность. —

«Трудъ укрѣпляетъ здравіе и свойственъ только добродѣтельному», изрекъ второй засѣдатель.

— Очень похвально, сказалъ губернаторъ. Драгунъ! Возьми изъ этихъ молодцевъ двухъ—указывая на писцовъ—и веди ихъ за секретаремъ, который укажетъ, гдѣ лежатъ дѣла. Подъ твоимъ присмотромъ пусть переносятъ сюда. —

«Каковыя дѣла? осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству», сказалъ секретарь смѣло и бойко.

— Тѣ, голубчикъ, которыя ты запряталъ, сказалъ губернаторъ хладнокровно. У васъ въ судѣ много дѣлъ, мнѣ извѣстныхъ, но я ихъ не вижу по настольному ре-

эстру, изъ котораго однакожъ много листовъ вырѣзано; слѣдовательно дѣла должны быть припрятаны. Веди ихъ, секретарь. —

«Никакъ нѣтъ-съ...» еще хотѣлъ - было говорить секретарь.

Тутъ губернаторъ закричалъ на него грознымъ голосомъ, и приказалъ драгуну тащить его и отыскать дѣла.

Волею или неволею, а пошелъ секретарь и, какъ нельзя было отдѣлаться, привелъ прямо на чердакъ... откуда и начали таскать кипы и навалили дѣлъ ужасныя кучи.

Сперва члены суда стояли бодро; но когда показались первыя кучи, тутъ они приступили къ губернатору и, почти къ ногамъ его припадая, не слушая его упрековъ и выговоровъ, безпрестанно вопили: «Помилуйте, ваше превосходительство, помилуйте!...»

Я также бросился - было къ губернатору, прося его о пощадѣ виновныхъ, но онъ, и меня не слушая, закричалъ гнѣвно:

«Кончено! Нѣтъ милости не знавшимъ милости къ несчастнымъ, страдавшимъ отъ вашего суда. Г. предводитель! ведите меня въ дворянскую опеку.»

Вотъ была для меня задача! По случаю перемѣщенія судебныхъ мѣстъ въ новыя квартиры я не зналъ, гдѣ расположена опека, и стоялъ какъ вкопанный.

«Идемъ въ опеку, сказалъ губернаторъ. Ведите.»

— Ваше превосходительство!... я ... незнаю гдѣ... —

«Начало хорошо, сказалъ губернаторъ. Вѣроятно, и прочіе члены не знаютъ. Ведите же меня, если кто знаетъ...»

Судья привелъ губернатора въ опеку, и тутъ-то губернаторъ открылъ мнѣ, чего и я не зналъ. Укорялъ за опредѣленіе опекуновъ изъ числа родственниковъ нашихъ; показалъ намъ злоупотребленія по отчетамъ,

въ которыхъ , отъ поспѣшности представить губернатору , написано было по одному имѣнію , что рогатый скотъ , овцы и « лошади » употреблены въ пищу для трехъ малолѣтнихъ въ теченіе года. Тѣ суммы, которыя показаны опекунами въ наличности, хранились у предводителя.

Напраслина, божусь, что напраслина! Я не принималъ ничего. Все это стибрили мои товарищи, а на меня написали.

Часа два его превосходительство изволилъ заниматься указаніемъ намъ всѣхъ злоупотребленій, и потомъ принялся « пудрить » всѣхъ насъ и въ особенности меня. « Стыдно вамъ , г. предводитель ! Вы избраны своими собратіями для защиты вдовъ и сиротъ и сбереженія достоянія ихъ , но вы первый грабитель и раззоритель ихъ. Вы скажете, что вы ничего не знали, все дѣлали члены ? Какой же вы презусъ, если вы не видали, что подъ носомъ у васъ дѣлается ? Вы не могли знать, васъ обманывали, проводили, а вы не имѣли столько . . . ну, хоть знанія, чтобы видѣть это ? Зачѣмъ же вы шли къ должности, не понимая ея, и не имѣя способностей предотвращать злоупотребленія ? Стало, вы врагъ общему спокойствію, врагъ порядку, врагъ правдѣ, врагъ чело-вѣчеству, врагъ отечеству ! Стыдитесь ! »

И я-таки ужасно покраснѣлъ.

Губернаторъ продолжалъ : « Вы надѣялись на свою жену, что она за васъ будетъ думать и распоряжать. Такъ вамъ надобно было надѣть чепчикъ и вязать колпакъ, а жену прислать сюда. Впрочемъ вы и всякій подобный вамъ, управляемый женою, секретаремъ, камердинеромъ и т. под., есть также гнилой членъ въ государственной службѣ, который немедленно по открытіи должно отсѣчь. »

Я, боясь, чтобы онъ еще болѣе чего не наговорилъ, рѣшился удержать его и, подступя къ нему, твердо сказалъ :

«Ваше превосходительство! удостойте меня пожаловать ко мнѣ откушать. Авдотья Макаровна васъ ожидаетъ.»

Губернаторъ ударилъ себя въ лобъ и сказалъ: «Боже мой! какіе есть люди! «Потомъ долго смотрѣлъ на меня съ жалостію, конечно совѣстясь, что немного лишняго мнѣ наговорилъ; наконецъ сказалъ: «мнѣ стыдно за васъ. Г. городничій! идемъ въ полицію», и пошли.

У городничаго въ присутствіи такой былъ тяжелый запахъ, что губернаторъ и пяти минутъ не могъ пробыть, и вышелъ, приказавъ однакожъ перенести къ себѣ всѣ бумаги.

Осматривая все, губернаторъ сожалѣлъ, что городъ худо выстроенъ, и спрашивалъ у меня, не знаю ли я какого средства помочь жителямъ, чтобы могли выстроиться приличнѣе?

«Весьма легко, ваше превосходительство! отвѣчалъ я: сломать все ветхое и некрасивое. Жители выстроятся вновь, и будетъ славный городъ.»

Губернаторъ посмотрѣлъ на меня, вздохнулъ, и пошелъ.

Мы продолжали сидѣть въ своихъ присутствіяхъ, а губернаторъ между тѣмъ, осмотрѣвши все, вошелъ въ домъ какаго-то купца и, призвавъ секретаря своего, что-то долго писалъ. Наконецъ, приславъ къ намъ бумаги, уѣхалъ въ свой путь.

Со страхомъ и трепетомъ распечатали мы бумаги по принадлежности... и что же?

Описавъ всѣ вины членовъ уѣзднаго суда, губернаторъ изъяснялся, что хотя бы и слѣдовало ихъ отрѣшить и предать суду, но какъ удаленіе чиновниковъ отъ должности доставляетъ имъ способы къ разнымъ изворотамъ, а тяжесть запушеній, ими сдѣланныхъ, ляжетъ на другихъ невинныхъ, то онъ, не отрѣшая ихъ отъ дол-

жностей, предаеть ихъ суду, предписываетъ изъ нихъ составить временный судъ, и они, подъ предсѣдательствомъ чиновника и секретаря, коихъ онъ назначить, должны въ одинъ годъ кончить всѣ дѣла, безъ жалованья и содержа судъ своимъ иждивеніемъ, равно выдавая отъ себя же предсѣдательствующему и секретарю жалованье по классамъ. Для обезпеченія чего немедленно имѣнія ихъ взять въ опеку, съ коихъ удовлетворять и всѣ начеты по дворянской опекѣ, какіе найдены будутъ уже гражданскою палатою.

Увы! какъ пишутъ стихотворцы: верхніе земскіе суды были уничтожены, и уже не кумъ мой, предсѣдатель, разсматривалъ дѣла опеки, а гражданская палата, гдѣ засѣдали люди важные. Даже съ секретаремъ палаты нашъ братъ не смѣло пускайся въ разговоры.

Меня губернаторъ нашелъ всему виновнымъ по опекѣ, и за всѣ злоупотребленія предписывалъ предать суду, и какъ неблагонадежнаго и «къ отправленію толико почетной должности не имѣющаго моральныхъ способностей», удалить отъ оной и мѣсто мое занять кандидату.

Вотъ былъ ударъ! Опамятовавшись немного, мы начали другъ друга укорять, зачѣмъ не остерегали товарищей. Долго бы нашъ споръ продолжался, но второй засѣдатель изрекъ:

«Сожалѣніе о сдѣланной глупости есть пустословіе. Обѣдать пора.»

Мы разошлись. Я уже не позвалъ бывшихъ моихъ товарищей къ себѣ на обѣдъ. Къ чему мнѣ они теперь?

Авдотья Макаровна, услышавъ это роковое извѣстіе, упала въ обморокъ, настоящій, дѣйствительный обморокъ, такъ что насилу мы ее привели въ чувство. Я обѣдалъ одинъ, а она лежала въ постелѣ. А какой пре-

красной обѣдъ былъ приготовленъ для его превосходительства!...

Скоро мы уложились и поѣхали въ деревню.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ и послѣдняя

О томъ, какъ я доживаю вѣкъ свой.

Судили меня; ѣздилъ я въ губернскій городъ, являлся въ уголовную палату, подписывалъ отвѣты на вопросные пункты, и уже ожидалъ рѣшенія, какъ секретарь поздравилъ меня, что я избавился большой бѣды. Полученъ-де милостивый манифестъ, всѣ подсудимые прощены и судъ прекращенъ.

Мнѣ должно было уплатить ужасную сумму по опека, и я, съ большою разстройкою, все очистилъ; а какъ меня, не смотря на прощенье, не можно было опредѣлить уже ни къ какой должности, то я и погасилъ возродившееся было во мнѣ честолюбіе. Бросилъ все и важилъ дома безвыѣздно...

Но что же это за жизнь! Дворяне, родные, знакомые, не терпя Авдотьи Макаровны, не хотятъ знать и меня. Никогда не навѣщаютъ насъ и не приглашаютъ къ себѣ. Годы провожу съ женою, и съ женою... Авдотьей Макаровою, устарѣвшею, отъ горя и досады подурнѣвшею до невѣроятности, на бѣду сохранившею страсть говорить почти безпрестанно, ревнивою, подозрительною, строгостью своею изнуряющею малютокъ нашихъ — Макарушку, Дуняшу и Оомушку. Къ прискорбію моему, не имѣлъ я воли дать дѣтямъ моимъ и имянь по желанію моему! У насъ только трое дѣтей и было. Скоро состарѣлась моя голубушка!

Помня всегда о горестной жизни тетушки моей, въ добрый часъ я выпросилъ у жены согласіе перевезти ее къ намъ и покоить до смерти. Послалъ экипажъ съ

благонадежными людьми, но они возвратились безо всего. Она, горемычная, скончалась на рукахъ служителей: они закрыли ей глаза, они похоронили, они и оплакали ее; а родныя дѣти праздновали у сосѣда на свадебномъ пиру. Послѣ нея дѣти, приступя къ раздѣлу имѣнія, ссорятся между собою, ведутъ тяжбы, разоряютъ имѣніе съ намѣреніемъ — что придется отдать по суду, такъ отдать разоренное.

Въ такомъ-то положеніи жизнь моя тянется безъ всякихъ радостей и нечувствительно приблизила меня къ старости. Слушаю всего много чрезъ цѣлый день, а не-кому передать своей тоски, горя; это бы облегчило меня. Вспомнивъ про дядюшку Лаврентія Степановича, я, украдкою отъ жены, писалъ къ нему и, изложивъ все, претерпѣнное мною, и въ какомъ нахожусь положеніи, просилъ родственнаго наставленія, какъ и чѣмъ бы облегчить злую долю мою? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что я, какъ молодой человѣкъ (а мнѣ уже за шестьдесятъ лѣтъ), нетерпѣливъ, неоснователенъ, вѣтренъ. «Тебѣ бы, писалъ онъ, чуть что не такъ идетъ, такъ тутъ же и перемѣнить. Вступишь въ свѣтъ, поживешь въ немъ, узнаешь людей; поймешь, что на все надобно терпѣніе. Время же лучше всего исправить. Увидишь потомъ, что на свѣтѣ все непостоянно: добро и худо слѣдуетъ одно за другимъ. Теперь страждешь, а придешь въ лѣта, попривыкнешь къ бѣдѣ и будешь смотрѣть на все равнодушно. Такъ и въ супружеской жизни съ твоей милою женой, а моей любезнѣйшей племянницей, которой имени и происхожденія ты не написалъ, къ моему неудовольствію. Поспѣши исправить упущенное, чтобы я имѣлъ полное свѣдѣніе о всемъ нашемъ родѣ. И о малюткахъ, по мѣрѣ рожденія, извѣщай. Что же у васъ теперь неладно между собой, не удивляюсь. Жены, конечно, по страстной любви, каждый изъ васъ требуетъ взаимной нѣжности, а отъ того и

И

И

И

И

И

И

И

И

И

размолвки. Поживите, друзья мои! время все исправить. Любовь обратится въ дружбу; узнаете нравъ и характеръ другъ друга, заживете какъ голубки. Приѣзжайте тогда и меня порадовать своимъ счастьемъ...» и проч.

Благодаренъ за такое утѣшеніе, когда уже «день мой, вѣкъ мой!» Но къ дядюшкѣ мы не имѣли надобности ѣхать...

Даже и надъ дѣтьми я не имѣлъ никакой власти; все съ ними устроивала Авдотья Макаровна, какъ будто они только ея дѣти! Старшій, Макарушка, будетъ большой говорѣзь; не спуститъ никому, тотчасъ на кулаки. Полагаю, что состояніе духа матери въ тотъ моментъ, когда онъ раждался, имѣло сильное вліяніе на характеръ его. Дуняша по матушкѣ: уже о сю пору наровить поддѣть кого и вытти за-мужъ. Была бы и смазливенька, да на бѣду оспа исковеркала всю рожу. Въ нашъ вѣкъ еще не вѣрили въ коровью. А что за щеголиха будетъ! Только и думаетъ что объ убранствѣ. Натура за некрасивость наградила ее страстью къ украшенію. Оомушка милѣ всѣхъ. Всѣ толстопузенькіе, а онъ, душечка, пузастѣе. Всѣ къ наукамъ непадки и умомъ не зайдутъ далеко, а онъ и отъ нихъ отсталъ. Онъ мой любимецъ.

Не знаю, какъ распорядить съ ними мать, моя Авдотья Макаровна? Она все дѣлаетъ по своей волѣ и даже не говоритъ мнѣ о намѣреніяхъ своихъ. Теперь она исторгнула ихъ у меня и повезла въ Москву для опредѣленія въ училища.

Безъ нея духъ мой спокоенъ, мысль свободна и память освѣжилась. XVIII вѣкъ исходитъ; обычаи, правила, понятія измѣняются; вотъ и пришло мнѣ на мысль описать жизнь и походы мои. Взялъ да и написалъ, и положилъ подалѣе на память будущимъ ро-

дамъ. Да не осудить читающій за некрасивое изложе-
ніе, зачѣмъ все шло такъ, а не иначе. Въ этомъ я не-
виновать.

КОНЕЦЪ.

ТИХВИНСКІЙ
КУПЕЦЪ
ВАСИЛІЙ АКИМОВИЧЪ
ЧЕРНИКОВЪ.
ГОР ТИХВИНЪ

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Глава первая о томъ, какъ служилъ я у рас- четливаго помѣщика	1
Глава вторая о томъ, какъ я служилъ у друга людей	9
Глава третія о томъ, какъ я опредѣлился на дол- жность къ помѣщику съ твердою волею	18
Глава четвертая, въ которой описывается, отъ чего потерялъ я выгодное мѣсто	30
Глава пятая о томъ, какъ служилъ я у знатнаго барина	42
Глава шестая о томъ, какъ я служилъ у дѣло- ваго человѣка	62
Глава седьмая о томъ, какъ я узналъ о рѣше- ніи дѣла моего	71
Глава осьмая о томъ, какъ я принялъ все вообще имѣніе свое	77
Глава девятая о томъ, какую вель я покойную и пріятную жизнь	81
Глава десятая о томъ, какъ я рѣшительно при- ступилъ къ женитьбѣ	84
Глава первая-надесять о томъ, какъ я, къ вѣчному прискорбію моему и не обдумавши, наконецъ женился	88
Глава вторая-надесять, въ которой описываются послѣдствія брака моего	100
Глава третія-надесять о томъ, какъ жена моя начала дѣйствовать къ возвышенію моему . .	104
Глава четвертая-надесять о томъ, что мы ви- дѣли по дорогѣ въ городъ	109

	Стран.
Глава пятая-надесять, въ которой описываются дѣйствія наши въ городѣ предъ выборами . .	116
Глава шестая-надесять, въ которой описы- ваются дѣйствія другихъ дворянъ	120
Глава седьмая-надесять о томъ же.	126
Глава осьмая-надесять, въ которой описы- ваются дальнѣйшія дѣйствія наши предъ вы- борами	138
Глава девятая-надесять о томъ, какъ начались выборы	145
Глава двадцатая, въ которой описываются слѣд- ствія бывшаго у меня завтрака	149
Глава двадцать первая, о томъ, что еще происходило на выборахъ	152
Глава двадцать вторая о томъ, какъ я на- чалъ и продолжалъ службу	160
Глава двадцать третья о томъ, какъ я былъ взятъ женою моею подъ надзоръ	167
Глава двадцать четвертая о томъ, какъ я служилъ и жилъ постоянно подъ надзоромъ жены	178
Глава двадцать пятая о томъ, какъ пріѣз- жалъ губернаторъ осматривать нашъ городъ и какія отъ того произошли послѣдствія	189
Глава двадцать шестая и послѣдняя о томъ, какъ я доживаю вѣкъ свой	199

Kvitka-Osnovjjanenko, Hryhorij Fedorovyč,

Žizn i pochoždenija Petra Stepanova syna Stolbikova, poměščika v trech
naměstničestvach rukopis XVIII v

Bd.: Čast 3-ja

(Sanktpeterburg) 1841

P.o.russ. 60 r-3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610060-4